ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 27 ИЮЛЬ 1990

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 27 (3285)

30 июня — 7 июля

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фрагмент плаката А. ВАГАНОВА, представленного на юбилейной выставке плакатов МОСХа.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 11.06.90. Подписано к печати 26.06.90. А 00317. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2435. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРОШУ СЛОВА

Анатолий ГОЛОВКОВ

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Итак, сбылась голубая мечта тех, кому перестройка перекрывала дыхание, как кость в горле. Закончился Учредительный съезд Компартии РСФСР, выбран первым секретарем И. К. Полозков. Он стал лидером новой партии на совершенно законных основаниях. Более того, Иван Кузьмич вполне достоин этого поста, своей новой партии «коммунистической ориентации» и, будьте уверены, поведет ее куда следует...

«А куда следует-то?» — спрашивали мы себя в первый понедельник после того, как делегаты отпели «Интернационал». Политической программы нашего дальнейшего шагания к будущему нет. Есть лишь намеки. Хотя цель названа: «гуманный демократический социализм», как заявлено в Обращении. Кто бы только растолковал, что это такое?

Проходил форум бурно, от телевизора не оторвешься, с редким единодушием, если не считать тоненьких голосов меньшинства. И порой складывалось ощущение, будто некоторых делегатов век держали взаперти без права голоса, вроде генерала Макашова,— так у них накипело... Представился редкий случай похамить Президенту, а также «решительно отмежеваться» от демократически настроенной общественности. То есть от нас с вами, дорогой читатель.

Полна глубокого и тайного смысла Резолюция съезда. Нигде не сказано, к примеру, что КП РСФСР берет на себя вновь руководящую роль в обществе и государстве: неудобно как-то ссориться с Комитетом конституционного надзора. Но там же нас призывают к формированию «в Советах всех уровней партийных групп», к координации их деятельности. Партийных — это каких? И кадетских тоже? Съезд не против перехода к «регулируемой рыночной экономике»... Но тогда при чем тут «коммунистическая перспектива»?

Многих съезд огорчил. Полноте, он и не мог быть другим! И он декларировал все, что хотел, безо всякого нажима, отразив как в зеркале политическую ситуацию в стране. И наконец-то мы будем иметь свое родное российское Политбюро во главе с И. К. Полозковым, который в предвыборном заявлении достаточно четко сказал о своем намерении: «...Самое главное — быстрее покончить с той говорильней, в которой мы уже утонули несколько лет...» Вам что-нибудь еще не ясно, читатель?

Форум российских коммунистов перед XXVIII съездом КПСС дал понять, что в обществе завершается поляризация двух основных сил: аппаратчиков и примкнувших к ним партийных бояр, напуганных политикой М. С. Горбачева, и демократической общественности различного толка, увы, не так сплоченной. К чему это может привести — вполне очевидно. Первых, не забудем, горячо поддерживают генералитет армии, КГБ, МВД, номенклатура среднего звена и люди, которым выгодна уравниловка под знаменем марксизма-ленинизма. Выгодна, поскольку она составляет гарантии благополучия. Со вторыми, вероятнее всего, вынуждены будут искать союза Президент (если он желает остаться Генеральным секретарем ЦК КПСС) и Правительство, выдвинувшее весьма рискованную экономическую программу.

Съезд призвал к консолидации. С кем же? Не знаю, как насчет консолидации, но в душах многих членов КПСС (в том числе и в моей) Учредительный съезд породил глубокие сомнения.

Впереди XXVIII съезд КПСС. Доживем — увидим.

Мясо на весах.
Фото Дмитрия КОРОБЕЙНИКОВА

Александр БОЛОТИН

Города Кузбасса — яркие маячки надежды в безбрежном океане нашей героической истории. Брожу по расплавленным от жары улицам Кемерова, Прокопьевска, Новокузнецка и словно чувствую ток, идущий из недр земли, где колыхает невидимая миру работа, и словно вижу при тусклом свете шахтерских ламп, как с металлическим звоном скатываются в лаву длинные вереницы вагонеток, и словно ощущаю запах крепежного леса и пропитанных мазутом шпал, и словно слышу пулеметную дробь отбойных молотков и скрежет маховиков угольных комбайнов, и, безусловно, начинаю понимать, что именно здесь, в самом сердце индустриализации, где на шахтных дворах горят горняцкие звезды, а по соседству тянутся к небу толстые трубы металлургических супергигантов, черпали мы силы для безудержного идеологического подкрепления своих незыблемых постулатов и именно здесь особенно громко, набатно и властно звучал великий лозунг социализма: «Давай, давай!»

О ЧЕМ МЫ МЕЧТАЛИ, К ЧЕМУ МЫ СТРЕМИЛИСЬ...

А что взамен? — другой вопрос. Легендарные очереди за колбасой и мясом или удушливый смог над жилыми кварталами, крайне низкий уровень медицинского обслуживания или разоренное вконец село, инфляция, кризис культуры, разгул преступности, духовная ущербность, обострение межнациональных отношений... Да разве перечислишь все беды, свалившиеся на нашу голову на 73-м году существования самого светлого, гуманного и справедливого общества на земле. Поистине ритуальны эпитеты, коими мы бездумно оперировали все эти десятилетия и горькая ирония которых ныне особенно очевидна. Долог и труден был путь к прозрению, но, слава богу, сегодня, кажется, этот момент наступил. Подобно Радищеву, мы «оглянулись окрест» и содрогнулись от увиденного. И, как ни странно, это, может быть, первый и, увы, пока единственный реальный успех начатой пять лет назад перестройки. А что же дальше?..

В значительной степени ответ на этот вопрос даст XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, открытия которого с нетерпением ждет весь рабочий Кузбасс. Сумеют ли его делегаты объективно и честно осознать степень вины КПСС как авангардной политической организации за курс, приведший к сегодняшнему кризису, или восторжествует традиционное словоблудие, в коем главным было слепое восхваление догм и стереотипов? Сумеют ли они четко очертить контуры новых партийных структур с решительным обновлением ЦК и Политбюро, или продолжится «консолидация на принципиальной основе» с осуждением инакомыслящих и соответствующей «охоты на ведьм» в наиболее здравомыслящих слоях партийных рядов? Одним словом, продолжится ли путь в никуда или партия найдет в себе силы для возвращения на общечеловеческий путь развития? Об этом сегодня говорят в Кузбассе в очередях и заводских курилках, на остановках общественного транспорта и заседаниях рабочих комитетов... Кредит доверия к тем, кто все эти годы «правил бал», исчерпан, но человек есть человек, и слабый лучик надежды на перемены к лучшему погасить в нем почти невозможно.

Не будем забывать, что Кузбасс был тем звеном в цепи, которое первым лопнуло от избыточного напряжения. Отчаявшись быть понятым на обычном человеческом языке, народ заговорил языком стачек. Прошлым летом забастовки вывели здесь на городские площади сотни тысяч горняков. Они заявили решительный протест политическому бесправию и социальной несправедливости, низкой зарплате и пустым прилавкам, всем глубоко укоренившимся порокам общества — коррупции, бесхозяйственности, преступности... Вместе с шахтерами на улицу кузбасских городов прошлым летом вышли металлурги, строители, служащие, интеллигенция, пенсионеры, молодежь. Страна ощутила необычайной силы толчок «всенародного противостояния существующей системе». «Винтики» заговорили — и страна затаила дыхание: как развяжется этот «гордиев узел»?

В наше время полезно перечитывать великих. Крупнейший философ нынешнего столетия Николай Александрович Бердяев, предчувствуя обострение основной проблемы в отношениях человека и нашего общества, еще в 30-е годы писал в своей широко известной книге «Истоки и смысл русского коммунизма» буквально следующее: «О новом человеке, о новой душевной структуре много говорят в советской России, об этом любят говорить и иностранцы, посещающие советскую Россию. Но новый человек может явиться лишь в том случае, если человека считают высшей ценностью. Если человека рассматривают исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, т. е. об углублении процесса дегуманизации. Человек оказывается лишенным измерения глубины, он превращается в двухмерное, плоскостное существо. Новый человек будет лишь в том случае, если человек имеет измерение глубины, если он есть духовное существо, иначе вообще человека нет, а есть лишь общественная функция». Отдадим должное новым процессам. Демократизация, которая словно кислород вошла в легкие перестройки, не только поставила заслон фанатизму, нетерпимости, жестокости и насильничеству, но и открыла путь на политическую авансцену лидерам абсолютно новой, нестандартной формации, людям безудержно смелым, с раскрепощенным мышлением и высоким уровнем нравственной ответственности. Не они ли становятся прообразом того Нового Человека с глубоким духовным измерением?

...Помнится раннее утро и дребезжащий вахтовый автобус на разбитой дороге из Кемерова в Березовск, фигуры шахтеров, едущих на смену, и скромные термосы с домашней снедью, застенчиво сложенные на заднее сиденье. Шахта «Первомайская», куда лежал мой путь, далеко не самая крупная и ведущая в бассейне, но мне интересно было на ней побывать, ибо здесь работает электрослесарем Вячеслав Голиков, ныне избранный председателем Совета рабочих комитетов Кузбасса, один из тех вожаков, которым шахтеры доверили сегодня свою судьбу. Когда-то, в конце 50-х годов, глава семьи Голиковых приехал в поисках счастья в Березовск, работал шахтером, воспитывал детей, и вот уже трое его сыновей — Вячеслав, Георгий и Владимир — трудятся на шахтах. Типичная шахтерская династия.

Вячеславу тридцать семь лет, три года назад он без отрыва от производства окончил Горно-электромеханический техникум, у него простое русское интеллигентное лицо, сразу видно, что он из породы деятельных, мыслящих, сомневающихся, поэтому и речь его неторопливая, он позволяет себе короткие паузы, задумывается...

— Как начиналось все, говорите,— отвечает он на мой вопрос и тяжело выдавливает из себя,— страшно, наверное...

Все началось в середине июля прошлого года в городе Междуреченске на шахте имени Шевякова. Характерная примета наших дней — все постепенно начало исчезать из магазинов, пропало даже элементарно необходимое шахтеру мыло, резко сократился ассортимент, и значительно ухудшилось горячее питание в столовых... Горняки собрались после смены и письменно изложили свои требования в горком партии, но ничего не помогло. Тогда однажды шахтеры, не переодеваясь, поднялись из забоя и вышли на площадь.

— По требованию рабочих Березовска,— продолжает Вячеслав,— мы поехали в Междуреченск. Помню разбитые палатки на площади, гаснут горевшие всю ночь костры, и люди, люди, много людей... Срочно прилетевший из Москвы министр углепрома СССР Михаил Щадов пытается что-то говорить, но его никто не слушает. Через три дня забастовка охватила все шахты Кузбасса: терпение у людей лопнуло. Помню, как трудно было в первые дни. Чтобы избежать провокаций, шахтерские посты вместе с милицией опечатали все магазины и склады, где хранилось спиртное, но кто-то упорно продолжал посылать вагоны с водкой и вином, которые пришлось срочно разгружать и прятать под надежной охраной.

В чем суть требований шахтеров? Если сформулировать короткой строкой, то прежде всего полная юридическая и экономическая самостоятельность предприятий. Но жизнь вносит свои коррективы. Недостаточно объявить предприятие самостоятельным и с этим отправить его в свободное плавание. Нужны стартовые условия самостоятельности. Нельзя говорить сегодня об экономической свободе, когда чем больше ты производишь, тем беднее становишься. А сегодня с добычей угля дело обстоит именно так.

Забегая вперед, замечу, что на прошедшем недавно в Донецке первом Всесоюзном съезде шахтеров, где было, кстати сказать, выражено недоверие правительству, отмечалось: знаменитое постановление Совета Министров СССР № 608, гарантировавшее выполнение требований горняков и локализировавшее в определенной степени прошлогодний конфликт, в сущности, провалено. Шахтеры добились лишь доплат за работу в ночных сменах, в условиях высокой температуры и за преодоление расстояния от ствола до штрека. Вопрос же о функционировании отрасли в условиях рынка остается открытым.

— Когда был подписан прошлогодний июльский протокол,— продолжает Вячеслав Голиков,— центр решил, что достаточно политики легких «ублажающих коврижек». Правительство посчитало, что стоит пригнать сюда эшелон мяса, стройпанели и автомашины для рабочих, как все проблемы Кузбасса будут закрыты. Но мы не хотим быть все время в роли просителей, нам надоело исповедовать идеологию попрошайничества. Порой нас упрекают: «О государстве забыли». Конечно, это не так. Весь пакет наших предложений предусматривает прежде всего выполнение госзаказа и удовлетворение договорных поставок внутри страны, а остальным хотим распоряжаться сами. Хотим — продадим уголь внутри страны (цены, естественно, будут назначены нами), хотим — продадим за границу. Лучше нас наши проблемы никто не знает — и продовольственную, и технологическую, и медицинскую, и экологическую. Мы хотим не только колбасу с иностранной наклейкой. Мы добиваемся, чтобы проблемы колбасы и в будущем не возникали: надо закупить на вырученные от продажи угля деньги, например, оборудование для перерабатывающих отраслей — и дело с концом. Причем в соглашениях с правительством мы вели речь не только о продаже угля, вопрос ставится несколько иначе: на всю продукцию, производимую в области, надо иметь генеральную лицензию в областном Совете народных депутатов. Пусть всем командует Советская власть.

...Какая вера в лучшее завтра питала силы первых трудармейцев-горняков, появившихся на этой земле в далекие 30-е годы,— грабарей, бывших крестьян, пареньков с фанерными чемоданами, съехавшихся сюда на заработки со всех концов страны! Три четверти трудящихся края жили по частным квартирам, в землянках и балка́х, построенных из строительных отходов, снимали «углы». Зато подземный труд становился политически престижным.

Всемогущая идея заменяла все — и хлеб, и кров, и свет... ЦК ВКП(б) в постановлении от 26 октября 1930 года предлагал, чтобы не менее 75 процентов коммунистов-шахтеров было занято непосредственно на подземной работе. Буквально через пять месяцев крайком партии рапортовал: доля коммунистов-шахтеров составляет на Анджерском руднике 86%, Прокопьевском — 70%, Ленинском — 74%, Кемеровском — 72% общего состава парторганизации. А сегодня, 60 лет спустя, внуки и правнуки тех, кто рубал первый уголек на кузнецкой земле, открытый крестьянином Михайлой Волковым, начинают понимать, что так дальше жить и работать нельзя.

— Массовый отток из рядов партии начался в январе нынешнего года,— говорит горный инженер шахты «Первомайская» Владимир Григорьевич Панченко, бывший секретарь парткома,— люди устали ждать, устали надеяться... Четыре года назад я поверил в Горбачева, пытался что-то сделать, что-то изменить... Не получилось. Если предстоящий съезд пойдет по привычной, накатанной десятилетиями колее,— придется положить на стол партбилет.

— Выходит, была без радости любовь, разлука будет...

— Нет, все не так просто. Я вступал в партию по идейным соображениям, и мне обидно и за свои несбывшиеся надежды, и за своих товарищей-коммунистов, которые поняли, что, если ничего не изменится, дальше тупик.

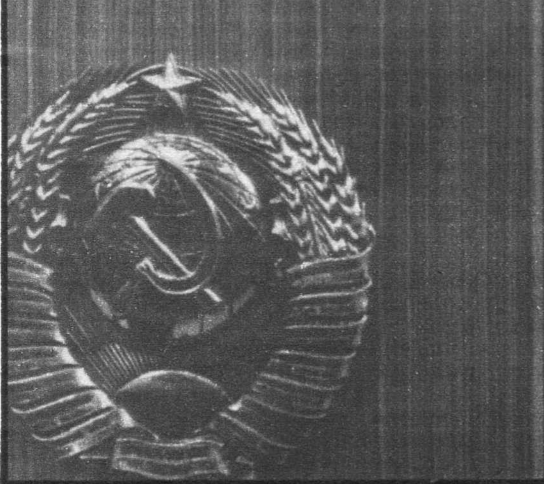
— Спасибо российскому Съезду народных депутатов,— вступает в разговор кто-то из рабочих.— Если бы на пост Председателя Верховного Совета не выбрали Б. Н. Ельцина, общеполитической забастовки в Кузбассе вряд ли бы удалось избежать.

В Кемерове меня застала трагическая весть об аварии на Новокузнецкой шахте имени Димитрова. В результате серьезных нарушений при проведении буровзрывных работ погибли одиннадцать горняков, остались сиротами более двадцати детей, одна из вдов ждет ребенка. Еще одна дорогая цена за уголь и, естественно, это событие не прошло бесследно. Но, честное слово, вызывает безграничное уважение выдержка горняков, которые не сделали ни малейшей попытки использовать этот печальный факт для какого-то, хотя бы частичного, удовлетворения своих притязаний. И если на Съезде народных депутатов РСФСР порой прорывался всхлип, что в связи с аварией обстановка в Кузбассе накалилась до предела, я лично ни в Кемерове, ни в Прокопьевске, ни в Новокузнецке этой взрывной нервозности не почувствовал. Спокойный разум рабочего человека может справиться с эмоциями.

Но и решимости шахтерам не занимать. В Декларации основных принципов Конфедерации труда, принятой 1-м съездом рабочих движений и организаций трудящихся, состоявшимся в Новокузнецке 1 мая 1990 года, в частности, говорится: «Мы не надеемся на добрых вождей и заботливых номенклатурных руководителей. Мы выступаем не за обновление кадров при сохранении прежнего характера и прежней структуры власти, а за смену командно-карательных методов управления демократическими. Мы будем отстаивать право трудящихся на историческое творчество, на поиск и создание новых способов рабочего и народного управления там, где старые бездействуют или действуют вопреки воле и интересам трудящихся. Мы добиваемся признания права трудовых коллективов создавать рабочие (стачечные) комитеты и их объединения, а также права рабочих комитетов действовать до тех пор, пока трудовые коллективы считают это необходимым. Мы выступаем за создание снизу полновластных органов самоуправления».

...Итак, пробил час Великой Надежды. Отдают ли себе в этом отчет все, кто с мандатами делегатов займут сейчас места в Кремлевском Дворце съездов?

На Учредительном съезде Коммунистической партии РСФСР.

Фото А. ГОСТЕВА

КАКАЯ ПАРТИЯ МНЕ НУЖНА

Свое заявление в партию я подала год назад. Даже чуть больше. Почему подала? Во Фрунзенском райкоме тоже удивились: что ж это вы, барышня? Все оттуда, а вы туда?

Я сказала, конечно, какую-то глупость. Так положено. Все вступающие бормочут какую-то глупость. Мол, хочу быть в самых первых рядах. Как будто туда нельзя без билета. Хочешь — иди. Но только в первые ряды, а не в райком.

По-моему, у каждого вступающего есть в уме своя выгода. Была она и у меня. Мне интересны «Известия». И люди в «Известиях». Здесь я проработала 20 лет.

Сейчас нам позволили одного беспартийного члена редколлегии. А прежде и рядовые были сплошь партийцы. Иногда у них собрания бывали ужасные, тягомотные. А иногда очень интересные. И тогда я завидовала. И мне очень хотелось быть членом компартии «Известий». Чтобы вместе с людьми, которых я искренне уважаю, обсуждать и решать вопросы, которые мне интересны.

А в Коммунистическую партию я просто не вступала. Я о ней просто ничего не знала. Кроме того, что проводит миролюбивый курс. Но к этому курсу простых людей близко не подпускают. А я человек простой.

А простым людям — что им о партии известно? Если, конечно, конкретно. Известно ли, сколько денег у партии? Отдельно в рублях, отдельно в валюте? И откуда валюта? И куда идет? И почем все обкомовские автобазы? И сколько в аппарате всех ЦК, например, татар? И зачем принимают жалобы от беспартийных на прокуратуру? И т. д. И т. п.

Короче говоря, я вступила в компартию «Известий». А что за нею есть еще РК, ГК, ОК, ЦК — это никакого отношения ни ко мне, ни к компартии «Известий» не имело.

Меня оформили кандидатом, и я начала платить взносы.

Но этот год ни на что не был похожим. Что-то прежде небывалое начало происходить с компартией «Известий». И не только с нею. С компартией НИИ, где работает моя сестра. И с компартией того завода, куда я ездила в командировку...

Все они утратили прежнее покорное безразличие к РК, ГК, ОК и ЦК. Все они потребовали соблюдения партийного Устава. Но при условии, чтобы демократический централизм перестал походить на двуручную семихвостую плеть.

Семихвостая плеть? Порою она напоминала мне сорокаголовую гидру. На все у нее хватало и пастей, и клыков. В былое время вмиг перекусывала пополам любого храбреца. Да и в последний год нередко показывала зубы. Тут Травкина угрызнет, там майора Лопатина выбросит из партийного окошка на двенадцатом этаже и поймает в районе третьего — с трудом, но без извинений. То сорок глоток одновременно изрыгают адский огонь принципиальности: вот вам, товарищи, «Открытое письмо ЦК», гоните всех уклонистов взашей...

Интересно, помогли им создавать комиссии по Лопатину мои ежемесячные 9 рублей? Рубли мои, конечно, совещательные. И вообще деревянные. А все же лучше бы сироткам, чем сорокаголовой гидре под хвост.

Так, может, придержать эти рубли? Такая мысль мелькала. Но за пределами компартии «Известий», в той большой Компартии, которая КПСС, были еще Болдырев и Собчак, Лацис и Яковлевы, Коротич и Гельман, и...

В ней был еще и Михаил Горбачев — человек, которым я восхищалась в 87-м, которому удивлялась в 89-м и часто сочувствовала в текущем, 1990-м.

Нет, что ни говорите, время учит. И кандидатский стаж придуман не зря. Очень нужна такая помолвка с партией.

За этот год я поняла (подчеркиваю, что это моя точка зрения), что вместе с компартией «Известий» я гость в чужом пиру. И чтобы не ходить слишком далеко, возьмем для примера конституированную в Съезд российскую конференцию.

Я сидела у телевизора и думала: назовут ли они себя *моим* съездом или нет? Создадут они из себя *мою* компартию или воздержатся? Изберут они *мне* в наставники Ивана Полозкова? Или выдвинут в духовные пастыри очередную Нину Андрееву? В штанах или юбке — без разницы?

Глядя на то, с какой легкостью эта конференция первых и вторых секретарей, слегка разбавленных отобранными рабочими и упитанными военачальниками, назвала себя съездом, породила свои полномочия и решила мою судьбу за меня, вместо меня, не спросив меня,— глядя на все это увлекательное телезрелище, я думала: понимают ли они, что на их голосование руками у меня голосование ногами.

А им все равно. Они еще и названия новой партии не успели затвердить, а уже приклеили ярлыки: кто уйдет, тот отщепенец, трус, дезертир и вообще крыса, бегущая с корабля.

Странная логика! Если капитан не в ладах с лоцией и прет корабль на рифы — почему же нужно и крысе до упора держаться за такой корабль? В конце концов и крыса имеет право на дальновидность.

Я понимаю: что партия, в которой 19 миллионов, легко переживет отсутствие одного кандидата в члены с совещательным голосом.

А если я не одна такая? Если нас тысячи, а может, и миллионы — таких, кто отказался быть пешкой в играх первых и вторых секретарей?..

Марина ЛЕБЕДЕВА

А. ЕМЕЛЬЯНОВ,
народный депутат СССР,
делегат XXVIII съезда КПСС,
академик ВАСХНИЛ

ИДЕМ ЛИ К НАРОДОВЛАСТИЮ?

С партийным съездом органично связана судьба не только КПСС, но и всего нашего общества. Страна переживает исторически переломный период, какого, пожалуй, не было за все годы перестройки. К съезду обращены последние, еще тлеющие надежды на выход из углубляющегося социально-экономического кризиса, который стабильно снижает и без того полунищенский уровень жизни народа. Ибо политику во всех областях определяет КПСС как правящая партия. Сама партия на грани организационного раскола. От того, какой она станет, зависит позиция многих честных активных коммунистов. Связывающая их с партией ниточка давно уже натянута до предела.

КПСС в ответе за полный трагизма исторический путь и нынешнее состояние нашего общества. Ведь партия всегда была и пока остается монопольно властвующей, решала все, не отвечая ни за что. Именно она ввергла страну в штопор, привела к катастрофе. Не сам народ пришел к сложившейся сверхкризисной ситуации. Он дошел до такой жизни, ведомый партией, вынужденно выполняя ее решения. Разумеется, бесспорна заслуга нынешнего руководства, которое разрешило и провозгласило выстраданную народом перестройку. Но и здесь КПСС нечем гордиться. Ведь перестройке подлежит дом, архитектором которого была партия. Дом, сделанный так плохо, что он не пригоден для жилья. И партии не гордиться надо, а просить прощения у сердобольного, многострадального народа. Съездовский период дает партии возможность критически проанализировать пройденное, все содеянное и дать справедливую оценку. Сделать это честно, объективно. Без покаяния не может быть очищения. В последующий период это уже не будет воспринято. Мы здесь и так уже безнадежно опоздали. Коммунисты, народ требовательно ждут, что будут привлечены к ответственности руководители застойного периода. Это не жажда мести, а элементарная норма общечеловеческой морали, доверия к партии. Народ не может идти за партией, в рядах которой остаются Алиев, Гришин, Романов, Кунаев и другие деятели, дискредитировавшие партию и страну. За партией, которая до сих пор бережно держит в составе своего ЦК Смирнова, печально известного по работе группы Гдляна.

Нужен честный анализ не только отдаленного прошлого, но и пяти лет перестройки, допущенных здесь ошибок. Признание ошибок не в общей декларативной форме (это у нас всегда было), а конкретно, с оргвыводами. Народ по заслугам оценивает большую работу руководства по реабилитации безвинно репрессированных и уничтоженных. Но справедливость надо восстанавливать не только по отношению к мертвым, но и тем более к живым, пострадавшим в перестроечное время. В частности, следует отменить решения октябрьского (1987 г.) и мартовского (1989 г.) Пленумов ЦК по тов. Ельцину Б. Н. Решения политически ошибочные, получившие достойную оценку народа. Причем не только отменить решения, но и извиниться перед Ельциным Б. Н. Известна элементарная нравственная норма: человек, нанесший другому обиду, душевную травму, извиняется перед ним. Тем более это важно для партии, претендующей на выражение высоких человеческих идеалов. ЦК КПСС, Политбюро давно должны были сделать такие шаги.

Когда говорим об ответственности партии, то имеются в виду не 19 миллионов ее членов. Лицо партии, ее суть определяют принципы и механизм ее функционирования. От них зависит, какое место в партии занимают ее рядовые члены, какова связь партии с народом, кому служит ее аппарат. Механизм КПСС таков, что от монопольной власти партии рядовые коммунисты страдали в такой же степени, как и весь народ. Партия превратилась в партию аппарата, в силу партийной олигархии. В данном аспекте не выдерживает критики довод, к которому нередко прибегают рьяные защитники нынешней партии. Мол, как можно критиковать партию, если во всем сделанном виноваты все коммунисты, 19 миллионов членов партии. Это очень ловкий прием, удобный для руководящей верхушки. Виноваты все, и баста... Но по этой логике надо тогда весь народ обвинить в сложившемся катастрофическом положении страны.

В предыдущие годы перестройки делались попытки лишь обновить, модернизировать партию, десятилетиями сложившийся режим ее жизни. Такой подход потерпел сокрушительный провал, усугубил кризис в партии и во всем обществе. Жизнь требует не модернизации, а радикального изменения партии. Коренной перестройки принципов и механизма ее функционирования. Конкретные направления здесь многообразны. Выделю важнейшие из них.

В программных документах партия, на мой взгляд, не должна ставить цель построения коммунизма. Нужно ставить реальные и понятные цели, доступные для понимания людей, воздействующие на их интересы. Было бы безнравственно, если не преступно звать народ к тому, чего мы не знаем, двигаться к обществу, о котором имеем очень смутное представление. Одна из главных идеологических ошибок прошлого состоит в том, что наше руководство питало народ далекими коммунистическими перспективами и необходимостью работать ради всего человечества. Продолжением и конкретизацией такой идеологии была вульгарная концепция примата общенародных интересов над интересами коллективов и каждого человека. Ради этого приносилось в жертву все, на чем зиждется жизнь каждого конкретного поколения и что ставится во главу угла в любом нормальном обществе.

Чтобы вести за собой народ, партия должна звать его не к заоблачным высям, а к достижению того, что волнует всех и чем живут все. Нам не до коммунизма, когда мы очень смутное представление имеем даже о социализме. В этом плане необоснованной, надуманной выглядит постановка вопроса в проекте Платформы ЦК КПСС о движении нашего общества к гуманному, демократическому социализму. Даже сугубо лингвистически, тем более логически следует вывод о том, что, во-первых, у нас уже построен социализм, только он не гуманный, не демократический, и что, во-вторых, социализм как общественный строй в принципе может быть не демократическим, не гуманным.

Разве можно называть социализмом общественный строй, где народ отчужден от собственности и власти, беззащитен перед руководящим аппаратом, где нет правового государства, не решены элементарные вопросы обеспечения условий жизни, где... десятки миллионов лучших людей народа прошли через систему лагерей? Было бы глумлением над здравым смыслом выдавать нашу реальность за социализм. Убежден, что сейчас мы дальше от социализма, чем были в 1917 году. Тогда была вера в социализм и желание строить его, были высокие духовно-нравственные ценности народа, без которых не может жить никакое общество. Эту веру, эти ценности не могут заменить исчисляемые сотнями миллиардов производственные фонды. Кстати, фонды неэффективные, представляющие без заинтересованного хозяина, по выражению Маркса, груду мертвых тел, созданные на нищете народа, ценой разрушения доставшихся нам природных богатств.

Второй, не менее важный вопрос, определяющий лицо и характеристику партии, касается переделки принципов ее построения и механизма функционирования. В Платформе ЦК КПСС закрепляется принцип демократического централизма, по которому и жила партия. Кстати, здесь одно из главных расхождений с Демократической платформой в КПСС. В защиту демократического централизма обычно приводится ставший расхожим довод: мол, в сложившейся практике виноват не сам принцип, а его искажение. Отсюда вывод — надо ослабить централизм, усилить демократическую сторону, и все станет на место. Опять тот же подход — частичное обновление вместо радикального изменения.

Это — сознательное или невольное упрощение и искажение проблемы. Демократический централизм — это главный принцип, по которому строилась вся жизнь нашего общества, его экономика, социальная сфера, государственная и партийная системы. Основное в этом принципе — централизм, а дополнение «демократический» призвано лишь несколько смягчить его. Суть этого принципа — в примате центра по отношению ко всем другим уровням, что пронизывало всю теорию, политику и практику. Исходной теоретической базой, глубинной основой принципа было признание для социалистической экономики по сути единственного общенародного государственного уклада и государственной собственности. Из этого вытекала концепция примата макроуровня, приоритета общенародных интересов по отношению к коллективным и личным, подчинение последних первым (вместо их сочетания и единства). А поскольку по этой логике общенародные интересы понятны, доступны только соответствующим центрам и только их аппарат является выразителем интересов всего народа, то отсюда выводилась необходимость централизованного диктата. Все управление строилось по принципу «сверху—вниз». В экономике — это чрезмерная регламентация, сведение всех доходов, ресурсов в единый общий котел с последующим распределением из этого котла. Еще одна ступенька логично ведет к монополизму идеологии. Коль скоро только администрация центральных партийно-государственных органов понимает и выражает общенародные интересы, то всякая критика руководства оценивается как выступление против интересов народа. Цепочка замыкается.

Вот что такое принцип демократического централизма. Он действовал везде, со стороны властвующей партии по отношению ко всем сферам, а внутри самой партии и тем более. По сути, это стержень, основа всей системы, а не какая-то отдельная деталь механизма, которую можно отшлифовать, улучшить. Именно демократический централизм дал ту перевернутую пирамиду в нашем обществе, которая стоит на острие и которую сейчас пытаемся поставить на широкое основание.

Важно учесть, что применительно к экономике, другим сферам признана непригодность этого принципа. Признана необходимость построения управления на демократической основе по принципу «снизу вверх», на базе самоуправления. При этом исходными являются низовые звенья, начиная с трудовых коллективов. На каждый последующий уровень выносятся те функции, которые делегируются «низами». При такой системе аппарат центра и других звеньев находится на службе у народа, а не народ на службе у аппарата, как сейчас. Для содержания аппарата любого звена низовые уровни отчисляют нужные средства (а не центр собирает все доходы в общий котел, чтобы потом выделять толику тем, кто их произвел).

И в других сферах принцип самоуправления, построенный на сочетании интересов, с трудом пробивает себе дорогу. Оно и понятно, так как надо ломать всю систему ведомств и министерств. Однако в принципиальном плане он признан для экономики и других сфер. И этот процесс неодолим. Что же касается партии, то для нее и в принципе демократический централизм не только не отвергается, но всячески отстаивается. Ничего удивительного здесь нет. Это обычная логика борьбы за власть. Признать построение и функционирование партии на основе демократического единства, самоуправления, а не демократического централизма — значит потерять монополию власти партии по отношению ко всему обществу, всему народу, с одной стороны, и, с другой — монополию власти партийного руководства внутри самой партии по отношению к коммунистам.

Наше партийное руководство по-прежнему отстаивает отживший принцип «сверху вниз» на основе демократического централизма. Однако не может нормально развиваться общество, если все его сферы функционируют на демократической основе, на самоуправлении по принципу «снизу верх», а партия — на основе централизма по принципу «сверху вниз». А это касается всех сторон жизни партии. Здесь и подчинение центру низовых звеньев партии (а не центра низовым звеньям). Здесь и формирование фондов партии.

И в партии низовые звенья должны решать, какой аппарат им нужен на уровне области, республики и всего ЦК, сколько средств передавать на его содержание. А партийное руководство стремится по-прежнему собирать все партийные средства (взносы и пр.) в центр, чтобы потом как будто из своих трудовых доходов выделять первичным организациям небольшую часть изъятых у них же средств. В прошлом году соблаговолили оставлять 2—3 процента партвзносов, сейчас обещают до 50 процентов. Здесь важны не проценты, а сам принцип: кто кому выделяет. В Платформе ЦК КПСС и проекте Устава для партии закрепляется та же перевернутая пирамида, только немножко обновленная, подкрашенная. Между тем если бы и финансовое хозяйство партии формировалось на основе самоуправления, то сама собой отпала бы проблема спецдач и особняков, партсанаториев и особо комфортабельных квартир...

Вот почему партия, как и все общество, должна строиться на основе демократического единства, самоуправления, а не демократического централизма. В связи с этим необоснованны нападки, особенно отчетливо выраженные в известном Открытом письме ЦК КПСС, на принцип федерализма. Ведь федерализм как раз отражает построение тех или иных структур на демократических началах по принципу «снизу вверх». Кстати, принцип федерализма молодежь признала пригодным для комсомола на своем последнем съезде. Нельзя забывать, что он давно общепризнан у нас для государственного устройства. Более того, сейчас и он считается недостаточным. Признается допустимым в отдельных случаях и принцип конфедерации. Как видим, наше партийное руководство готово признать федерализм, самоуправление почти везде, кроме партии, кроме себя.

Вопрос о том, какой быть партии, имеет прямой выход и на ее функции. Чем должны заниматься ее органы? На это не просто ответить. Одно бесспорно: должны отпасть нынешние функции регулирования всех сфер, когда партийные органы во все вмешиваются, все решают, ни за что не отвечая. К примеру, делом партии считают кадровую политику для всех структур. Но почему, к примеру, министров должно подбирать Политбюро? Тогда премьер не может отвечать за дело, с него нельзя по-настоящему спросить. Это все равно, что звеньевому на селе в райкоме сказать: ты хозяин, даем тебе самостоятельность и... тут же представить ему подобранных членов звена. Остается главное — идейно воздействовать на людей, формировать их духовный мир, завоевывать доверие своими идеями и делами. Но не подменять это диктатом по отношению к идеологическим сферам (печать, телевидение и др.). А попытки этого проявляются сплошь и рядом.

Функции КПСС нельзя мыслить вне многопартийности, которая теперь признается. Это естественно. Ибо подлинная демократизация и преодоление монополизации власти невозможны при однопартийности. Каждая настоящая партия должна стремиться обеспечить свою авангардную роль, добиваться власти. Но не провозглашать априори, а делать это через воздействие на народ идеями и делами. Как показывает опыт цивилизованных стран, основная работа по завоеванию масс связана с выборами. Победившая партия, одна или в коалиции с другими, формирует правительство. И вовсе нет необходимости иметь дублирующие масштабные партийные органы. Таковы общие позитивные тенденции. Они относятся и к нам. Деятельность партии органично связана с формированием и работой парламента, правительства. По сути, это есть отражение и выражение работы с народом, обеспечение авангардных позиций. И не понятно, почему в предсъездовских партийных документах тезис о партии парламентского типа противопоставляется ее авангардной роли. Одно не противоречит другому. Разумеется, к этому не сводится работа партии в народе, есть и другие формы.

Большую озабоченность вызывает то, что в предсъездовских документах ЦК не просматривается назревшая радикальная перестройка партии. И это отражает позицию ее руководства. И здесь (а не только в тяжелом наследии) главная причина сложившейся в стране катастрофической ситуации. Радикализм во внешней политике уживается с инертностью и даже консерватизмом во внутренней политике.

Тому есть своя логика. Идти на радикальные изменения всей внутренней политики — значит менять власть. А ее никто и никогда не хотел отдавать. И наше руководство не является исключением.

Держащие власть партийные структуры не способны демократическими методами управлять процессом демократизации общества. А потому нередко прибегают к испытанным мерам командно-карательного характера. Это особо рельефно проявляется в поворотные моменты, когда народ показывает свою силу и стремление стать хозяином страны. Таким периодом стала выборная кампания в 1989 году. В ответ на развернувшееся народное движение последовала серия взаимосвязанных мер, которые получили соответствующую оценку у народа и его избранников: известное решение мартовского (1989 г.) Пленума ЦК по Ельцину Б. Н. с созданием комиссии, концов которой никто не может найти; 7 апреля члены Политбюро принимают решение о вводе войск в Тбилиси; 8 апреля принимается Указ с печально известной статьей 11 «прим», массированное гонение на группу Гдляна и Иванова, которая выходила на погрязших в коррупции высокопоставленных руководителей партийно-государственного аппарата; освобождение из заключения перед самым Съездом народных депутатов обвиняемого в коррупции ответственного партработника Смирнова, по поводу которого депутатская комиссия пришла к выводу, что он освобожден преждевременно и безосновательно...

Вспомним и постоянное, отчаянное сопротивление идущим снизу требованиям демократизации партии и общества, особенно отмены статьи 6 Конституции и выборов от общественных организаций; признания многопартийности; приближения сроков XXVIII съезда партии. Еще в декабре на втором Съезде народных депутатов по этим вопросам на депутатов оказывалось сильное давление. А в начале февраля те же партийные лидеры перед реальной угрозой раскола партии вынуждены были принять почти все это. И, нисколько не стесняясь, выдали их за свою инициативу. Хороша инициатива... И так во всем, чего ни коснись. В движении по пути перестройки партийные структуры не стали не только авангардом, но даже арьергардом народной колонны. Ибо арьергард — тот, кто идет в хвосте, не ускоряя ход колонны, но и не мешая идущим впереди. А партийные структуры — это такой арьергард, который в силу своего монопольно властвующего положения стоит впереди колонны и сдерживает, тормозит ее движение. Невольно складывается впечатление, что ЦК, Политбюро, другие партийные структуры как будто специально делают все, чтобы сорвать перестройку и привести партию к расколу, а потом обвинить в этом всевозможных «бешеных».

Такой процесс наглядно проявляется в последний период в ходе подготовки к съезду, когда практически встал вопрос об изменении функций партии, ее положения в обществе, о передаче власти народу. Многопартийность признана, но вынужденно и формально. Надо реально готовиться к работе в условиях многопартийности. Коль признаются другие партии, то стоящая у руля КПСС должна позаботиться о равных условиях для всех партий, в том числе и для себя. Как в экономике: признание многоукладности означает создание для всех укладов равных возможностей. В частности, нужно формировать такую атмосферу, чтобы коммунисты, желающие вступить в другие партии, не боялись за последствия со стороны стоящей у власти партии и ее органов. Возьмем, к примеру, Крестьянскую партию. Идея о ее создании сейчас вынашивается. Однако, чтобы она была реальной силой, способной защищать интересы крестьянства, в этой партии должны состоять почти все руководители и работники нынешних сельских райкомов, органов АПК, руководители и специалисты хозяйств. Но давайте смотреть на вещи реально. Многие ли из них, находящиеся сейчас в системе правящей КПСС, зависящие от нее, рискнут на такой шаг? И не случайно они зачастую говорят, что стоят за Крестьянскую партию, но на позициях КПСС. Смех, да и только. Какая же это партия? Это будет секция, приводной ремень КПСС, подобно традиционным комсомолу и профсоюзам.

За Крестьянскую партию нельзя выдавать созданные недавно Аграрный союз России и Крестьянский союз страны. По природе своей эти союзы должны быть созданными снизу, на кооперативной основе, демократическими органами управления всеми крестьянскими делами. Они призваны выражать и защищать интересы крестьянства, заменить, вытеснить командную госагропромовскую систему, а не превратиться в ее придаток, как это было с советами колхозов. Между тем такая опасность довольно реальна.

Подготовка к равноправному функционированию с другими партиями предполагает и решение вопроса о хозяйстве нынешней КПСС. Это политический вопрос, а не стремление кого-то завладеть частью имущества партии, как порой преподносится. Руководство партии видит эту проблему и уже делает шаги по ее решению. Но довольно странные. В ряде городов партийные структуры без предупреждения «захватывают» газеты, которые были и органом Советов народных депутатов. Почти повсеместно зачисляются на баланс парткомов занимаемые ими многочисленные здания. Объяснение всегда одно — это собственность партии. Ничего себе логика. Как будто все это создано партаппаратом, его трудом и доходами. Нет, все это создано за счет средств народа. На партвзносы многомиллионной армии коммунистов как части народа. На прибыль издательств. Да и мало ли еще на какие доходы, созданные трудом народа. Все, что считается сейчас хозяйством партии, является достоянием страны, народа, его собственностью. А значит, и судьбу его должен решать народ в лице его полномочных представителей. В свою очередь, собственность партии — это не собственность аппарата. Между тем в проекте Устава КПСС признается только общепартийная собственность. Выходит, что парторганизации других уровней, включая первичные, не могут иметь никакой собственности. А общепартийная собственность — это значит собственность центрального партаппарата. Но мы это уже проходили. Считалось, что в экономике тоже только общенародная собственность — от Прибалтики до Камчатки. Жизнь отвергла такие надуманные формы, удобные для оторванного от народа аппарата. А Центральный Комитет и сейчас стремится реанимировать и закрепить эту отжившую практику своей партийной сферы.

Вызывают озабоченность и странные методы разграничения функций партии и государственных органов, передачи власти Советам. Происходит совмещение в одном лице должностей партийного руководителя и председателя Совета народных депутатов. Нет надобности объяснять, что это концентрация и монополизация власти, от которой мы страдали всегда и от которой собирались отходить. Причем раньше Советы народных депутатов, хотя фактически находились в подчинении партийных органов, формально были самостоятельными. Теперь они формально подпадают под власть партийных. Параллельно с совмещением должностей идет и другой процесс, когда партийные лидеры, встав во главе Советов народных депутатов, покидают свои прежние партийные кресла. И в том, и в другом случае, по сути, идет завуалированное закрепление монополии партии на власть. Такая практика противоречит курсу на демократизацию и народовластие.

В том же направлении действует и введение президентского правления. Оно само по себе означает огромную концентрацию власти — исполнительной и отчасти законодательной. Президентство работает на демократию лишь при наличии прочных демократических институтов. Имеются в виду сложившаяся многопартийная система, независимый, политически зрелый парламент, наличие независимых конституционных органов, способных контролировать и Президента. У нас пока не сформировались никакие из этих институтов, обеспечивающих гарантии демократизации при президентстве. В таких условиях президентское правление объективно ведет к усилению авторитарных тенденций. В немалой степени оказываются урезанными функции не только утвержденного Верховным Советом СССР правительства, но и самого Верховного Совета. В частности, теперь министров «делает» уже не Верховный Совет, а Президент.

Замечу, что речь идет о президентстве в принципе, а не о личности Президента. Что касается непосредственно М. С. Горбачева, то он, на мой взгляд, теперь лишился очень важной подпитки, которую ему давали депутаты. М. С. Горбачев, будучи по природе радикалом и диалектиком, тем не менее не может не нести в себе черты прошлой системы. И ее «выбросы» нет-нет да и проявятся у него, в том числе и при ведении Съездов народных депутатов, сессий Верховного Совета. И особенно третьего Съезда, который изобиловал нарушениями главного закона, каким для Съезда является его регламент. Действенное лекарство от таких «выбросов» — доброжелательная, пусть и нелицеприятная критика. По-настоящему ее Михаил Сергеевич впервые услышал, пожалуй, только от депутатов, начиная с первого Съезда. И она давала свои плоды. Можно без труда про-

следить, как позитивно в сторону демократизации менялся М. С. Горбачев. Теперь он лишился этого лекарства. Сомневаюсь, чтобы подобные критические замечания высказывали лидеру члены Политбюро, секретари ЦК или члены не понятно как сформированного Президентского совета. И в этом также немалая опасность для демократизации. Проблему может еще больше усугубить Закон о защите чести и достоинства...

Позиция партийного руководства, не отвечающая радикально-демократической перестройке партии, нашла обобщенное отражение в известном Открытом письме ЦК. С ним все хорошо знакомы. Поэтому выделю лишь два аспекта. Прежде всего письмо демонстрирует нетерпимость руководства к другим позициям, непоколебимое свое стремление и дальше держать монополию на истину. Казалось бы, коль говорим о консолидации всех демократических сил, то бери из других платформ (Демократической платформы КПСС, Марксистской платформы) все ценное, что может обогатить партию. Во всяком случае, политики, требующие уважительного отношения к себе, должны уважительно относиться к другим позициям. Так нет же. Письмо характерно бездоказательной критикой Демократической платформы в КПСС, требованиями отлучения ее авторов и активных сторонников от партии.

Еще важнее другой аспект — методологического характера. Страна еще только готовилась, шла к съезду. А нынешние партийные лидеры уже априори решили, какой станет партия и кому с ней не по пути. Решили заранее, за всю партию, за 19 миллионов коммунистов. Поистине в скромности не откажешь. А может быть, партия станет такой, что надо будет уходить со сцены авторам проекта Платформы ЦК КПСС и Открытого письма? Ведь логичнее требовать ухода не тех, кто предлагает пусть и не во всем совершенные проекты радикальной перестройки партии, а тех, кто защищает в чуть обновленной форме сложившиеся принципы, которые довели страну до краха.

Партия, чтобы быть авангардом, должна считаться с любым массовым движением, объединяющим те или иные слои народа. Народ не выбирают, его нельзя заменить, с ним работают. И надо терпимо относиться к проявлениям социальной активности, к неизбежным при этом перекосам и издержкам. Наивно полагать, что маятник, который долго держали в крайнем поднятом положении, остановится ровно посередине, если его отпустить. Терпеливого понимания этого порой недостает нашему руководству. Свидетельством тому является и инцидент с демонстрацией 1 Мая. Да, в колоннах были плакаты, где критика руководства была на грани с оскорблением. Но это отдельные плакаты, не они определяли лицо колонн. Да и в этих плакатах, строго говоря, неправды и оскорбительства было не больше, чем во многих общераспространенных партийных лозунгах. Я имею в виду не только прежние — типа «Слава КПСС» и «Народ и партия едины», — но и новые, нынешние, постоянно повторяемые как заклинания: «Партия — инициатор перестройки», «Партия — единственная организующая сила, способная вывести страну из кризиса». И демонстративный уход руководителей с трибуны Мавзолея был, если хотите, оскорблением по отношению к тысячам избирателей, которые шли с обычными плакатами и лозунгами, в том числе и избирателей Ленинского района, с которыми я шел.

События последних месяцев, когда встал вопрос о реальной революционной перестройке, приводят к печальному выводу, что наметился откат от демократизации общества и перехода к подлинному народовластию.

Трудности перехода власти к народу от монопольно правящих органов, как в фокусе, отразились в работе Российской партийной конференции, конституированной в Учредительный съезд. На съезде создана Компартия РСФСР как составная часть КПСС. Слов нет, создание российской компартии назрело. И дело не только и не столько в кризисном положении самой КПСС. Главное — в тенденциях развития государственности Российской Федерации, как и других союзных республик. Вдумаемся в такой общеизвестный факт. Последние годы все союзные республики настойчиво выдвигают претензии Союзу, доказывают, что они поставляют в «общий котел» больше, чем получают. И никто, представители ни одной республики не говорят обратного. Тогда выходит, что все они эксплуатируются. Кем? Одной, самой масштабной республикой — Российской Федерацией. Я не осуждал бы с ходу такие оценки. Под ними есть определенная объективная основа. Только адрес здесь смещен. Действительно, все другие республики эксплуатируются. И эксплуататор у них один. Но это не РСФСР, а наша казарменно-административная система, командование Центра. Стержнем всего этого является партия, командный централизм исходит от нее. И вот здесь выход на незавидную роль Российской Федерации. По сравнению с другими республиками даже ограниченные элементы государственности в РСФСР размыты, растворены в центральном аппарате. А что касается партии, то в России она организационно не оформлена как самостоятельная часть КПСС. И потому получалось, что гнет центрального партийного аппарата и ведомства Москвы воспринимается зачастую как идущий от РСФСР. Хотя российская республика страдала от такого гнета не меньше, а даже больше. Сейчас идет сложный процесс утверждения государственного суверенитета РСФСР. Поистине историческое значение имеет Декларация, принятая Съездом народных депутатов РСФСР. Тем более закономерна аналогичная перестройка партийной системы в РСФСР.

Жизнь подвела к созданию российской партии. Но как это сделать? Казалось, коль она должна быть составной частью КПСС, то логично Учредительный съезд проводить после XXVIII съезда КПСС. Ведь только после съезда будет ясно, какой станет сама КПСС, как она будет перестроена. До союзного съезда российская компартия могла быть создана по образу и подобию нынешней КПСС, которая дискредитировала себя, не пользуется доверием у народа. А если уж созывать Российскую конференцию до XXVIII съезда, то на конференции можно было бы лишь принять Декларацию о создании компартии России, подтвердить необходимость этого, образовать Оргкомитет по созданию партии. А учредить партию, сформировать ее руководящие органы после XXVIII съезда КПСС. Кстати, такое решение по этому вопросу было принято на Московской городской партконференции. Нелишне напомнить, что во многих партийных организациях, в том числе и на конференции коммунистов г. Москвы, формирование выборных органов отложено на послесъездовский период.

Такова здравая логика. Но не так она виделась устроителям Российской партконференции, представителям партийного аппарата и руководителям других звеньев, которые преобладали в составе делегатов конференции. Все сделано сейчас, до XXVIII съезда: создана Компартия РСФСР, сформированы ее руководящие органы. Это вызывает большую озабоченность и сомнения в том, что сформированные таким образом партия России, ее руководство оправдают надежды на демократизацию внутрипартийной и всей общественной жизни.

На грустные размышления и обобщения наводит и ход работы конференции (съезда). Выделю несколько аспектов. По сути, Российская конференция стала своего рода репетицией XXVIII съезда КПСС. И не только потому, что на ней было около 60% делегатов союзного съезда. Но и по существу обсуждаемых вопросов. Разговор шел практически обо всем, тон тому задал многоплановый доклад. И зачем это накануне XXVIII съезда, где будут те же делегаты? Не преследовалась ли здесь цель — сформировать на конференции в духе прежних традиций прочную поддержку частичного обновления партии, чтобы не допустить радикализма на самом съезде? На эти мысли наводит и крайне плохая организация конференции. Даже за день до ее начала делегатам не дали никаких материалов. Задумка старая: чтобы ничего не успели осмыслить, а механически проголосовали за то, что предложат.

Теперь о направленности дискуссии на конференции (съезде). Хорошо, что дали возможность выступить с содокладами представителям разных платформ. Это было обещающее демократическое начало. Но потом обсуждение пошло в основном по одному руслу. Тон задавали представители аппарата. Внешне дискуссия может показаться демократичной. Было много критики, причем резкой, в адрес ЦК, Политбюро, Генсека. Они заслужили суровой критики. Но настораживает, от кого она исходила, и то, что велась преимущественно с правых позиций. Наше высшее руководство, к сожалению, не сумело правильно оценить исходные мотивы и цели критики слева и справа. Демократы критикуют за непоследовательность политики. Но в целом они за углубление перестройки, за М. С. Горбачева. Вместе с тем нынешние трудности в стране дают солидную базу для сторонников прежнего облика нашего общества. Это прежде всего партаппарат, другие руководители, являющиеся продуктом застойной эпохи. Есть здесь и ученые. И сейчас они видят возможность реанимации, если не полной, то значительной, удобных для них методов руководства, на которых они сформировались. Они готовы критиковать Центр, высшее руководство, не допуская демократизации в своей «вотчине». Это очень опасная тенденция. Она четко прослеживается в большинстве выступлений.

Не случайно поддержку получили сторонники Инициативного съезда компартии России, который проходил в Ленинграде и позиция которого хорошо известна. Симптоматично и выступление Е. К. Лигачева. Складывается впечатление, что ЦК, его руководство боялись в основном левого движения, туда было направлено острие их борьбы. И просмотрели, что главная опасность подстерегает справа. Опасность, которая может стать роковой.

И еще об одном важном вопросе, который хорошо засветился на Российской партконференции. Партийные лидеры всех рангов много выступают как радетели рабочего класса, сетуют на то, что их мало избрано в депутатский корпус и делегатами партийного съезда. На конференцию пригласили 200 рабочих и крестьян. Руководство стремилось наделить их, в нарушение Устава, полномочиями делегатов, продемонстрировав тем самым свою высокую оценку. Но рабочие сами показали свое достоинство и оценили это предложение как унижающую их подачку. В то же время они поставили вопрос ребром: почему их, приглашенных, не пускают в партер, чтобы посоветоваться с сидящими там своими делегатами? Вот где видна цена радения партийных лидеров за рабочий люд. Пригласили рабочих и крестьян в Кремлевский Дворец съездов и... отвели им там особый отсек. Невольно приходит на память сравнение с барскими домами... Показательным в этом плане является и выступление одного рабочего — народного депутата РСФСР. Когда М. С. Горбачев перед очередным туром выборов Председателя Верховного Совета РСФСР собирал часть депутатов-коммунистов, то этот рабочий хотел туда пойти. Но секретарь обкома четко дал ему понять, чтобы знал свое место, и сказал, что там ему делать нечего. Декларации партийных руководителей по поводу низкого процента рабочих и крестьян в составе делегатов партийного съезда, союзного и республиканского депутатского корпуса давно отдают демагогией. Хотите видеть там больше рабочих и крестьян — так освободите для них свои места, не рвитесь туда всеми возможными и невозможными путями. А если заняли там эти места, используя всю мощь своего аппаратного положения, то нечего проливать «крокодиловы слезы».

Российская партийная конференция не оправдала надежд на демократизацию партии. Она ясно раскрыла позицию и показала силу партийных аппаратчиков, неприятие ими радикальных изменений и настойчивое стремление использовать трудности перестройки и ошибки руководства для возврата прежних порядков в несколько обновленном виде. Они преобладали в составе делегатов и делали «погоду» на конференции (съезде). Избрание первым секретарем Компартии РСФСР Полозкова И. К. как нельзя достойно венчает весь дух съезда. Но, как говорится, нет худа без добра. Избрание такого лидера ускорит развязку в партии, которая давно и неизлечимо больна. Сейчас многие, очень многие активные коммунисты заявляют, что не могут быть в партии, руководимой таким лидером, как Полозков И. К.

Конференция еще раз четко высветила, как велики трудности становления народовластия, как упорно партийный аппарат под всякими предлогами стремится удержать свое монопольно-правящее положение.

Но народ пришел в движение, дух перестройки охватил широкие слои. И здесь — главная гарантия необратимости перестройки. Задача народного движения, всех демократических сил, каждого человека и тем более коммунистов — обеспечивать прочную обратную связь, воздействовать на руководство, помогать объективно оценивать реальности и не допускать шагов с опасными политическими последствиями. Надо делать все, чтобы мирный ход революции не перерос в социальный взрыв, который может пойти далеко не в «нежной» форме. И потому взоры обращены к XXVIII съезду партии. Не надо питать иллюзий, следует реально оценивать тернистый путь становления демократии и народовластия. Но и не стоит совсем терять надежду на то, что XXVIII съезд перестроит партию, позволит снять оковы с выстраданного народом движения к демократии и нормальной человеческой жизни. Не сделает съезд этого, пойдет по пути Российской конференции — тем самым он неизбежно приведет к расколу партии, подпишет ей смертный приговор и ускорит его исполнение.

ТАЙНЫ СТРОЙБАТОВ КГБ ● ПЕЧАТЬ И ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ● О СВЯЗЯХ С РОДСТВЕННИКАМИ... СООБЩАТЬ ●

■

Недавно в одной из центральных газет опубликовано интервью прокурорского работника, из которого видно, что в районе ближнего Подмосковья в дорожно-транспортном происшествии с машиной нашего Премьер-министра тов. Рыжкова Н. И. оказалась замешана военно-строительная организация КГБ СССР. То есть автобус, управляемый сержантом военно-строительной части, принадлежащей КГБ, столкнулся с машиной, на которой ехал тов. Рыжков.

Как известно, Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР счел необходимым обратиться к Президенту СССР с предложением расформировать военно-строительные части, используемые в народном хозяйстве, полагая, что служба в этих отрядах не соответствует Закону «О всеобщей воинской обязанности». Но распространится ли это и на КГБ? Хотелось бы также узнать, кто, когда, каким решением предоставил Комитету государственной безопасности право формировать «собственные» военно-строительные отряды за счет призывного контингента советской молодежи? Входят ли эти отряды в структуру войск КГБ, каково их правовое положение и место в государственном механизме? Почему ранее при освещении вопросов об использовании военно-строительных отрядов на строительстве народнохозяйственных объектов в числе министерств и ведомств, имеющих стройбаты, не упоминался КГБ СССР, который, как видим, также незаконно пользуется дармовой рабочей силой, призывает для этого под видом воинской службы граждан страны в свои стройбаты? Что это, очередная нераскрытая страница государственных «тайн»?

Почему этому органу позволительно нарушать имеющееся на сей счет постановление правительства 1988 года, в котором, в частности, говорилось, что военно-строительные организации были призваны оперативно осуществлять строительство важнейших народнохозяйственных объектов и производственных мощностей в районах с ограниченными трудовыми ресурсами? Спрашивается: какие важнейшие народнохозяйственные объекты возводят военно-строительные организации КГБ в районе подмосковных поселков Барвиха и Раздоры, где произошла авария? Уж не новую ли атомную бомбу третьего поколения или тоннель от дачного поселка членов правительства в Кремль? И почему район Подмосковья попал в категорию районов с ограниченными трудовыми ресурсами?

Может быть, организации, породившей ГУЛАГ, стоило бы первой отказаться от военно-строительных отрядов, имея в виду, что ГУЛАГ — в каком-то смысле прообраз нынешних стройбатов.

Интересно, а задал ли такие вопросы этому ведомству сам потерпевший — Н. И. Рыжков, подписавший в 1988 году указанное постановление?

В. И. СЕРГЕЕВ,
полковник юстиции

■

19 апреля 1990 года в газете «Советская Россия» появилась статья специального корреспондента ТАСС Л. Кислинской «Миллионы в треугольнике», которая дискредитирует Московский городской центр информатики (МГЦИ) и его директора Е. В. Калишенко.

Появление в центральной прессе публикации, по существу, уголовного дела, которое еще не передано в суд, не может не удивлять. И это в то время, когда государство стремится стать правовым, провозглашая соблюдение принципа презумпции невиновности. В день выхода газеты еще не существовало и такого важного процессуального документа, как обвинительное заключение следствия. Такая публикация может быть расценена только как попытка определенным образом настроить общественное мнение, навязав ему обвинительный уклон.

Уважающий себя журналист не станет писать понаслышке. Автора статьи никак нельзя в этом заподозрить. Чувствуется, что Л. Кислинская имела возможность поработать над материалами дела. Непонятно только, как она его получила. И все-таки если бы она заглянула дальше первого тома, то узнала бы и о том, как долго и тщетно добивался коллектив МГЦИ возможности познакомиться с этими материалами. Каким же ключом открыла Л. Кислинская двери, наглухо закрытые для общественного защитника?

Публикация в центральной печати, предрешающая вопрос о виновности директора МГЦИ, недопустима не только с точки зрения правовой и моральной, но, кроме того, затрагивает производственные, хозяйственные интересы МГЦИ, подрывает его репутацию, нанося существенный материальный урон.

Как могла позволить себе такое газета, являющаяся органом Центрального Комитета партии?

Е. В. ВАРАВА,
общественный защитник

■

Иногда в печать просачиваются скудные сведения о расходах того или иного благотворительного фонда. Наша газета «Рабочий край» напечатала краткий отчет местного отделения фонда «Милосердие и здоровье». В числе статей расхода есть и такая: две тысячи рублей на укрепление материальной базы военно-патриотического объединения «Луч» Ленинского района. Столько же, сколько на покупку теплых вещей для малообеспеченных семей и матерей-одиночек. Вот так милосердие!

Ю. К. БЛЕДНОВ
Иваново

■

Посылаю вам одну примечательную бумагу, так называемое обязательство. Появился этот документ в нашем ведомстве в прошлом году. Теперь все работники органов прокуратуры обязаны его подписывать, хотя даже в самые суровые и застойные времена без такой бумаги как-то обходились. А сейчас не можем. Хотя я не знаю, какими секретами располагает рядовой работник — разве что сведениями о простоях железнодорожных вагонов, числе задержанных в нетрезвом виде и прочее. И насколько это тайные данные, если в последнее время снят гриф секретности с информации о преступности. Как понимать такой, например, пункт обязательства: «не вступать непосредственно или через других лиц в контакты с иностранцами без разрешения на это руководителей учреждения (предприятия), где работаю, или компетентных органов Советской власти»? Или: «о внеслужебных связях с иностранцами, о связях с родственниками, проживающими за границей или выезжающими за рубеж на постоянное жительство, сообщать...».

Наш город долго был «закрытым», и в нем, пожалуй, скорее встретишь носорога, чем иноземного гостя. Оттого подписать подобное обязательство было бы пустым делом, но ведь приходится бывать и в столице. А там, как известно, иностранцев погуще, и, бывает, обратится на улице какой-нибудь гражданин зарубежной внешности с просьбой показать ему дорогу, скажем, до библиотеки. А для нас, провинциалов, понятно, все, кто не в телогрейках, иностранцы. Так что же, требовать у него удостоверение личности, и если окажется, что он гость СССР, то бежать в ближайшую телефонную будку и запрашивать разрешения своего руководства на «контакт»? А если человек по виду свой, стоит по-нашенски в очереди, ты у него спрашиваешь, кто крайний, а он, как выясняется позже, иностранец,— что делать в таком случае? Идти сдаваться в компетентные органы? Ведь за нарушение обязательства предусмотрена уголовная ответственность.

К. С. ЕГОРОВ
Горький

■

Газета «Крымский комсомолец» по моей просьбе опубликовала подборку материалов «Учитывая... передать...». Это Указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР от 19 февраля 1954 года, подписанный Ворошиловым, и отчет с заседания Президиума Верховного Совета СССР, речи тогдашних лидеров страны: Н. М. Шверника, Ш. Рашидова и других. «Только в нашей социалистической стране возможно,— говорил О. В. Куусинен,— что великий народ,— такой, как русский народ,— без всяких колебаний великодушно передает другому братскому народу одну из ценнейших областей». Ему вторил К. Е. Ворошилов: «Только в условиях Союза Советских Социалистических Республик возможно подобное справедливое решение всех территориальных вопросов между союзными республиками, решение, основанное на хозяйственно-экономической целесообразности при полном взаимопонимании, дружбе и братском сотрудничестве их народов».

Хотелось бы только знать, спросил ли кто мнение этих народов. А в Крыму в тот момент проживало более одного миллиона человек. Так вот, их всех подарили, как дарят ко дню рождения одеколон, духи, конфеты. Подарили область со всем проживающим народом. «Этот дружественный акт,— заметил Ворошилов,— происходит в дни, когда советские люди торжественно отмечают знаменательную историческую дату — трехсотлетие воссоединения Украины с Россией, этот большой национальный праздник не только украинского и русского народов, но также и всех народов Советского Союза».

Интересно, кому и почему пришла в голову такая идея — передать область из одной республики в другую при том, что республики разноязычные? Да и людей вроде бы давно уже не дарят, с отмены в 1861 году крепостного права.

В. И. КОНСТАНТИНОВ
Крымская область

■

Хотим обратить внимание правительства РСФСР и общественности на критическое положение, создавшееся в организации охраны социалистической собственности (ВОХР) Волжского объединенного речного пароходства Министерства речного флота России. Во многом это происходит из-за низких должностных окладов. Например, зарплата стрелка и пожарного ВОХР составляет 85 рублей в месяц. Цифры эти наводят на размышления в сравнении с увеличением окладов партийному и государственному аппарату, поскольку мы считаем свою работу по охране социалистической собственности от хищений и пожаров достаточно важной, особенно если учитывать риск и условия работы.

В результате у администрации возникают большие трудности с качественной комплектацией личного состава. Работать в отряд приходят случайные люди, уволенные с предыдущих мест работы за прогулы и употребление спиртных напитков, алиментщики, не желающие выплачивать деньги своим детям с больших окладов, лица, неоднократно судимые, те, кто желает пристроить трудовую книжку, спекулянты всех категорий.

Из этого можно сделать вывод, что дело охраны социалистической собственности невольно отдано в руки элементов, от которых-то и нужно охранять эту самую собственность.

Считаем, что положение в ВОХР на грани развала и с каждым днем ухудшается. Его можно исправить, только немедленно повысив оклады работникам, или отказаться от системы отрядов ВОХР в Министерстве речного флота вообще, так как они свои функции практически не выполняют.

В. М. ПЕРФИЛЬЕВ, В. А. КОЩЕЕВ
Казань

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

«Технический роман» — неизданное и до недавнего времени неизвестное произведение Андрея Платонова читатели назвали наиболее значительной публикацией мая (№ 19).

Редакция поздравляет ведущего рубрики «Хранить вечно» Виталия ШЕНТАЛИНСКОГО, представившего в «Огонек» это сочинение, с присуждением ему ежемесячной премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ, ЛТД.

Фото Виктора БАЖЕНОВА

Александр МИНКИН

ПОЗИЦИЯ

КАБАЛА СВЯТОШ

Разговоры с Юрием Петровичем ЛЮБИМОВЫМ

— Сталин рака жрал. Выломал клешню, хрустит, сосет, чмокает, хлюпает. Рихтер бедный сидит за роялем, не начинает — тишины ждет. А у него за спиной вся эта кодла чавкает, звякает, булькает. Генерал — рожа красная — уже Рихтеру кулаком грозит: начинай, мать твою! Не начинает — ждет тишины. Злодей догадался, рака бросил, лапы об крахмальную скатерть вытер и демонстративно в ладоши — хлоп. Мертвая тишина мгновенно. Рихтер бедный склонился — и музыка.

...С Любимовым разговаривать трудно. Своенравный, раздражительный. Спросишь одно — говорит о другом. Вопроса не дослушав, начинает философствовать и тут же съезжает на анекдот. Повторишь вопрос — в ответ актерская байка. Перебивать бессмысленно, да и неловко.

— Ваш театр не в лучшей форме, вы сами говорите.

— А кто в лучшей? Я не вижу. Лубянка разве что. Надо Таганку сделать подведомственной Лубянке.

— Шутки.

— Какие шутки? Я же служил в ансамбле у Берии. Там была дисциплина, строгость. Видите надпись? *(Стены кабинета Ю. П. исписаны автографами знаменитостей и друзей. Среди прочего: «Юра! Не зря мы с тобой 8 лет плясали в органах. Юткевич»).*

— Плясали?

— Там Шостакович плясал, Мессерер, Рубен Симонов, Охлопков; ставили программы; преподавал Тарханов, приходил Немирович-Данченко. Берия всех объединил.

— Так вы — питомец бериевского гнезда?

— Конечно. Он меня и приучил к скромности, тихости.

— Он тихо разговаривал?

— Громко. Громко-громко-громко. Он вошел, мальчики вмиг все двери закрыли, пауза была зловещая. Быстро сел, не снимая кепки, весь в кашне, воротник поднят, мальчики тоже с поднятыми воротниками, руки в карманах, видно, там пистолеты. Сел: «Начинайтэ». Все закружилось, завертелось. 45 минут вертелось. Он: «В Крэмыл паэдыт «Пэсна а важдэ», потом паэдыт вот эта «шари-вари-Берия» — обо мне, потом вот эта танц, где девки хорошо очень кружат юбки,— все ляжки видно. Всо». Ждали его ценных указаний. Путей развития ансамблевых искусств. Шостакович, Юткевич, Тарханов, Эрдман — все ждали с трепетом. Но он не пожелал дать указаний и исчез. Это он выбирал программу для показа в Кремле Сталину.

— А Шостакович-то что там делал?

— Песенки писал и с пустым бидоном ходил. У него дети были, а жрать нечего, как всегда. И мы уговаривали нашего идейного руководителя, не Берию, конечно, а начальника ансамбля,— скромному Шостаковичу, который ходит третий день с пустым бидоном, нельзя ли со склада ему повидлу положить. Уже война шла вовсю. В армии я послужил, повоевал. Медалей у меня много — я швейцаром могу работать.

Я в Ленинграде сидел в блокаде, насилу ноги унес через Ладогу с несчастными ополченцами, которые почти все погибли. Вошел в Москву как раз 16 октября, когда тут жгли все документы, и шел черный снег, и все бежали из Москвы, и метро было минировано...

— Где 22 июня?

— На границе, в Прибалтике, проснулся ночью, думал: маневры. Отступали. Последним поездом ехали, детей, женщин грузили. Один деятель пытался прорваться в вагон. «Коммунисты! — кричал,— пустите меня, я нужен нам!» А мы уже вещи выбрасывали на перрон — детей некуда было сажать. Мы чудом выжили.

...В 1964-м Юрий Петрович Любимов создал Театр на Таганке. Проскочил. В последний миг, когда хрущевскую Оттепель уже затягивало ледком. Весной возникла Таганка — осенью сняли Хрущева.

Уже теперь трудно (а скоро будет и вовсе невозможно) объяснить, как случилось, что всю брежневскую эпоху — гнилую, тупую, безысходную, лживую — в столице первого в мире отдельно взятого и развитого — хулиганил, орал, издевался и говорил правду театрик по соседству с тюрьмой.

Всю жизнь советский народ знал про столицу: Лубянка, Бутырка, Таганка. С 1964-го, говоря о Таганке, приходилось уточнять, о чем речь. Потом тюрьму снесли, путаница прекратилась на время, но возникает опять — теперь в обратную сторону.

Таганка! Все ночи, полные огня!
Таганка! Зачем сгубила ты меня?!
Таганка! Я твой бессменный арестант!
В твоих стенах погибли юность и талант!

Уже растолковывал я «ихним» любопытным журналистам, что эта песня не про ночную очередь за билетами на премьеру и не про загулы Володи Высоцкого...

— Юрий Петрович, стоило возвращаться?

— Все зависит от того, сумею я что-то сделать или нет. Пока я бьюсь-бьюсь и почти ничего не могу сделать. Настолько все несуразно, вся экономическая структура театра...

— Вам же в этой структуре удавалось ставить потрясающие спектакли. Структура не изменилась.

— Изменилась обстановка. Актер только формально держится за фирму Таганки, потому что он одним концертом перекрывает двух-трехмесячный заработок... Я с удовольствием восстанавливал старые спектакли, сбил с артистов налет цинизма. За шесть лет они

Продолжение на стр. 26.

Из бюллетеня «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», март 1914 года:

«ПОДДЕЛКА ЯПОНСКИМИ ФАБРИКАНТАМИ РУССКИХ ТОВАРОВ

От многочисленной группы членов нашего Общества, организовавших сбыт своих товаров как на Дальневосточной окраине, так и в Китае и Маньчжурии, за последнее время стали поступать сообщения, что целый ряд произведений русской промышленности стал подвергаться подделке со стороны японских фабрикантов. Последние в целях недобросовестной конкуренции стали ввозить в Китай и Маньчжурию товары гораздо худшего качества, в обертках и этикетках русских фабрик.

Считая необходимым принять меры, как к поддержке доброй репутации, установившейся за товарами русского происхождения, так и к обеспечению их распространения на иностранных рынках, Общество обратилось в Министерство торговли и промышленности, к Владивостокскому Биржевому комитету и к Императорскому Российскому консульству в Токио с просьбой войти с надлежащим представлением к японскому правительству о необходимости оградить интересы русского производства».

Рэм ПЕТРОВ

ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ, или Уничтоженный капитал

Самый знаменитый в истории театра вишневый сад вырубил, как известно, купец Ермолай Алексеевич Лопахин. Незадолго до порубки купец Лопахин был назван «хищным зверем» Петей Трофимовым, студентом-прогрессистом; публика же в зале сентиментально сочувствовала помещице Любови Андреевне Раневской, лишившейся родового гнезда.

В чеховской пьесе замечательным образом отразилась одна отечественная особенность: уделом русской буржуазии всегда была моральная изоляция.

Торгово-промышленному сословию не находилось места ни в социальных грезах революционного народничества,

ни в официальной формуле графа Уварова «православие, самодержавие, народность». Непримиримыми оппонентами буржуазии были интеллектуалы как славянофильской, так и западнической ориентации. Среди крестьянства буржуазия считалась разновидностью бар, да еще «из городских», рабочий класс по мере своего социального обособления впитывал сначала народнические, а затем социал-демократические представления об эксплуататорской сущности своих работодателей. Составляющие «опору трона» крупные землевладельцы видели в торгово-промышленном сословии угрозу феодальным отношениям. Идеи свободного предпринимательства, рынка находили поддержку лишь в либеральных кругах — если не считать того, что главной опорой буржуазии были ее собственные предприимчивость и деловая хватка.

Государственная власть в России во многом воспринимала развитие капитализма в России как некое неизбежное зло, как вынужденный ответ на вызов, брошенный Западом. Уместно вспомнить, что промышленность в России «вводилась» указами Петра Первого, причем не только благосостояние новорожденной буржуазии, но и простое ее существование зависело всецело от монаршей милости. Сумевший угодить самодержцу промышленник получал из казны огромные субсидии, ему даровались сотни крепостных крестьян для работ на фабриках; впавший же в немилость немедленно экспроприировался, подвергаясь суровым наказаниям и ссылке. Те, кто, по мнению Петра, работал наиболее успешно — или мог внушить царю такое впечатление,— награждались монопольным правом, и, кстати, спустя несколько лет после очередного дарования монополии Петр недоумевал, отчего этот монополист тут же начинал халтурить, переставал заботиться о расширении производства и ухудшал качество продукции, которая и до того в громадном большинстве случаев далеко не дотягивала до международных стандартов.

Заметное отхождение от системы тотального государственного надзора за промышленностью произошло лишь в царствование Екатерины II. Вероятно, русский экономический либерализм родился в строках ее Указа от 27 ноября 1767 года, касающегося дел на хиреющей казенной фабрике кож: «Когда сия фабрика будет не в казенных руках, тогда, я чаю, достаточно и кож будет. Монополизм, к сей казенной фабрике присоединенный, был вреден народу, и казенная от того прибыль не награждала того вреда». И далее, там же: «...никаких дел, касающихся до торговли и фабрик, не можно завести принуждением; а дешевизна родится только от великого числа продавцов и от вольного умножения товаров». Неудивительно, что за годы царствования Екатерины Великой количество фабрик и заводов в России возросло более чем втрое, а российский экспорт увеличивался с 13 до 57 миллионов рублей ежегодно.

Император Павел, напротив, верный своему стремлению уничтожить «дух екатерининской эпохи», пытался возродить петровские принципы — русской буржуазии было снова дано понять, что ее рассматривают лишь как придворного поставщика и интенданта, но отнюдь не как самостоятельную силу, способную приумножить экономическую мощь страны. Традиции такой экономической политики продолжали сказываться и после смерти Павла и были прекрасно охарактеризованы словами графа Мордвинова: «Обманы, притеснения, присвоения казной частной собственности не обогатили казначейства. Прежний министр финансов не знал иных правил, иного способа, как повсюду ослаблять, истреблять капиталы, почему и оставил по себе нищету в государственном казначействе, истощение в частных имуществах и всеобщее уныние и негодование подданных к правительству». Николай Семенович Мордвинов был активным сторонником права крепостных крестьян выкупаться на волю. Во многом благодаря его усилиям в России стало возможным рождение знаменитых торгово-промышленных династий, ведущих свою родословную от крепостных,— Морозовых, Коноваловых, Гучковых, Завьяловых. Для России стал характерен быстрый закат многих купеческих и промышленных семей, основатели которых выдвигались не благодаря деловым качествам, но исключительно способом дворцовых интриг; те же династии, что происходили из крепостных, отличались куда большей жизнеспособностью, основанной на собственной предприимчивости и трезвом хозяйственном расчете. Именно в начале XIX века буржуазия начинает проявлять зачатки политического сознания. Анонимный донос императору Александру I на купцов Гостиного двора гласил, что «они собираются группами по восьми человек с газетами в руках и рассуждают о необходимости конституции».

Расцвет же русской буржуазии начинается после отмены крепостного права. «Мы с удивлением и даже с каким-то больным чувством в сердце стали явственно замечать,— сокрушался идеолог старопоместного дворянства Сергей Терпигорев,— что все их, купцов, симпатии не на нашей стороне, а на мужицкой. Начнем, бывало, жаловаться какому-нибудь Ермиле Антонову на свое положение, начнем рассказывать, как «распустили» народ, а он слушает, слушает, икнет да и скажет: «великую милость даровали народу»...» Однако середина XIX века — это то время, когда русская народническая интеллигенция начинает слать свои публицистические проклятия в адрес капиталистического строя. Ярость обличения ужасов эксплуатации много превзошла таковую у классиков марксизма. И тем, однако, любопытнее, что у Белинского все же проскальзывали и вполне «трезвые» нотки: «Я не принадлежу к числу тех людей, которые утверждают за аксиому, что буржуазия — зло, что ее надо уничтожить, что только без нее все пойдет хорошо... Я с этим соглашусь только тогда, когда на опыте увижу государство, благоденствующее без среднего класса, а как пока я видел только, что государства без среднего класса осуждены на вечное ничтожество, то я и не хочу заниматься решением a priori такого вопроса, который может быть решен только опытом».

Впрочем, такого рода суждений старалась не замечать ни «передовая», ни «реакционная» общественная мысль, и лишь ученые-технократы, подобные знаменитому Д. И. Менделееву, не уставали говорить, что «только с развитием производств фабричных и заводских создается тот прочный средний производительный класс, без развития которого невозможно сильное образованное государство», чем вызывали гневные отповеди «борцов за народное счастье». В 1875 году один из старейших журналов революционеров-бланкистов (нынче подобные направления именуются терроризмом) «Набат» восклицал: «Пришло время ударить в набат. Смотрите. Огонь «экономического прогресса» уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый принцип общин... На развалинах перегорающих форм нарождаются новые формы — формы буржуазной жизни, развивается кулачество, мироедство, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного алчного эгоизма...» «Набатчики», правда, стыдливо закрывали глаза на то обстоятельство, что издание их печатного органа оказалось возможным лишь в... Швейцарии — самом что ни на есть оплоте «индивидуализма», «экономической анархии» и «алчного эгоизма». Филиппики такого рода были

Классовая борьба в сфере обслуживания.

в ходу и у «ультраправых». Забегая чуть вперед, процитирую черносотенную газету «Новое Время» образца 1905 года: «Предприниматели хорошо понимают, что царство денег, буржуазии и полное порабощение народа... наступит у нас с момента ограничения самодержавия и введения западноевропейской конституции... Вот почему новый купец-либерал, помноженный на прислуживающего ему адвоката-радикала, готов подписаться под какою угодно петицией, до всеобщей подачи голосов и равноправия евреев включительно».

Однако, несмотря на зубовный скрежет народников «красной» и «черной» ориентации, русская промышленность крепла. За ближайшие 16 лет после отмены крепостного права протяженность железных дорог в России увеличилась более чем в десять раз. В 1864 году учреждается первый частный банк, стремительно растет число фабрик и заводов. В тихом противоборстве, с одной стороны, с казеннокоштным своим положением (при крайней слабости народного рынка промышленность целиком зависела от госзаказов), а с другой — искренне благословляя дающую государственную руку, буржуазия вступила в начало XX века. Торгово-промышленное сословие питало радужные надежды на укрепление своего социального и экономического статуса, особо деятельные уже, казалось, обозревали на историческом горизонте те славные времена, когда богатая Россия завоюет безусловно лидерство в разворачивающемся мировом экономическом состязании.

Идиллия не состоялась. Это стало очевидным в первые же годы нашего века, когда в течение трех-четырех лет по стране прокатилась волна стачечного движения, начавшаяся в Харькове первомайской демонстрацией и вылившаяся во всеобщую стачку в промышленных центрах юга России в 1903 году. Стало ясно, что без учета интересов рабочих не обойтись.

Надо отдать должное российскому «буржую»: он понимал, что договориться с рабочими разумнее и выгоднее, чем занимать твердокаменные позиции. Общий промышленный подъем в стране, благоприятная конъюнктура склоняли чашу весов в пользу рабочих, ибо фабриканту сплошь и рядом выгоднее было уступить требованиям забастовщиков, нежели терпеть убытки от остановки производства. Особого альтруизма в этом, конечно, не было, но это был тот нередкий случай, когда желание сохранить прибыль приводило к не худшим, чем чистое человеколюбие, результатам. Правительство, однако, вполне резонно опасалось, что попустительство стачечному движению подрывает основы самодержавия. 26 марта 1902 года секретный циркуляр Министерства внутренних дел запретил фабрикантам делать уступки требованиям рабочих, а в 1903 году петербургский градоначальник пригрозил непослушным промышленникам ссылкой в неблагодатные зауральские места. Русская фабрика быстро полицеизировалась — мундиры фабрично-заводской полиции стали привычны в заводских цехах, что возмущало фабрикантов подчас не меньше, чем рабочих, так же, как запрет рабочих профсоюзов.

Буржуазия либерализуется; особенно это заметно в московских торгово-промышленных кругах. 14 января 1905 года группа московских торговцев и промышленников ходатайствует в правительстве о допущении мирных стачек и предоставлении рабочим права собраний и митингов. Множится количество записок в петербургских канцеляриях и из других городов; в этих так называемых «либеральных записках» промышленники указывают, что политические реформы способны умиротворить рабочих, ибо редки были забастовки, проходившие без политических требований гражданских свобод. Уральские железозаводчики утверждали, что «положе-

Революция победила. Страна выстраивается в очередь.

ние промышленности находится в теснейшей зависимости от устойчивости правовой организации страны, от обеспеченности свободной инициативы личности, от свободы науки и научной истины и от уровня просвещения народа, из которого она вербует свои рабочие силы, тем более производительные, чем более они просвещены и материально обеспечены... Давно минуло то время, когда интересы предпринимателя и рабочего считались неизбежно непримиримыми,— оптимистично добавляли железозаводчики.— Опыт всех промышленных стран доказал совершенно противоположное». Русская буржуазия, как и буржуазия любой страны, менее всего была заинтересована в нищете и бесправии народа. «Величайшим тормозом развития русской промышленности является крайняя бедность нашего населения»,— писали горнопромышленники Урала весной 1905 года, тоскуя, как и сто лет назад, по развитому рынку народного спроса.

Бурные события 1905—1907 годов на некоторое время охлаждают интерес торгово-промышленного сословия к политической деятельности и массовому рабочему движению, отчетливо проявившему уравнительно-социалистическую тенденцию. Вопреки чаяниям буржуазии первая русская революция не несла на своих знаменах одного из основных лозунгов Великой французской революции, вписанного в Декларацию прав человека и гражданина,— требование права человека на собственность. «Собственность является фактором прогресса, и, к сожалению, любви к собственности и не наблюдается в русском рабочем»,— констатировал в конце 1906 года один из делегатов съезда представителей промышленности и торговли. К 1906 году распался антимонархический фронт рабочих и промышленников, а всего лишь за полгода до этого руководители предприятий тратили солидные суммы на поддержку рабочих выступлений. Примечателен случай, когда администрация Обуховского завода предоставила в распоряжение Совета рабочих депутатов пароход для поездок.

После революционных событий русская буржуазия начинает связывать надежды с реформаторской деятельностью П. А. Столыпина, который, в свою очередь, заручается парламентской поддержкой партии октябристов и ее лидера А. И. Гучкова. Столыпинские реформы — показательнейший пример попытки «кормчего» провести государственный корабль между Сциллой и Харибдой самодержавного и социал-демократического народничества, сделать ставку, по словам самого Столыпина, «не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных». В среде социалистов Столыпин приобретает репутацию «вешателя» — из-за политики жестких репрессий в отношении террористов и экспроприаторов чужой собственности. С другой стороны, черносотенцы с не меньшей яростью клеймят премьера-реформатора, а с ним и партию октябристов, на которых, как утверждал в газете «Русское Знамя» анонимный «патриот из Казани», «давно надо было надеть серые халаты с бубновыми тузами на спине и применить 99-ю статью Уголовного Уложения», ибо октябристская Дума готовит «под прикрытием сонливого и молчаливого бездействия *конституционную монархию* (выделено ужаснувшимся «патриотом».— Р. П.)», а как только сие удастся, «тотчас же через эту монархию перекинет мост и к *республике*» с ее буржуазными штучками.

В придворных кругах у Столыпина оказалось слишком много противников, тайно или открыто исповедовавших идеологию казанского патриота. Политическая (а затем и физическая в 1911 году) смерть Столыпина убеждает буржуазию в неспособности правительства эффективно разрешить социальные и экономические противоречия в стране. Русская буржуазия понимает, что быстро развивающейся промышленности становится тесно в бюрократическом государстве, особенно это заметно на пороге научно-технической революции. Торговцы и промышленники сознают связь между политической и экономической свободами. Колоритно высказывание П. П. Рябушинского в газете «Утро России»: «В той схватке купца Калашникова и опричника Кирибеевича, которая начинается, конечно, опять одолеет Калашников. Может быть, и на этот раз его потом пошлют на плаху.

Но идеи буржуазии, идеи культурной свободы — эти идеи не погибнут». Напоминание об опричнине может показаться странным, но надо помнить, что провинциальная буржуазия отнюдь не пользовалась любовью властей. Конечно, самодурства околоточных надзирателей и губернаторов в конце XX века выглядят невинной забавой, но в начале столетия они были поводом для совершенно искреннего возмущения — человеческое достоинство еще не прошло через гулаговские испытания.

В конце 1900-х — начале 1910-х годов происходит ощутимая перемена в умонастроениях русской интеллигенции, до того видевшей на Западе в основном ужасы капиталистической эксплуатации. Сближение демократически ориентированной буржуазии и трезвомыслящей интеллигенции наметилось в 1907—1909 годах. Журнал «Русская Мысль» начинает осторожную пропаганду взглядов на среднее, или «третье», сословие как на способное обеспечить ненасильственное движение России по пути прогресса. Блестящий состав авторов — Бердяев, Трубецкой, Булгаков, Изгоев, Струве — определял авторитет издания. «В международной экономической борьбе первое место занимают те народы, которые развили в себе наивысшую меру свободной экономической дисциплины,— писал П. Б. Струве в 1908 году.— В настоящее время нам нужно больше реализма, больше внимания к «материальным» основам жизни и в то же время больше индивидуализма, больше личного творчества, личного напряжения, нам нужны, словом, те качества, которые создали «буржуазный» строй». А. С. Изгоев, видный публицист начала века, утверждал: «Всякое самохвальство, революционное, реакционное, религиозное и национальное, одинаково вредно... Надо, чтобы русский интеллигент понял и всем нутром ощутил, что мы такие же люди, как и прочие культурные европейцы, только значительно отставшие во всех отраслях жизни и мысли от англичан, французов, немцев... И наше якобы существующее преимущество в области социально-политической и революционной или религиозной на поверку всегда окажется только преимуществом хлесткого, ничем не смущающегося незнания перед серьезным знанием». В 1909 году постоянными авторами «Русской Мысли» был издан знаменитый сборник «Вехи». В предисловии формулировалась главная идея сборника — показать, что «внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия», в то время как раньше идеология русской интеллигенции ошибочно основывалась на «признании безусловного примата общественных форм». В сборнике можно найти утверждения, что «то фанатическое пренебрежение ко всякому эгоизму, как личному, так и государственному, которое было одним из главных догматов интеллигентской веры, причинило нам неисчислимый вред. Эгоизм, самоутверждение — великая сила; именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле». Конечно же, «веховцы» не были «штатными идеологами буржуазии», как утверждала на протяжении десятилетий советская пропаганда. Бердяев до конца жизни видел в слепом поклонении золотому тельцу величайшее зло, но еще большим злом он почитал «любовь к уравнительной справедливости», которая в России «парализовала любовь к истине».

Так или иначе, роль «веховцев», безусловно, велика в том, что все более проникающаяся либеральным духом буржуазия начинает видеть в интеллигенции необходимого ей партнера на пути экономического прогресса. И далеко не случаен был протест Московского общества торговли и промышленности по поводу увольнения в 1911 году из Московского университета профессоров либерально-демократической ориентации, большинство из которых представляли гордость русской науки (среди них были В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев). Заявление Общества, адресованное министру просвещения, начиналось так: «Мы, нижеподписавшиеся, члены промышленной и торговой среды, в сознании того огромного значения, которое ныне имеет и в сфере нашей деятельности высшее образование, не считаем себя вправе молчаливо присутствовать при том распадении высшей школы, которому и нам приходится быть свидетелями». Такое заступничество вызывает раздражение ультраправых. «Русское Знамя» призывает отобрать у обнаглевшей буржуазии фабрики и заводы, а идеолог черносотенства Меньшиков — лишить ее «живота». Мрачная ирония истории в том, что в 1911 году тот же Меньшиков изрек: «Да, гг. Рябушинские и Морозовы и прочие им подобные! Несмотря на ваш флирт с революцией и все аттестаты либерализма, которые вы спешите выслужить, именно вам первым придется пасть жертвой готовящегося переворота. Вас повесят первых — не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью, просто за обладание тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь».

В России почему-то сбываются в основном погромные предсказания.

* * *

«Аттестаты либерализма» действительно были мгновенно забыты после Февральской революции. Революционерам не нравились напоминания о том, что на протяжении многих лет эмигрантская печать финансировалась московскими промышленниками, и не только печать — пример Саввы Морозова, отрядившего не одну тысячу на жизнь подпольных социалистических формирований, хрестоматиен, но не уникален. В начале марта 1914 года А. И. Коновалов совместно с П. П. Рябушинским создал так называемый Информационный комитет, куда были приглашены два меньшевика, «социалист-беспартийный» С. Н. Прокопович и большевик И. И. Скворцов-Степанов — последний с партийным заданием получить от московских капиталистов средства для очередного съезда партии.

То, что мы сейчас именуем соцкультбытом при предприятии, было распространено и до революции: например, на известной ситценабивной фабрике товарищества «Эмиль Циндель» в 1914 году уже была начальная школа для детей рабочих, библиотека с тремя тысячами томов, сумма страховки от несчастных случаев достигала 15 000 рублей (деньги по тем временам огромные), на фабрике практиковалось участие рабочих в прибылях. Меценатство русских торговцев и промышленников вызывало лишь саркастическую улыбку у провозвестников новой эры, хотя отечественное театральное и изобразительное искусство многим обязано Мамонтовым, Щукиным, Морозовым, Терещенко. Сразу после Февраля 1917 года московскими промышленниками были учреждены многотысячные фонды — помощи политкаторжанам и народного просвещения... Но тот же 1917 год — начало жестокого поединка между фабрикантами и рабочими, руководимыми радикально настроенной социал-демократией.

В первые дни после Февральской революции казалось, что интересы промышленности и рабочих могут быть увязаны мирным путем. Право на забастовки и создание профессиональных союзов более никем не ставилось под сомнение. 10 марта 1917 года между Петросоветом и Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов было подписано соглашение, в котором предусматривалось немедленное введение 8-часового рабочего дня при сохранении прежних заработков, учреждение фабрично-заводских комитетов рабочих и так называемых «примирительных камер» на всех предприятиях, в которых любой конфликтный вопрос мог обсуждаться с привлечением представителей администрации завода и фабзавкомов.

Вскоре рабочими стали предъявляться требования о повышении зарплаты. Требования эти были выполнены: на петроградских заводах в апреле заработки в сравнении с началом года повысились: в писчебумажной и металлургической отраслях — в 2,5 раза, в 2,2 раза — в кожевенной, в 3 раза — в химической промышленности.

Очень скоро выяснилось, что повышение зарплаты «съело» все финансовые резервы множества предприятий. Их прибыль во многих случаях физически не могла обеспечить требования, выставляемые фабрично-заводскими комитетами. «...В Донецком районе на 18 металлургических предприятиях с основным капиталом в 195 млн. рублей, с валовой прибылью за последний год в 75 млн. и дивидендом в 18 млн. руб. рабочие потребовали прибавки заработной платы на 240 млн. руб. в год,— констатировалось на одном из заседаний Временного правительства в мае 1917 года.— Владельцы предприятий выразили согласие повысить эту плату на 64 млн. руб., т. е. в размере, почти поглощающем всю валовую прибыль, причем в большинстве предприятий промышленники решили и вовсе отказаться от какой бы то ни было прибыли, согласившись полностью уступить ее в пользу рабочих, но тем не менее последние от этого отказываются, настаивая на удовлетворении своих требовании полностью». Характерно дело, связанное с закрытием Таганрогского металлургического завода: рабочими было предъявлено требование повысить зарплату на 360 тысяч рублей, в то время как завод не только не дал прибыли его владельцам, но и принес в первой половине 1917 года полмиллиона убытков.

Делом чести для большевистской печати стал поиск тех предприятий, прибыль которых все еще оставалась собственностью промышленников, а точнее — акционеров, так как акционерная форма к тому времени уже преобладала в русской промышленности. Чем больше была сумма не розданной в виде зарплаты прибыли, тем язвительнее была публикация и громче призыв к стачке.

«В настоящий момент,— говорилось в декларации конференции промышленников Юга России 27 мая,— диктатура рабочего класса осуществлена в примитивнейшей ее форме. Рабочий класс, увлеченный заманчивыми перспективами, которые рисуют ему безответственные вожаки, ожидает наступления золотого века, и ужасно будет его разочарование, которое нельзя не предвидеть». Забастовочная волна стимулировалась не столько трудностями военного периода, сколько агитацией большевиков. Эпиграф листовки, распространяемой от имени «Союза металлистов», представлял собою лозунг коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Привычным делом стало прямое вмешательство фабрично-заводских комитетов в работу заводской администрации. Завкомы, угрожая владельцам и администрации расправой, фактически отстраняли их от дел, начав распоряжаться всем и вся — от выписки пропусков на вынос товаров и имущества с заводов до завладения печатями акционерных обществ и ведения от имени обществ всех сделок. Все это печально сказывалось на уровне производительности русской промышленности.

Отдел отношений между трудом и капиталом Временного правительства был засыпан жалобами наподобие той, что прислал владелец петроградского кожевенного завода А. А. Парамонов. Перечисляя десяток примеров насильственных действий фабзавкома, владелец так завершает жалобу: «30 мая с. г. представители рабочих потребовали от меня денег на вооружение и, кроме того, предоставить в их распоряжение мой автомобиль, предупредив меня, что в случае отказа возьмут его без моего согласия, что они уже осуществили».

Вероятно, за всю историю человечества не было столь драматичной ситуации, когда бы народ с таким энтузиазмом разваливал экономику своей страны. Кризис народного хозяйства наглядно отразился в падении золотого содержания рубля на европейских биржах: если сам факт свержения самодержавия вызвал краткий подъем курса русской валюты, то последующие события привели к тому, что в течение полугода стоимость рубля упала в два с лишним раза. К середине 1917 года экономический кризис усугубляется тем, что многие промышленники и акционерные общества закрывают заводы во избежание полного разорения. И хотя многие и многие из предприятий закрывались в силу совершенно объективных причин — недостаток и подорожание топлива и материалов, прекращение банковских кредитов, агрессивность фабзавкомов,— в ультрареволюционной прессе это получило название злонамеренного саботажа, что подстегивало ненависть к «буржуям». Экономика страны находилась в катастрофическом положении, и разгром довершался большевистской пропагандой, которой эта экономика была попросту не нужна и у которой имелся свой рецепт построения светлого будущего: «Правда» от 15 июня 1917 года требовала национализации промышленности и, цитируя резолюцию конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда, объясняла, что «необходимо осуществление всеобщей трудовой повинности. Эта мера... требует введения рабочей милиции, с бесплатной службой рабочих в ней сверх восьмичасового рабочего дня, для перехода к общенародной поголовной милиции с оплатой труда рабочих и служащих капиталистами... Всеобщая трудовая повинность одна лишь в состоянии осуществить наибольшую экономию сил народного труда». Военный коммунизм разрабатывал тактику действий.

«Вся душевная энергия направляется против тех злодеев, которые мешают водворению окончательного равенства и социального рая на земле. Эти злодеи в русской революции получили наименование «буржуев», и им приписываются отчаянные козни, заговоры и интриги,— писал в московском журнале «Народоправство» Н. А. Бердяев.— Какие-то чудовищные размеры принимает и злодейская роль кучки капиталистов, и благостная роль пролетариата, который с этой кучкой расправится... Никакой раздел не может разрешить проблемы бедности и нужды, сам по себе он лишь опускает ниже уровень человечества... Демоническая одержимость идеей равенства не есть демократия, ибо истинная демократия есть лишь искание путей подбора лучших, установление истинного неравенства». Призывы к революционному насилию вызывали у Бердяева мрачные исторические ассоциации: «революционная власть так же не может освободиться от большевизма, как власть дореволюционная не могла освободиться от черносотенства».

Вскоре после захвата власти большевиками Бердяев заметил: «Русские социал-демократы, ученики К. Маркса, признали солдатские штыки главным определяющим фактором исторического развития. Некоторые из них, именующиеся большевиками, даже уверены, что солдатскими штыками можно радикально изменить соотношение экономических сил. Такое милитаристическое перерождение марксизма поистине изумительно, оно возможно лишь на темном Востоке, в совершенно некультурной стране. В этом есть что-то турецкое...»

3 августа 1917 года на Втором Всероссийском торгово-промышленном съезде П. П. Рябушинский произнес свою знаменитую фразу о «костлявой руке голода», которой, как впоследствии было записано в скрижалях нашей официальной истории, капиталисты хотели задушить рабочее движение. Раздвинем чуть-чуть рамки этой привычной, но состоящей всего из трех слов цитаты. Вот отрывок из речи Рябушинского, указывающего на драматические последствия войны с «буржуями»: «К сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились. Стонет русская земля от их товарищеских объятий...» Уничтожение класса промышленников трактовалось «членами комитетов и советов» как уничтожение капитализма; на деле же уничтожение капитализма обернулось уничтожением промышленности. Именно в середине 1917 года в России впервые выстроились те бесконечные очереди, в которых впоследствии было воспитано не одно поколение наших сограждан.

Почему идеи тотальной национализации и уравнительного распределения оказались столь всесильны? Помимо того исторически накопленного груза общинно-социалистической идеологии, о которой уже говорилось, решающим фактором оказалась, бесспорно, война. В военных условиях идея монополизации и сосредоточения в руках государства целых сфер народного хозяйства витала, что называется, в воздухе и задолго до 1917 года материализовалась в виде «хлебной монополии», причем не только хлеб, но и другие виды продовольствия стали обращаться в собственность государства по принципам, сходным с продразверсткой. Временное правительство не решилось изменить ситуацию; в марте 1917 года мало кто обратил внимание на слова одного из делегатов Первого Всероссийского съезда торговли и промышленности: «Мы знаем, что благодаря свободе торговли у нас был скот в 18—20 пудов, а благодаря твердым ценам и реквизиции скот обратился в скелетов...»

Если согласиться с тем, что насилие — это повивальная бабка истории, то русский социализм родился в военно-полевых условиях, когда у бабки не было ни времени, ни желания разбираться, беременна роженица или нет.

* * *

Нэп не стал политической реабилитацией торгово-промышленного сословия. Коммунистами буржуазия воспринималась лишь как временный инструмент для поднятия экономики, и в этом есть удивительное сходство с наиболее деспотическими временами самодержавия. Политических прав советская буржуазия, «совбуры», практически не имела, а воспитанием классово-пренебрежительного отношения к ней занимались миллионные тиражи газет и журналов. Еще в 1922 году, то есть задолго до крушения нэпа, в прессе получили распространение публицистические стихи такого рода:

Вчера я случайно
рискнул чрезвычайно:
на биржу явился,
и в ту же минуту,
похожий на спрута,
нэпач подкатился:
— Вам нужно крупчатки?
А соль? А перчатки?..
Толпа прибывала,
кольцом меня сжала.
В нэпмановской прыти
ревели кто басом,
кто жиденьким гласом:
— «Берите!», «Купите!» и т. д.

Замечателен конец этих виршей:

Но вдруг — что за чудо!
В секунду одну
нэпманы в испуге
умчались как вьюга —
обход Ге-Пе-У!

Калашников все-таки проиграл Кирибеевичу.

Публицистика 20-х — публицистика исторических гримас. В «Крокодиле» 1922 года в соседних номерах можно было найти и злую карикатуру к пятилетию революции на «Милюкова-Дарданелльского», требующего для буржуазии в апреле 1917 года средиземноморских проливов, и рисунок-агитку с таким злободневным текстом: «Если вся черноземная полоса России, прилегающая к Черному морю, есть огромный хлебный амбар, то Дарданеллы являются дверью этого амбара. И эта дверь должна быть свободной!»

Вернемся к эпиграфу. Экономическая защита в 1914 году от японских жуликов оказалась необходимой не потому, что русская промышленность была невероятно могуча,— точнее было бы сказать, что Страна восходящего солнца представляла собой экономические задворки. Но два государства по-разному использовали последующие три четверти века, чем и определилась трагикомичность эпиграфа для современного читателя.

В слепой апологетике буржуазии нет смысла — точно так же, как нет смысла и в идеализации какого-либо другого класса и сословия; но проигравший имеет право на сочувствие, особенно если не он начинал драку, особенно если в этой драке проиграли все.

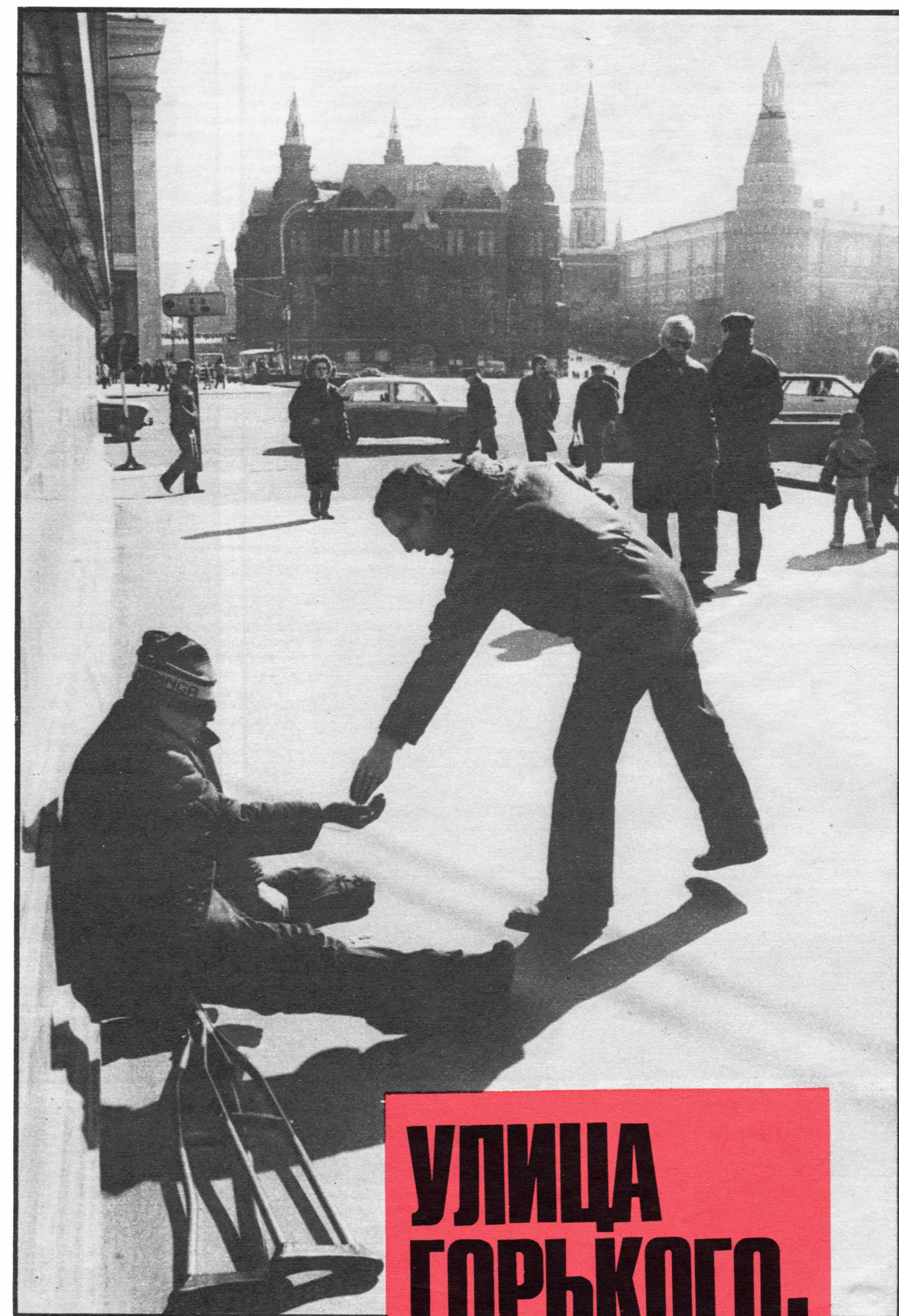
Настойчиво решается задача превращения Москвы в образцовый город... В жизни столицы СССР с наибольшей полнотой отражаются достижения реального социализма — материальные и духовные...

В. В. ГРИШИН, из сборника избранных речей и статей

Какое наследство досталось новому Моссовету

УЛИЦА ГОРЬКОГО, ЗНАТЬ, ТЫ БОЛЬНА?

К. БАРЫКИН
Фото С. ПЕТРУХИНА

По главной улице — с оркестром!

Музыка весьма желательна: она отвлекает, и не сразу обращаешь внимание на выщербленные и тесные тротуары, не своей смертью погибающие деревья, на неумытые витрины и ухающие магазинные двери. На замусоленные, обшарпанные фасады некогда щегольских домов; было время, в них жили люди.

Сейчас здесь конторы, конторы, конторы. Учреждения.

Улица Горького больна. Тяжело. Неизлечимо? Никто, похоже, не решается поставить правильный диагноз. В прошлом году прошлогодний исполком Моссовета принял очередное решение. Невнятно поговорив о том и о сем, отметив, что «не разработана программа и не отлажена система», а также «не создана рабочая группа», и «неудовлетворительно обеспечивается доступ специалистов», исполкомовский летописец обреченно, ни на что, полагаю, не надеясь, призывал «создать», «обязать», «согласовать». И еще раз обязать. Обязательно обязать! Было отмечено (между строк), что улица Горького «не соответствует значению улицы главной столичной магистрали».

В приложениях к решению намечалось многое.

Год прошел — что изменилось? Обвалился карниз над входом в некогда популярный кондитерский магазин. Эту срамоту наспех прикрыли металлическим бордюрчиком. Нет денег на основательный ремонт? Откуда же им взяться, если так много материалов, сил и средств приходится расходовать на капитальную переделку неаварийного состояния исполкомовской столовой. Но приспичило — вовсю идут ремонт и обновление, уже мрамор, говорят, завезли. Предстоит пир во время чумы? Подобные стройки и ремонтные операции оголяют бюджет улицы (у главных проспектов может и должен быть свой бюджет — у меня нет в том сомнений), превращают магистраль в улицу-попрошайку, которая уже успела получить у заокеанской фирмы деньжонки на якобы быстрое кафе с самой длинной в столице очередью. Я ничего не имею против «Макдоналдса». Очень рад появлению его. Но отчего под котлетную надо было отдавать работавшее кафе «Лира»? Отчего для «Макдоналдса» не построить еще одно помещение — где-то рядом?

Чтобы не вместо, а — вместе.

Чтобы посоревновался цивилизованный «Макдоналдс» с замшелым столичным общепитом. А то получилось, что

ОБСЛУЖИВАНИЕ
ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ
г. МОСКВЫ

гамбургерная учит сама себя, ни с кем не конкурирует, ибо на версту окрест конкурентов вовсе нет.

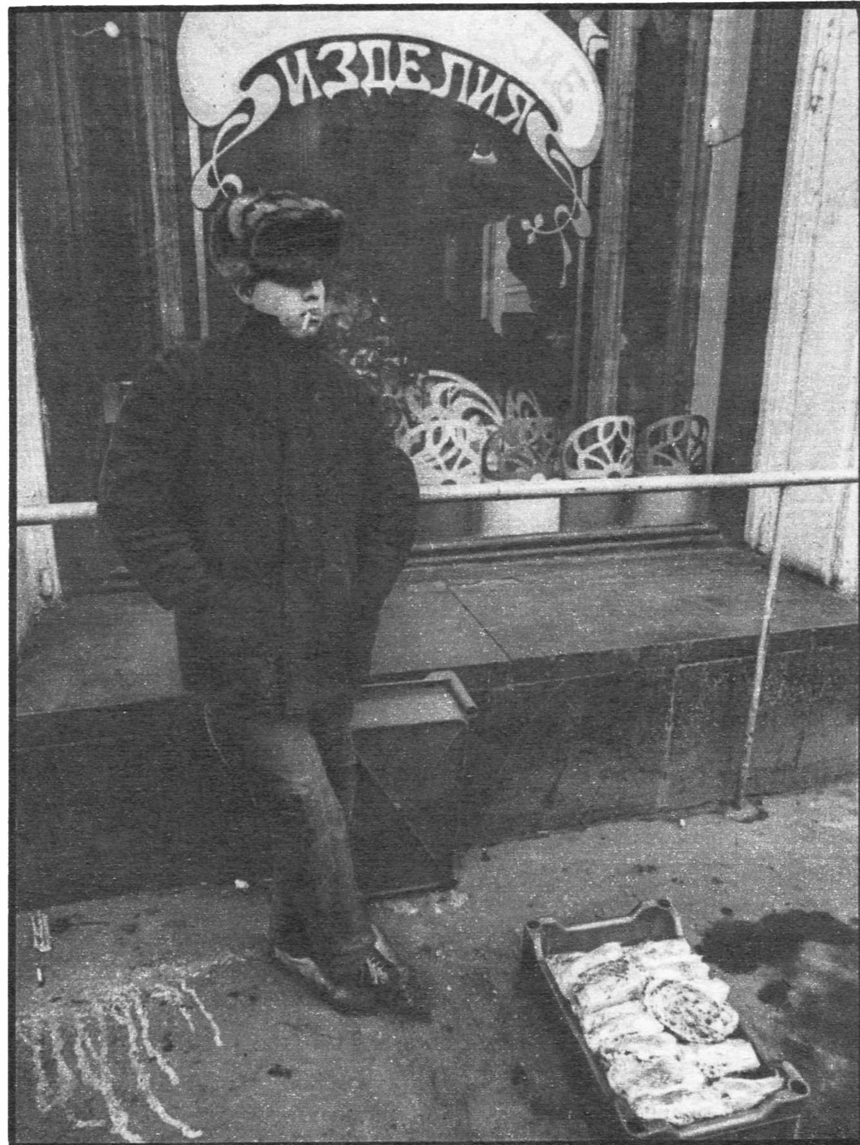
Неробкий этот опыт понравился градоначальникам. И вот закрывают такую примечательность улицы, как магазинчик «Минеральные воды». Коренные москвичи его знали и примечали, сюда приезжали даже с окраин. Магазин был хорош, студенты назначали в нем свидания. И вот Мосгорторг с легкостью необыкновенной, глазом не моргнув, отказался от «Минеральных вод», отдал помещение Мособщепиту — тут осуществится заштатная пиццерия. Поискать бы помещение для нее неподалеку, в одном из переулочков, где десятки пустых, пугающих немотой зданий. Где сотни чужеродных контор-оккупантов. Их бы и турнуть. Но проще оказалось закрыть магазин... Что-то неймется в последнее время повелителям столичной торговли. Спешат они, спешат так изменить облик главной улицы, чтобы стала неузнаваемой, чтобы лишилась традиций. Улица без памяти, улица-манкурт?

Объяснить это я могу — руководство столичной торговли набрано из приезжих. Из тех, кто полагает, и об этом писала «ЛГ», что Сокольники и Сокол — один и тот же район. Они, видимо, уверены: все, что было до них,— плохо. Они выписаны, чтобы облагодетельствовать наш город, чтобы сделать его лучшим торговым городом страны. А может, и мира!..

И стал Елисеевский не похож на Елисеевский. Внутри многое переиначено. Хлебный отдел выволокли в общий зал, поближе к селедке и колбасе, а хлеб так восприимчив к посторонним запахам, так доверчиво впитывает их... Да что Елисеевский! Неподалеку от него была отличная булочная, не обычный хлебный магазин, а в чем-то и характер города, его стиль, его особинка, если хотите. Но решительные и беспощадные преобразования задели и Филипповскую, прошлись по ней катком безразличия. Помещение и поныне существует. Скрывается под названием «Булочная № 1». Не верьте этому! Хлебный магазин, созданный и выпестованный первым булочником России талантливым Иваном Максимовичем Филипповым, приказал долго жить. Филипповская булочная выкорчевана. На ее месте оказался стандартный кондитерский магазин с казенным кафетерием. Хлеб задвинут в уголок, в крохотное помещеньице. Ассортимент сократился в пять-шесть раз. Свежий хлеб стал редкостью... Зато товарооборот вырос, деньги рекой льются в городскую казну. А деньги так нужны: для организации очередных контор в центре города, для ремонта исполкомовской столовой, для закрытия галантерейного магазинчика напротив Мосгорторга и создания в нем шоферской — тут проводят время между вызовами водители персональных и «разгонных» мосгорторговских автомобилей.

Поговаривают, что Филипповскую, как и Елисеевский, могут пустить на аукционные торги, но не вольные, а под недремлющим оком Мосгорторга. Ничего путного из этого не выйдет, поверьте на слово...

Зуд преобразований и новаций затронул всех, кто причастен к главной магистрали. Архитекторы отгрохали в самом начале улицы уродливо-безликую интуристскую гостиницу. Очень хорошо помню все, что связано с памятником Юрию Долгорукому. Он и посейчас стоит, донельзя затеснив небольшую площадь (прежде Скобелевскую, ныне Советскую). Нелепый этот памятник уже был, когда мне довелось встретиться с архитектором Виноградовым. И он пригласил меня на одно из архитектурных кладбищ, где складывали неугодные властям опальные сооружения, свозили их тайком, чтобы уберечь от начальственного ока и, стало быть, от полного уничтожения. Там я увидел фрагменты Триумфальной арки (ныне восстановленной; не на своем, понятно, месте), там были и части обелиска Свободы, прежде он располагался на Советской площади.

Начались тогда же хлопоты по восстановлению обелиска. Но их пресекли в самом начале. Кто? Поди теперь дознайся. Называют тогдашних мэров столицы (кабинет председателя исполкома окнами смотрит на площадь. И я могу предположить, что тому же, к примеру, исполкомовскому долгожителю В. Промыслову было приятнее видеть медного всадника, а не обелиск Свободы!). Говорят и о прежнем городском партначальнике. Так или иначе идея с восстановлением была отвергнута. И стоит громоздкий, заполнивший собой всю площадь Долгорукий — основатель города. А по бокам — конторы, конторы, конторы... Десятки, сотни. Они забили подъезды, захватили дома, выкинув из них москвичей. Дом № 6 (ныне бессмысленные его балконы до сих пор глядят на улицу и на площадь) был взят Главмосстроем... Конторское ярмо, конторский оброк? «В этой старой Москве живет мало народу. Из хороших жилых домов выселяют коренных москвичей, а эти дома занимают безудержно разрастающиеся учреждения. Весь центр — одни учреждения. Откуда их столько, как расплодились?» — с горечью вопрошал несколько лет назад один из виднейших наших зодчих, доктор архитектуры Михаил Григорьевич Бархин.

Наши пуритане и ревнители очень пекутся о том, чтобы ленинское наследие было реализовано, чтобы его советы — выполнены. Вот и напомним, что еще в то давнее время Ленин советовал «проследить и нажать» на дело разгрузки Москвы от лишних, менее необходимых для работы центральных и московских органов, учреждений. Предлагал сократить распухшие и распространившиеся ведомства. Все, что можно, выселить из Москвы или уплотнить.

...Как размножаются конторы? Простым делением. Как амебы. Вон по Столешникову, в ста метрах от хвоста долгоруковой лошади, чуть вправо от него, десяток лет не могут начать создание запланированного, согласованного, всеми принятого и поддержанного Гостиного двора. Огромный дом занимает строительное управление — этаж на этаже, начальник на начальнике. Другие стройконторы — пожиже; речфлотовское начальство; приемный пункт «Вторсырья»...

И всем фасадом мосгорисполкомовский дом равнодушно смотрит на эти безобразия. Смею предположить, что Мосгорисполком не случайно не выполняет свои же решения по выселению конторской челяди. Окажись по соседству с улицей Горького хорошие кафе, ресторанчики, клубы, блинные, сразу нашлись бы любители сопоставлять и сравнивать — и высветилась бы бедность, запущенность главной улицы. Ее заштатность и обреченность. На улице Горького оно так, есть свои рестораны, но от былой их славы ничего не осталось. Когда-то радушные, хлебосольные, сейчас они приметны только тем, что уже у дверей встречают обязательной табличкой: «Мест нет!». И второй, тоже выразительной: «Наценочная категория — высшая». Ни один ресторан не сулит первого или высшего класса обслуживания. Но уже у входа предупреждает: обдерем как липку. Помню эти рестораны, когда-то они потчевали недорогими и вкусными «комплексными обедами» за рубль тридцать, помню блины в «Центральном», фирменные пирожки шеф-повара ресторана «Москва».

Все ушло в небытие...

Безликая, неухоженная и грязная, с заборами-времянками — такой предстает сегодня улица Горького. Не главная магистраль, а так — проезже-прохожая часть, соединившая Кремль с Белорусским вокзалом.

Нелегкое наследство получил новый состав Моссовета...

Александр КАМЕНСКИЙ

СВОБОДА ДУХА

Полноценной, научной, отвечающей современным представлениям истории советского изобразительного искусства пока не существует. Появляются отмеченные печатью нового подхода статьи, альбомы, книги. Но очерков истории советского искусства, отвечающих современным взглядам, нет. Однако зрителям уже предложили экспозиции, подобных которым сравнительно недавно попросту не могло быть: «Советское искусство 20—30-х годов» в Русском музее, «Забытые полотна. Советская живопись и графика 20—30-х годов» в московском Музее искусств народов Востока, наконец, «Советское искусство. 1917—1930» и «Советское искусство тридцатых годов» в Государственной Третьяковской галерее (помещение на Крымском валу).

У всех этих выставок были свои сложности, свои недостатки. Но во всяком случае, очевидно: их организацию естественно поставить в один ряд с публикацией давно написанных романов, повестей, стихов, с выходом на экран некогда «положенных на полку» фильмов. Даже широко известные и общепризнанные произведения в новом контексте, предложенном этими выставками, воспринимаются совсем не так, как раньше. Постепенно и неотвратимо предстает в истинном облике правда истории, разворачивается длинный свиток тех переживаний и размышлений, надежд и горестей, мечтательных порывов и беспощадной прозы будней, которые составляли суть жизни людей в нашей стране на протяжении десятилетий.

Выставка «Советское искусство. 1917—1930» открыта в Третьяковской галерее уже довольно давно, года полтора-два, но — странное дело! — не имела ни единого отклика в печати. А ведь речь идет не о какой-то проходной экспозиции, а о своего рода попытке увидеть заново целый этап художественного развития в советской стране (причем эта попытка представляет собой эскиз будущего раздела в залах новой Третьяковки).

Третьяковцы задались целью представить искусство первых полутора десятилетий после Октября с максимальной исторической объективностью. Отброшены еще недавно устойчивые групповые пристрастия, все ведущие творческие течения и объединения получили право представительства. Такой принцип абсолютно органичен для эпохи, которая просто не мыслила жизни вне множественности поисков и направлений. Художники спорили, «дрались», но жили и работали рядом, все по-своему, что порождало огромное богатство оттенков восприятия и изображения жизни. «Левое», «правое» — эти термины тогда мелькали, но о взаимном изничтожении и речи не было. Более того, крайности иногда смыкались самым неожиданным, а то и причудливым образом.

В аванзале выставки висят «Окна РОСТА» В. Маяковского, М. Черемныха, В. Лебедева, А. Лавинского. Простота и потешное дурачество народных лубков соединены в них с виртуозным артистизмом и острейшей условностью новых направлений. Итог оказался на редкость значительным и животворным: знаковые формулы «Окон» вобрали в себя и социальную типологию, и яростный темперамент времени, и черты площадного театра, на арене которого разыгрывалось действо о героях, врагах и жертвах революции.

К сожалению, «Окна РОСТА», несколько плакатов и эскизов — единственные в экспозиции отголоски той колоссальной, многоцветной, поистине бушевавшей стихии уличного искусства революции. Вспомним о вобравшем гигантские художественные усилия праздничном оформлении городов в дни революционных торжеств и годовщин (А. В. Луначарский справедливо называл романтику праздничных зрелищ «главным художественным порождением революции»), о задуманной В. И. Лениным «монументальной пропаганде», о памятниках, панно, агитпоездах и прочем. Досадно, что все эти жанры революционного искусства на выставке не отражены. Главное не в таких-то дополнительных экспонатах, но в приобщении к идеально-романтическим настроениям и порывам времени. Андрей Платонов однажды с замечательной точностью и прозорливостью сказал, что «революция в те годы была как пространство — открытая, свободная, но еще не заполненная». Именно так! Люди мечтали о прекрасном будущем, и никто, как художники, так явственно не выразил этих надежд. Почему, скажем, не поставить в центр экспозиции модель знаменитого памятника III Интернационалу В. Татлина, этот гениальный символ нового, преображенного мира, созданного по законам красоты и разума?..

Хотя общая концепция выставки не продумана, экспозиционные стены настраивают на серьезные размышления. Первейшее из них — о том, как художники России воспринимали революцию. Сейчас стали чуть ли не модой нападки на Октябрь, который иные доброхоты изображают вакханалией насилия, масонским заговором против народа и т. д. Выставка в Третьяковской галерее со спокойным и гордым достоинством предлагает совсем иное толкование духовной и гражданской ситуации той эпохи. Ведь в духовном, идейном смысле революцию начали много раньше 25 октября 1917 года — надежды на решительное преображение мира были основным нервом философских построений и художественного творчества русской интеллигенции еще на рубеже XIX—XX веков. В этой связи возникают неожиданные сопоставления. Разве, например, не проникнуто пророческим чувством пришествия царства гармонии и красоты принадлежащее той же Третьяковской галерее «Купание красного коня» (1912) К. Петрова-Водкина? Прямым продолжением его историко-философской лирики явилось полотно того же автора «1918 год в Петрограде» (1920), известное под апокрифическим названием «Петроградская мадонна». Сейчас мы с особой остротой воспринимаем глубоко национальный характер центрального образа: мать с ребенком на фоне взволнованного города, где люди обсуждают декреты новой власти. Современная проблематика переплетается здесь с многовековыми традициями иконописи с присущим ей поиском нравственных идеалов. Революция здесь предстает как новое, высокое воплощение мечты о справедливом и человечном жизнеустройстве. Та же тема развита в «Розовом натюрморте» (1918) К. Петрова-Водкина, где лики святых строго и даже взыскующе смотрят на ветку плодоносной яблони — символ вечной силы жизни, торжества красоты. И все это выглядит странно, необычно, словно мир сдвинулся со своих привычных осей и вошел в полосу нового, удивительного расцвета.

Как важно, как по-своему исторично это ощущение глубочайшего сдвига, всеобщности, всемирности происшедших перемен, рубежом которых стала революция. На выставке в Третьяковской галерее такая масштабная идея дает себя знать во множестве различных вариантов. К. Юону, например, происходящее преобразование жизни представилось созданием «Новой планеты» (1921), а П. Филонов, строя неведомую, атомизированную вселенную, изображает «Ввод в мировой расцвет» (так называется его живописный цикл конца десятых годов).

Как мне кажется, только в исторической обстановке переосмысления всей жизни общества, свойственной России начала XX века и особенно острой в революционные годы, можно понять исходные начала «авангардистского» направления в русском искусстве. Когда-нибудь наш классический «авангард» покажут во всей полноте его развития — от первых явлений на рубеже десятых годов до расцвета перед революцией и — особенно — после нее. И тогда станет очевидным, что социальный пафос революции был для «авангарда» крайне важным, может быть, определяющим фактором.

Вот висят в экспозиции картины К. Малевича, Л. Поповой, А. Родченко, И. Клюна, Г. Клуциса, Н. Альтмана, В. Баранова-Россине, Г. Стенберга и некоторых других мастеров «авангарда». На выставке становятся очевидными, во-первых, их связь со многими произведениями русской живописи — по цветостроению, ритму, общему чувству формы — и, во-вторых, то всеохватывающее ощущение «неслыханных перемен», грандиозного и до самых глубин изменения всего строя и характера жизни, которыми буквально дышали предреволюционная и революционная эпохи.

Я всегда был убежден (и целиком остаюсь при своем мнении), что созданный природой и людьми предметный мир обладает неисчерпаемым богатством выразительных возможностей и вечно будет служить отправной точкой произведений художников. Но такая убежденность вовсе не означает категоричного отрицания искусства «чистых форм» — комбинаций световых плоскостей, геометрических фигур, линий, ритмических узоров. История искусства давно уже доказала, что «чистые формы» могут быть особой областью образно-ассоциативного искусства, развивающегося наряду с традиционной фигуративностью и на своем языке передающего восприятие мира и бытия. Некоторые экспонаты выставки «Советское искусство. 1917—1930» свидетельствуют об этом с непререкаемой выразительностью.

Разве, например, «Динамическое построение» (1919) или «Пространственно-силовое построение» (1921) Л. Поповой не содержат захватывающе острого чувства ломки и сдвигов жизни, сложения новой, неслыханной гармонии мироустроения? А в картинах А. Родченко словно бы заново увидены и показаны в отдельности некоторые категории самой материи («Отрыв цвета от формы», 1918; «Композиция № 66. Плотность и вес», 1920). Эти категории авангардисты по-своему взвешивают, испытывают на выразительность (И. Клюн «Беспредметное по принципу «Свет-цвет», 1921; И. Чашник «Супрематизм», 1923; В. Баранов-Россине «Композиция. Натюрморт», 1920-е гг.). В беспредметно-живописном плакате Н. Альтмана «Россия. Труд» (1921) сдвинутые формы, расколотые слова, плоскости, плавающие в беспокойной, вибрирующей среде, отражают всю смятенность и неупорядоченность своего времени. Такого рода «неэвклидова геометрия» живописного изображения обладает впечатляющей силой.

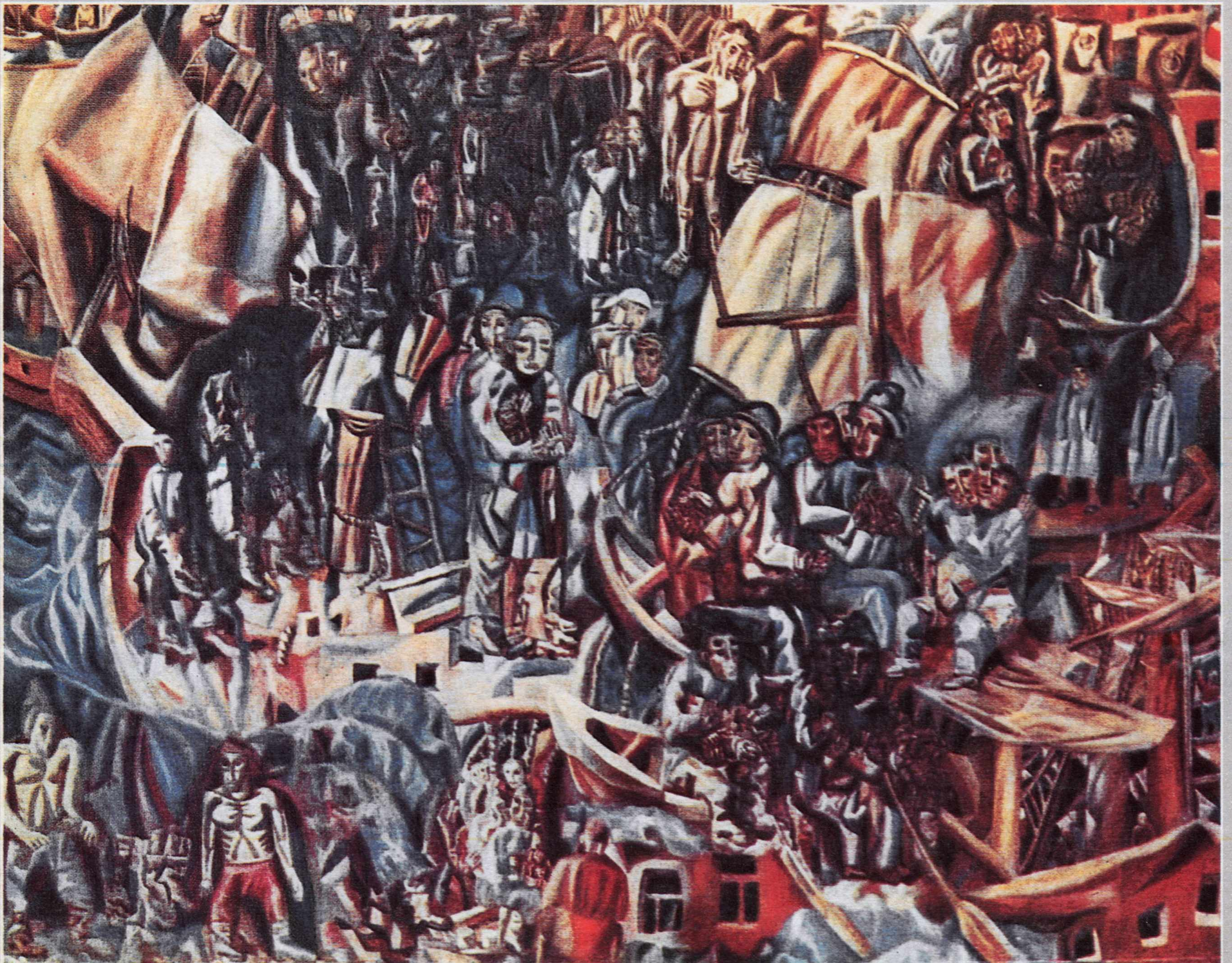
Очевидно также, что, например, формальные идеи К. Малевича, А. Родченко, К. Редько, И. Клюна и других авангардистов связаны с эстетикой технической цивилизации XX века, а также предвосхитили и определили многие находки и достижения нашей (и всемирной) архитектуры, дизайна, прикладной сферы. Впрочем, неверно видеть в экспериментах авангардизма одни лишь формальные искания. В них заложен глубокий смысл.

Как-то в нашей прессе промелькнуло очень меткое наблюдение, что у нас одновременно начинались гонения на церкви и на «левую» живопись. И то, и другое обладало большим духовным потенциалом и потому слишком уж отклонялось от грубых, во многом примитивных стереотипов культуры, уже на рубеже 20—30-х годов любезных набиравшей тогда силу административно-командной системе.

Грандиозное впечатление внушает творчество мастеров бывшего «Бубнового валета», которые вошли в объединение «Московские живописцы», а затем в «Общество московских художников». Эти мастера соединяли классические традиции и новейшие искания. Бесспорно, что они весьма почитали «музейные» традиции. П. Кончаловский даже построил свой «Автопортрет с женой» 1923 года как открытую реплику знаменитого «Автопортрета с Саскией» Рембрандта. Но Кончаловский прибегал к кубистическим деформациям («Мост в Наре», 1918), вместе с тем выражая драматическое напряжение времени.

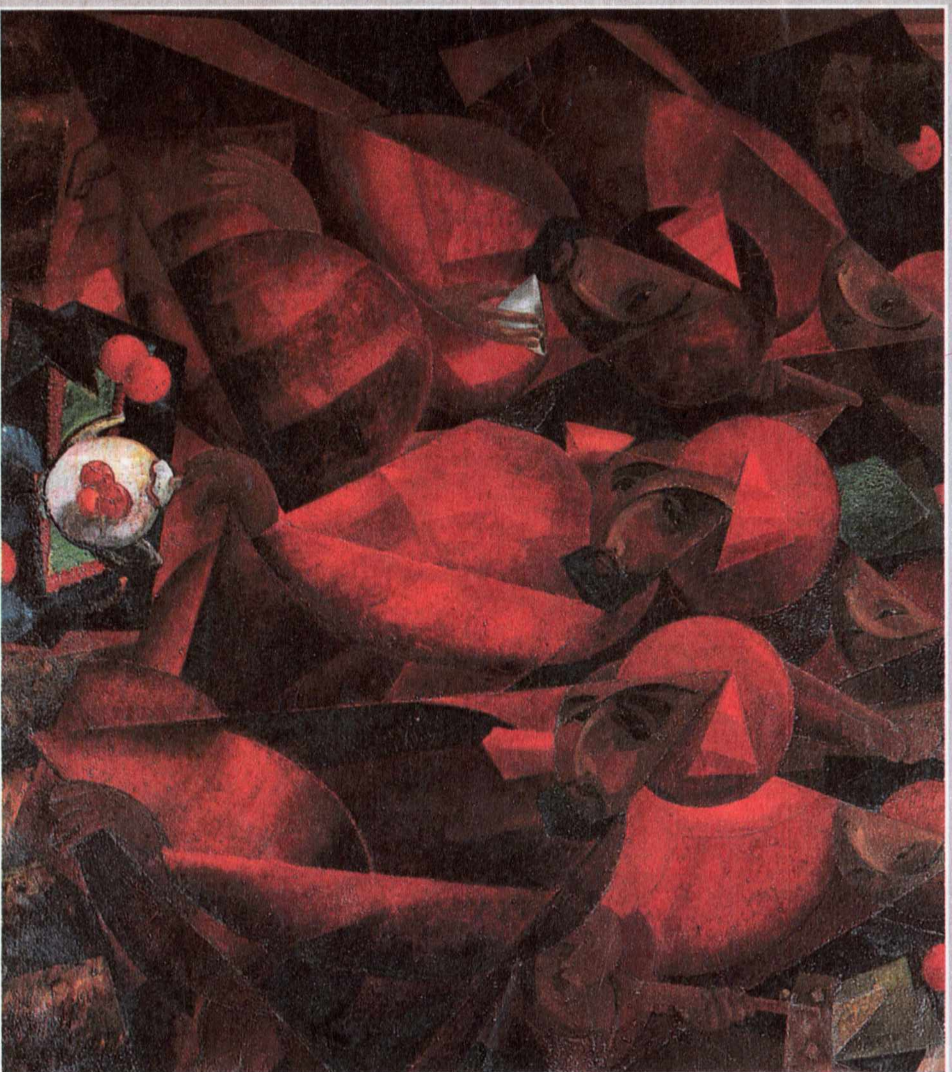
Его сотоварищ по объединению, один из гигантов русского искусства нашего века, Аристарх Лентулов, строит свои картины на контрастах могучего чувственного богатства натуры и ее смещения, потрясенности, возникшей словно бы от тектонических сдвигов («Портрет актрисы А. Хохловой», 1919; «Пейзаж с сухими деревьями, Сергиев Посад», 1920): так художник воспринимал и переживал происходившие события эпохи, их человеческий смысл. Р. Фальк от сходных концепций «бури и натиска» («Дама в красном», 1918; «Красная мебель», 1920) настойчиво идет к созданию тончайших, поражающих своей идеальной завершенностью музыкально-живописных образов («Женщина в белой повязке», 1922). Это новый виток классики, который соединен тысячами нитей с «музейными» воспоминаниями, но вместе с тем запечатлел душевную сложность и острые диссонансы восприятия жизни того времени.

П. Филонов «ЛИЦА». Из цикла «Ввод в мировой расцвет», 1919.

А. Лентулов «ПОРТРЕТ АКТРИСЫ А. ХОХЛОВОЙ», 1919.

А. Волков «ГРАНАТОВАЯ ЧАЙХАНА», 1924.

П. Кончаловский «ПОРТРЕТ О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ», 1925.

А. Родченко «КОМПОЗИЦИЯ», 1920.

К. Петров-Водкин «1918 ГОД В ПЕТРОГРАДЕ» («Петроградская мадонна»), 1920.

Н. Альтман «РОССИЯ. ТРУД», 1921.

Д. Штеренберг «АГИТАТОР», 1928.

Р. Фальк
«БУХТА В БАЛАКЛАВЕ», 1927.

Ю. Пименов «ДАЕШЬ ТЯЖЕЛУЮ ИНДУСТРИЮ», 1927.

М. Сарьян «МОЯ СЕМЬЯ», 1929.

В сущности, уже самая ранняя пора истории советского изобразительного искусства создала свою собственную классику с огромным диапазоном творческих принципов — от радикального авангардистского экспериментаторства до относительного традиционализма Н. Крымова, Н. Чернышева, С. Герасимова, А. Рылова и других выдающихся мастеров. Однако определение и трактовка этой классики не так-то просты. Трудность состоит не только в качественных оценках, но и в самом понимании исторического существа сплетения сугубо нового художественного самосознания и разнородных традиций, далеких и близких. Когда смотришь, например, на «Гранатовую чайхану» А. Волкова (1924), то, право, не знаешь, каковы главные истоки этого шедевра — русская икона или средневековая восточная миниатюра, пылающий цвет барокко или изысканный геометризм кубистов. Пожалуй, все вместе — в неожиданных сочетаниях и с еще более непредвиденным итогом. То же можно сказать и о произведениях А. Бажбеук-Меликова, К. Зефирова, А. Древина, Н. Удальцовой, А. Шевченко, А. Фонвизина... Эта новизна, сквозь которую проглядывает «хорошее старое» (как говорил Валентин Серов),— основа художественной культуры, выросшей в условиях подлинно революционной свободы духа, жадно впитывающей все лучшее прошлого и убежденно открытой современности.

Не умели мы до недавней поры это понимать и ценить! Десятилетиями нас приучали к иллюстративным схемам, к убожеству прямых пропорций между сюжетом и общим художественным итогом произведений. И в результате их подлинная суть, их образное и социальное содержание оказывались непостигнутыми. Важность произведений с острыми социально-событийными сюжетами очевидна и не требует развернутых доказательств. Но ведь свое понимание современности художник способен раскрыть и в рамках очень простых фабул и мотивов. Представленные на выставке полотна участников объединения «Четыре искусства» — П. Кузнецова, Е. Бебутовой, К. Истомина, Н. Ульянова и в особенности М. Сарьяна — доказывают это с бесспорной убедительностью. Сарьяновские «Горы» 1923 года — это же не просто характерный ландшафт Армении, но величавое зрелище разумно и прочно устроенного мира, живущего спокойно и светло. В картине того же автора «Моя семья» (1929) сочетание портретных образов, «оживающей» фотографии художника и словно выступающей из тумана прошлого древней маски создают сложную игру времен, тонких и сокровенных духовных связей. И все это выполнено дивной по красоте живописью, которая оттенками своего колорита следует за любым изменением чувства и мысли. Уже само по себе такое качество (вообще свойственное многим нашим лучшим живописцам двадцатых годов) — огромное завоевание культуры, соединяющей классические традиции с новой жизнью.

Само собой, послеоктябрьское советское искусство знало не только метафоры, но и сюжетно-прямые отклики на современность. На выставке наиболее значительно в таком плане выглядит творчество участников ОСТа (Общества станковистов). Именно они создали тогда крупнейшие по своему значению композиции на темы высокого гражданского смысла (среди них — «Оборона Петрограда» А. Дейнеки, 1928; «Даешь тяжелую индустрию» Ю. Пименова, 1927; «Октябрь» А. Лабаса, 1928; «Сакко и Ванцетти» А. Тышлера, 1928; «Агитатор» Д. Штеренберга, 1928; «Восстание» К. Редько, 1923—1925, и другие), находя при этом подлинно современный изобразительный язык, полный энергии, страсти и горячей причастности к своей эпохе. Каким огромным художественным откровением оказался, например, пронизанный тревогой и волей, напряжением и целеустремленностью ритмический строй «Обороны Петрограда»! А новаторский монтаж в «Индустрии» Ю. Пименова, где промышленная панорама с ажурными железными конструкциями и вертикалями труб (одна из первых попыток опоэтизировать новую технику) оказывается фоном для символической группы полуобнаженных рабочих.

Но выставка доказывает, что было бы примитивным штампом видеть у мастеров ОСТа только лишь социальную тематику. Они были художниками весьма широкого диапазона. И в формальном плане, скажем, С. Лучишкин представлен на выставке не только как создатель знаменитой аллегории «Шар улетел» (1926), но и как автор экспериментальной композиции «Координаты соотношения живописных масс» (1924). Подобного рода искания были и у А. Тышлера — в экспозицию включено его «Цветоформальное построение красного цвета» (1922).

Свойственно остовцам и особое, странно-загадочное восприятие жизни. Оно ощутимо в картинах-метафорах А. Тышлера, С. Никритина. Крайне существенно, что остовцы свободнее и острее, чем кто бы то ни был, находили художественные эквиваленты материальным и духовным особенностям своего времени. Иногда они поражают простотой решения сложнейшего. «Кабина аэроплана» А. Лабаса (1929) — это живописная сказка, где проекция кабины с пассажирами буквально всажена в воздушную стихию, это скорее полуфантастическое воспоминание о полете, чем его конкретная картина. Портрет Вс. Мейерхольда, написанный в 1925 году П. Вильямсом, весьма оригинально совмещает человека и время. Великий режиссер показан на фоне условно-отвлеченной пространственной среды, слегка мерцающей, как ночное небо. Профиль Мейерхольда непривычно соотнесен с кулисами фона — конструктивистские барельефы второго плана как-то странно похожи на острый облик режиссера. Они оказываются образом его сценического мира, четко завершенного и вместе с тем беспрестанно обновляющегося в своей бешеной импровизационной фантазии.

Остовцы, пожалуй, наиболее остро чувствовали свое время, они поистине оказались «во власти надвинувшейся новизны», когда «коротким сном огня и счастья все чувства преображены». Сон и в самом деле оказался коротким, но его «преображенность» поистине великолепна. Такое же чувство вызывают разбросанные по экспозиции отдельные находки третьяковцев — среди них интереснейшие работы «Самосожжение народоволки» Л. Чупятова (1928), «Митинг в проулке» Г. Траугота (конец 20-х годов) и другие. К сожалению, работы подобного типа никак не выделены экспозиционно и теряются среди иных, более «дюжинных» произведений.

Время сработало, и к таким «дюжинным» вещам сейчас поневоле относишь вялые, натурально-дотошные сценки жизни 20-х годов, выполненные живописцами, работавшими в духе академического жанра. Рядом с произведениями подлинно творческого плана они просто не смотрятся. Никто их не обидит, не уберет с музейных стен. Но попытки придать этим благонравным картинкам первенствующее значение (как это многократно делалось ранее) сейчас выглядят просто нелепостью.

Экспозиции «Советское искусство. 1917—1930» в Третьяковской галерее не хватает острых, крупных акцентов, четкости ведущих линий. Она робка и далеко не последовательна. И все же свою роль в пересмотре художественной истории нашей эпохи она сыграет. Выставка завершается 1930 годом. Позже, с отходом от ленинских времен и традиций, началась куда более трудная, противоречивая и в некоторых существенных аспектах бедственная и печальная пора для всей страны и ее искусства.

■

Сейчас часто встречаются публикации о «Памяти». В 13-м номере вашего журнала была опубликована статья М. Катыс «Тоска по Сталину или «новый авангард марксизма». Мне очень хотелось бы самому поговорить с Игорем Сергеевичем Сычевым — лидером этого движения, но я работаю в литейном цехе, у меня семья... До этого пять раз был судим. Мне, как и Сычеву, 45 лет. Русский, образование незаконченное высшее. Могу ли я через ваш журнал задать ряд вопросов борцу за национальное возрождение (так как это и мое возрождение)?

1. Игорь Сергеевич, ваши сподвижники щеголяют в солдатских сапогах и шинелях. Зачем? Чтобы нагнать жути или чтобы подчеркнуть свою мужественность? Тоска по кожаным курткам ЧК? Желание отличиться или экономия средств?

2. В углу вашей «малины» (извините за «феню») среди разных стягов есть и символика царской России. Похвально. Но вы, ссылаясь на В. И. Ленина, утверждаете, что его слова для вас святы. Вы поклоняетесь ему самому и тому, что он сверг? Мне кажется, что вы Ленина приплетаете из страха перед существующей властью.

3. Вы восхваляете Сталина. Вас бы на особый режим, где еще живы старые зеки, там бы вам объяснили, как он боролся за построение социализма. И скорее всего объяснили бы вручную. Объяснили бы те же самые русские, за чье возрождение вы боретесь.

4. Вы утверждаете, что в наш «социалистический рай» въехали иноверцы. Опять, милый, с властью заигрываете? Может, потому вас и не трогают?

5. «Как сыны и дочери нашего Отечества, вы должны думать о русском народе?» Почему же нет ваших представителей в литейных и кузнечных цехах, на шахтах и в полуголодных колхозах? Вы предпочитаете напускать туман в головы молодых людей, а вот это и есть зло.

6. Цитирую вас: «Не пристало народам Прибалтики оставлять в беде великий русский народ». Ждете латышских стрелков? Или опять и нашим, и вашим?

7. Вы против евреев. А что, ребенок виноват, от кого он родился? Да и какая разница, кто человек по национальности, лишь бы другим была польза от его жизни. Это ведь истина.

8. Дорогой Игорь Сергеевич, кого вы называете врагами? Людей других национальностей? Несерьезно, вы ведь отлично знаете, почему нет мяса, сахара и многого другого. Может быть, вы все это за спецпаек и за дачку на берегу тихой речки, как многие русские?

А если говорить серьезно, мой совет: берите землю, производите мясо, масло и кормите русских детей, брошенных русскими матерями. Отдай последнее ближнему своему. Это будет по-русски. А то все слова, слова...

ПОТАПОВ
Кольчугино Владимирской обл.

■

9 мая мы отметили 45-летие Победы. Работающих ветеранов поздравили по месту работы. А остальные, неработающие ветераны? Исполком, Совет ветеранов, очевидно, живут прежними нормами и ждут указаний из горкома? Ветеранов не поздравили даже открыткой.

Очень печально. Ветераны оскорблены и унижены. Крылатая фраза «Никто не забыт, ничто не забыто» звучит для них как насмешка. Сейчас мы много говорим о памяти к нашему прошлому. На деле же — безразличие, бездушие, полное забвение тех, кому мы обязаны жизнью. Милосердие, благодарность, память — это только красивые слова.

Э. БЕЛОДЕДЕНКО
врач, ветеран ВОВ
г. Щелково Московской обл.

■

Высылаю вам поздравление и приглашение к празднику 45-летия Победы Герою Советского Союза Бочкареву П. В.

Все вроде бы в норме, только тов. Бочкарев П. В. умер в 1982 году, о чем отцам города надо было бы знать.

В. ЛУЧКАЕВ
Пенза

Уважаемый Петр Васильевич! Бочкарев

Пензенский горком КПСС, городской Совет народных депутатов и его исполком сердечно поздравляют Вас со знаменательной датой — 45-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Примите от коммунистов, трудящихся города Пензы искреннюю благодарность за Ваш боевой и трудовой подвиг. Низкий земной поклон Вам.

Желаем Вам доброго здоровья, большого личного счастья, мира и благополучия.

Секретарь горкома КПСС, председатель городского Совета народных депутатов
САЗАНОВ

Председатель горисполкома
Н. АНТИПОВ
умер 1982 г.

г. Пенза, май 1990 г.

Продолжаем публикацию глав из книги А. Авторханова «Сила и бессилие Брежнева» (начало см. «Огонек», № 25). Текст печатается с сокращениями, согласованными с автором.

В книге А. Авторханова, написанной в 70-е годы, предпринята, по существу, первая попытка серьезного политологического исследования эпохи Брежнева. Надо полагать, нынешние и будущие историки сумеют дополнить, а быть может, и скорректировать некоторые содержащиеся в ней факты, положения и гипотезы.

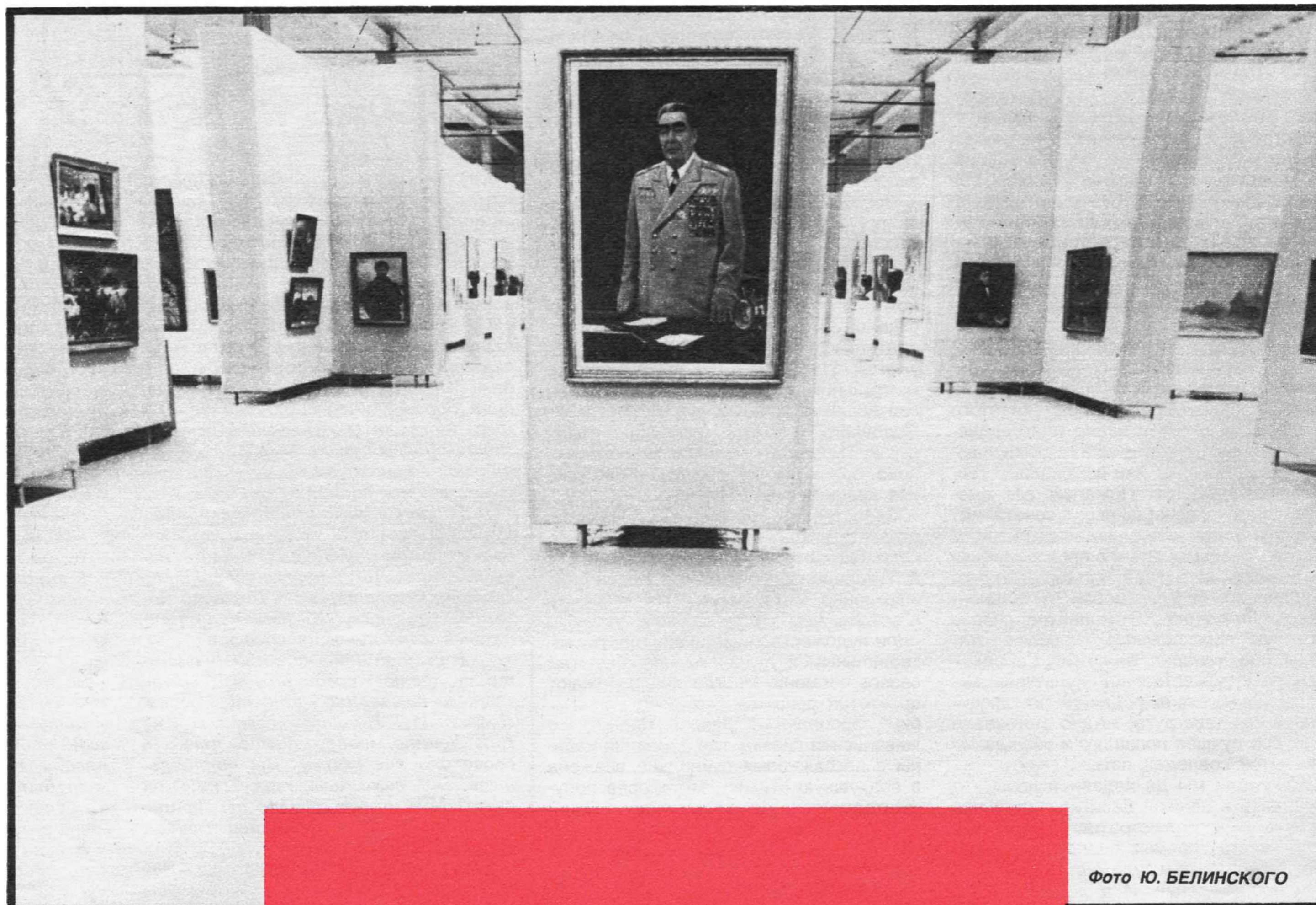

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО

А. АВТОРХАНОВ

БРЕЖНЕВ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Свой исторический очерк «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс начинает следующими знаменательными словами: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Эти слова Маркса невольно вклиниваются в сознание, когда задумываешься над перманентными политическими спектаклями на кремлевской сцене по фабрикации нового культа Брежнева. Эти спектакли, разыгрываемые актерами невероятной духовной пустоты и редкой творческой импотенции, выдаются за «исторические события», чтобы самого главного актера объявить великой «исторической личностью». Поскольку канонизированный идол поклонения у них у всех «культ культов» — Ленин,— то каждый его очередной наследник начинает с того, что объявляет самого себя «Лениным сегодня»...

Партаппаратчики рекламируют своих очередных вождей по тем же принципам, что и коммерческий делец свои небезупречные товары,— поэтому они в рекламах куда лучше, чем в натуре. Партийный торгаш учитывает при этом не только конъюнктуру политического рынка, но и спрос партийного потребителя. Сегодняшней партии нужны не Сталины-головорезы или Хрущевы-головотяпы. Партии нужен новый тип вождя — достаточно партийный, чтобы стоять на страже ее интересов; достаточно военный, чтобы не сдерживать прожорливость военной машины; достаточно полицейский, чтобы понимать, на чем держится режим. Сочетание этих трех действительно ведущих и направляющих сил советского государства — партии, армии и полиции — представляет собой нынешний генсек. В этом сила и бессилие Брежнева. Любые догадки, что новый культ уже поставил себя над этими тремя силами, лишены всякого основания. Для этого он не наделен ни железной волей Сталина, ни беспечным «волюнтаризмом» Хрущева. Брежнев — расчетливый «инженер партийных душ» и трезвый комбинатор сил власти. В то же время он из уроков истории великолепно усвоил, что на кремлевском Олимпе может удержаться лишь тот, кто не противопоставляет себя любой из названных трех сил. Он не повелитель их, как Сталин, он их слуга. В этом его и сила, и слабость одновременно. Но иным он и быть не может, ибо сделан из другого материала. В отличие от своих предшественников он мещанин на вершине власти. Поэтому он не водит, а им водят, играя на его мещанских вкусах. Однако Боже упаси, чтобы об этом узнал народ. Поэтому партаппарат ему создает характеристику, в которой генсек едва ли узнает самого себя, но зато народ должен видеть, что наконец в Кремле восседает вождь, наделенный всеми теплыми человеческими качествами, да еще и влюбленный в само человечество...

Чтобы связать родословную нового культа непосредственно с первоисточником — Лениным, из истории революции и страны вычеркиваются не только имена подлинных организаторов революции и гражданской войны, но и имена основоположников нынешнего военно-полицейского социализма с его тридцатилетней тиранией, вычеркивается последующее десятилетие интенсивного разоблачения преступлений этой тирании самой же партией. В образовавшуюся пустоту вводят новый культ — так родилась новая формула: «Брежнев — продолжатель дела Ленина». Прямая линия от Октября и Ленина к Брежневу и его «конституции». По величию своему Брежнев нисколько не уступает Ленину. Оптически это было продемонстрировано 7 ноября 1977 г. на Красной площади — два портрета «двух Ильичей» не только красовались рядом, но они были — в нарушение традиции — скроены на один лад и размер, чтобы обыватель воочию убедился, что «исторические личности появляются дважды».

Николай I говорил, что Россией управляет не император, а столоначальники. Брежнев и есть классический тип партийного столоначальника, который доплелся до императорского трона. Но, добравшись до трона, он обеими руками вцепился в него. Чтобы понять Ленина, надо читать Маккиавелли, Ницше, Бланки, Маркса и даже Нечаева и Ткачева, но чтобы понять психологию партийных столоначальников, надо читать только казенные инструкции и «Табели о рангах». Брежневское поколение ползло к верховному штабу советской империи — к Кремлю — через миллионы трупов своих соотечественников, соблюдая инструкции, соревнуясь в рангах, чинах и получении орденов. Их интересовали не социальные идеалы, пусть даже коммунистические, а только социальное положение, не государственная философия — марксистская или антимарксистская,— а та не всегда надежная лестница, карабкаясь по которой можно было добраться до вершины государства. Конечно, они рисковали. «Хозяин» был странный, строгий и не всегда разборчивый. Честнейшее холуйство он иногда принимал за коварство, щедрость в похвалах — за нечистоту совести, а если кто переусердствовал в борьбе за «генеральную линию», — обвинял его в «перегибах». В этих условиях до вершины власти добирался не всякий человек, а только такие чиновники, которые внушили и себе, и окружающим, и самому Сталину, что они и есть искомые Сталиным «винтики» для его государственной машины. Но все-таки добраться до Сталина было легче, чем удержаться около него. Мастер читать душу человека по его глазам, Сталин грубо сортировал своих окружающих — на преданных холуев, которых надо использовать, и на мнящих себя «мозгом партии», которых надо уничтожить. Поэтому амбициозные Вознесенские и Кузнецовы клали голову на плаху чекистов, а раболепные Брежневы и Сусловы занимали их кресла в Кремле. До Кремля Брежнев добрался более или менее случайно, так, по стечению обстоятельств. Окончив в 1927 г. землеустроительно-мелиоративный техникум, он начинает карьеру среднего специалиста сельского хозяйства. По словам его советских биографов, Брежнев проводит эти годы на должностях чиновника земельных отделов в Белоруссии, в Курской области и на Урале. Но удивительный факт — Брежнев добирается до должности первого заместителя начальника Уральского областного земельного управления, а в партию не вступает. В это

время в партии развертывается отчаянная борьба между сталинцами и троцкистами, между сталинцами и зиновьевцами, между сталинцами и бухаринцами, а «потомственный пролетарий» Леонид Брежнев стоит в стороне. Коммунисты ведут в деревне «ожесточенную классовую борьбу», коллективизируют сельское хозяйство, ликвидируют «кулачество», а вот «потомственный пролетарий», землемер Брежнев все еще стоит в стороне, не вступает в партию, наблюдает, выжидает, хотя уже по тогдашнему своему рангу руководящего чиновника земельного отдела он должен был бы вступить в партию. Но скоро Брежнев узнал, что замзав земельным отделом — это уже потолок карьеры для беспартийного специалиста. Хочешь наверх — вступай в партию.

В комсомол вступали по Уставу в возрасте 14 лет и оттуда переходили в партию в возрасте 18 лет. Брежнев вступил в комсомол в 1923 г., когда ему было 17 лет, механически выбыл оттуда в возрасте 23 лет, но в партию так и не вступил. Только в 1931 г., в возрасте 25 лет, он приобрел партбилет, когда, вероятно, окончательно убедился, что партбилет и есть единственная возможность делать карьеру. Чтобы начать такую карьеру, он, специалист сельского хозяйства, в разгаре коллективизации бросает бесперспективную деревню, переезжает в свой родной Днепродзержинск и меняет профессию. Теперь он решил попробовать карьеру в городе, для чего поступает в металлургический институт и записывается в партию.

Впрочем, легенда о «потомственном пролетарии» Леониде Брежневе была сочинена задним числом, когда он стал генсеком. Даже из его подправленной и подчищенной казенной биографии явствует, что Брежнев никогда не был на физической работе; более того, рабочим не был и его отец Илья, ибо иначе совершенно непонятно, почему Леонид Брежнев был принят в партию как служащий, что можно доказать документально. Брежнев вступил в кандидаты партии в 1929 году. По действующему тогда Уставу было установлено три категории по сроку пребывания в кандидатах: первая категория — рабочие, шесть месяцев; вторая категория — крестьяне, один год; третья категория — служащие, два года («КПСС в резолюциях», 1953, ч. 1., стр. 124). Причем социальное положение молодых людей, вступающих в кандидаты партии, приравнивалось к социальному положению их родителей. А Брежнев находился в кандидатах целых два года — с 1929 по 1931 г. («Л. И. Брежнев. Биографический очерк», 1976, стр. 7). Это доказывает, что ни сам Леонид, ни его отец Илья, не были рабочими, а были служащими. В этом, конечно, нет ничего худого, но характерна сама эта фальсификация биографии генсека. Еще один маленький штрих в этой связи. Биографы сообщают, что Леонид Брежнев учился до революции в гимназии, а его отец был в Каменском чернорабочим, как будто чернорабочие (по-советски: разнорабочие) могли себе позволить держать детей в гимназиях, в которых, как правило, обучались дети состоятельных родителей.

Даже получив партбилет и окончив институт, Брежнев не сделал бы сколько-нибудь большой карьеры и в городе, если бы не инквизиция Сталина тридцатых годов. Когда Сталин начал косить старые большевистские кадры партии и государства, в аппарате власти образовался большой вакуум. Его тогда заполняли теми, кто активно помогал Сталину и чекистам разоблачать «врагов народа». Вот через трупы этих старых большевиков-ленинцев и пришло к власти поколение «продолжателя дела Ленина» — Брежнева. В 1939 г. он стал — по выдвижению Хрущева — рядовым секретарем Днепропетровского обкома партии. По протекции его бывшего начальника на фронте — Мехлиса — и по предложению того же Хрущева Сталин его сделал в 1952 г., после XIX съезда, секретарем ЦК КПСС и кандидатом в члены Президиума ЦК. После смерти Сталина его вывели из Секретариата и из Президиума ЦК, но цепкий, изворотливый, целеустремленный, терпеливый Брежнев оказался выдающимся мастером делания карьеры. Только года три он находится в «опале»: сначала на посту заместителя начальника Главного политического управления армии, а потом — секретаря ЦК Казахстана. После XX съезда Хрущев уже третий раз оказывает ему покровительство: забирает его в Москву, делает вновь секретарем ЦК КПСС и вводит в состав Президиума ЦК. На этом посту мы увидели два его новых качества, унаследованных у Сталина: затаенную хитрость и невероятное вероломство. 13 октября 1964 года он возглавил заговор против своего покровителя Хрущева и занял его пост. С морально-этической точки зрения это была черная неблагодарность, но с точки зрения имманентных законов политической игры Брежнев продемонстрировал качества, нужные успешному политику: «волю к власти» и иммунитет против угрызений совести. Но, кажется, он не свободен от комплекса неполноценности, хотя бы потому, что занял кресло, в котором сидели такие яркие личности, как Сталин и Хрущев. Он старается освободиться от этого комплекса имитацией образа великого государственного мужа советской эпохи, но делает это неуклюже. Лишенный политической фантазии, он копирует давно отжившую старину с ее мертвыми догмами и обветшалыми лозунгами. Духовную убогость своего правления он силится заслонить внешней помпезностью. Появляясь перед общественностью, он теряет естественность, рисуется, надувается, стараясь принять величественную позу, но так как в отличие от Сталина и Хрущева он плохой актер, то получается не поза властелина, а пародия на нее. Составленные за него аппаратом серые, скучные доклады, лишенные какой-либо политической оригинальности, войдут в историю как памятник бездарности всей его эпохи. Все унижения, которым он подвергался раньше, на путях к трону, он словно переносит на тех, кто теперь из низов рвется к власти, особенно на молодых, ибо выдвигает он только стариков. Все вожделенные награды, в которых ему раньше отказывали, он берет сейчас с избытком, все высшие чины и ранги, которые только может дать государство, он принимает без малейшего проявления хотя бы внешней скромности. Почти всю войну он прошел в качестве политического комиссара в ранге полковника, сейчас, перескочив через все промежуточные ранги, он Маршал Советского Союза; в войну он получил скромное число орденов, приличествующих его чину, сейчас на его маршальском мундире нет свободного места для новых орденов. Через тридцать лет после окончания войны он объявлен Героем Советского Союза за подвиги в этой войне, о которых никто ничего не знает, заодно он объявлен Героем Социалистического Труда за выполнение хозяйственных планов, которые при нем, как правило, выполняются лишь после занижения. Юридически он получил больше власти, чем Сталин. Он Генеральный секретарь ЦК партии, он председатель Политбюро, он Председатель Президиума Верховного Совета, он Председатель всесильного Совета обороны... Вдобавок ко всему еще и Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами СССР. Чувствуется, что он буквально любуется собой и смакует свое столь стремительное восхождение...

Перерождение режима революционеров в режим бюрократов, которое предвидел еще Ленин, нашло свое триумфальное завершение именно в Брежневе. Советское государство превратилось в гигантскую машину советской самоуправляющейся бюрократии.

СУСЛОВ: ГРОССМЕЙСТЕР ПАРТИЙНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Вообще скромный, Суслов однажды выразился о себе очень нескромно: стоит мне кашлянуть в Кремле, сказал он, как весь западный мир приходит в движение и начинает гадать о моем здоровье. Суслов, видно, очень плохо информирован об интересе западного мира к нему. Вернее будет сказать, что на Западе незаслуженно мало интересуются его личностью и поэтому мало что знают о его действительной роли на вершине Кремля. Роль эта не только выдающаяся, но во многих отношениях и исключительная. Если бы, скажем, с Брежневым, или Косыгиным, или обоими, вместе взятыми, случилось несчастье, то Политбюро их легко заменило бы другими такими же рутинными фигурами, но выйди из строя Суслов — это может вызвать кризис всего идеологического руководства.

В большой армии советских идеологов Суслов не знает эквивалентной замены. Речь идет вовсе не об эрудиции ученого-марксиста или о теоретическом таланте Суслова. Ни тем, ни другим он не блещет. На вершине Кремля этого даже и не требуется. Хуже того: наличие таких качеств уже само по себе вызывает настороженность, подозрительность мастеров власти — партаппаратчиков. Если взять только классические примеры,— Бухарин и Шепилов погибли, кроме всего прочего, из-за своего марксистского интеллектуального превосходства над партаппаратом. Партаппарату нужны не ученые эрудиты марксистско-ленинской теории, а прагматические интерпретаторы его генеральной линии на сегодняшний день. Задача таких интерпретаторов только одна, идеологическое обоснование практики партийной машины власти. Для этого вовсе не требуется углубление в дебри «Капитала» Маркса и «Империализма» Ленина, но обязательно требуется овладение техникой власти и властвования. Нужен шеф идеологии. Вот здесь талант Суслова развернулся вовсю.

Он вступил в партию (1921) на десять лет раньше Брежнева (1931), хотя старше него только на четыре года. То были времена, когда Ленин и Троцкий, победив своих врагов в гражданской войне и жестоко подавив Кронштадтское восстание (1921) тех самых матросов, которые произвели октябрьский переворот, окончательно укрепились в седле власти. Дорога к этой власти, как и ко всякой карьере, отныне шла через коммунистическую партию. Поэтому партия росла очень быстро, настолько быстро, что Ленин в своей знаменитой книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» начал бить отбой. Он писал: «Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать». (Заметим, что тогда в партии было лишь около 600 000 человек. Что сказал бы Ленин сегодня, когда в ней насчитывается 14 000 000 человек, из которых половина чиновники и карьеристы разных рангов?)

Ленин писал это в 1920 году, а Суслов вступил в партию в 1921 г. Если его цель была та «карьера», за которую Ленин хотел расстреливать, то Суслов

в ней преуспел как никто другой из его окружения. Когда Суслов вступил в партию, Сталин еще не был генеральным секретарем... На XX съезде Хрущев заметил, что, когда жил Ленин, имя Сталина слышал, может быть, только один процент делегатов съезда (заметим, что 6,1% этого съезда вступили в партию до 1921 года, а 24,9% — с 1921 по 1930 г.).

Из биографии Суслова известно, что он был в числе этого одного процента. Более того. Он принадлежал как раз к той группе коммунистов, которая не только нашла в Сталине своего кумира, но и разгадала в нем преемника Ленина. Отсюда его активное участие на стороне Сталина в борьбе с троцкистской (1923—1924), а потом с зиновьевской (1925) и, наконец, с бухаринской (1929) оппозицией. Это открывает ему двери туда, куда он стремился с самого начала,— к элите партии.

Этому способствует и выдающаяся академическая карьера. Суслов в 1928 г. успешно оканчивает Институт народного хозяйства им. Плеханова, а потом поступает в Институт красной профессуры. Это означает и формально, что Суслов становится номенклатурным работником ЦК в резерве его высших идеологических кадров...

В то же время сам Суслов ведет преподавательскую работу в Московской промышленной академии им. Сталина. Среди студентов академии оказались такие важные лица, как жена Сталина Аллилуева и будущий преемник Сталина — Хрущев. Эти студенты тоже сыграют свою роль в будущей карьере Суслова. Его учеба в Институте красной профессуры совпадает с началом борьбы Сталина против его соперников в Политбюро — против группы Бухарина, Рыкова и Томского. В области теории Институт считался вотчиной Бухарина, отданной ему благодарным Сталиным за помощь в борьбе с троцкистами и зиновьевцами. Но теперь, когда дошла очередь и до самого Бухарина, ЦК был озабочен, как бы этот идеологический резерв партии не стал на сторону своего владыки и учителя. В том, что этого не случилось, была заслуга не аппарата ЦК, а весьма маленькой, но очень крикливой, агрессивной и малоразборчивой (в выборе средств и цитат) группы красных профессоров: Суслова, Юдина, Митина, Поспелова, Панкратовой, Константинова, Мехлиса. Все они сделались потом членами ЦК.

О характере услуг, которые коммунист оказал партии, можно судить всегда по тому, какой пост он получает. Первый руководящий пост Суслова был партийно-полицейский — он был назначен в 1931 году инспектором Центральной контрольной комиссии. Эта комиссия внутри партии играла при Сталине ту же роль, что НКВД в масштабе государства. Все партийные оппозиционеры или просто подозреваемые в инакомыслии, прежде чем попасть в застенки НКВД и концлагеря Сибири, проходили сначала через это «чистилище». Через контрольную комиссию прошла и вся ленинская гвардия — «троцкисты», «зиновьевцы», «правые оппортунисты», «национал-уклонисты».

Суслов, который вступил в партию после победы этих старых большевиков в революции и в гражданской войне, сделался судьей над ними. Официальный биограф Суслова считает его самой большой заслугой в прошлом, во-первых, активное участие в уничтожении ленинской гвардии в центре, а во-вторых, не менее активное участие в проведении партийных чисток на местах. После XX съезда уже не модно подчеркивать подобные «заслуги», но роль Суслова в чистках была настолько яркой и выдающейся, что в биографии говорится: «М. А. Суслов активно участвовал в борьбе против троцкистской оппозиции в партии, против зиновьевцев, а также против правооппортунистич. элементов... В 1933 и 1934 гг. выполняет ответственную работу в Уральской и Черниговской областных комиссиях по чистке партии» (БСЭ, т. 41, 1956, стр. 320).

Впоследствии (1934) ЦКК была реорганизована в Комитет партийного контроля при ЦК, но как его функции, так и роль в нем Суслова остались неизменными.

Готовясь к установлению личной власти, Сталин решил объединить должности секретаря ЦК, председателя Комитета партийного контроля при ЦК и наркома внутренних дел СССР в лице одного из своих помощников — так появился на сцене пресловутый Ежов. Под непосредственным руководством Ежова Суслов участвует в самой грандиозной операции коммунистического режима, известной на Западе под названием «Великая чистка», а в СССР под названием «ежовщины».

К концу ежовщины (продолженной Берия с ноября 1938 г.) Суслова сначала назначили секретарем Ростовского обкома (1937 г.), а потом секретарем Ставропольского крайкома партии (1939 г.). В 1939 году его избирают членом Центральной ревизионной комиссии партии, а в 1941 году членом ЦК партии. Вот с тех пор Суслов беспрерывно входит в состав ЦК, который Сталин назвал «ареопагом» партии.

Во время второй мировой войны Суслов, продолжая быть секретарем крайкома партии, входил в состав Военного совета Северокавказского фронта, где он депортировал кавказские народы.

К концу войны Сталин послал Суслова как чрезвычайного уполномоченного ЦК чистить Прибалтийский край, а собираясь организовать вторую «Великую чистку», в 1946 году отозвал его работать в ЦК и в 1947 году назначил секретарем ЦК.

Идеологический поход 1946—1948 гг. против «космополитов» и «низкопоклонников», с его явно обнаженным острием антисемитизма, многие незаслуженно приписывали только одному Жданову, тогда как он был совместной работой обоих. Последующие события лишь подтверждают это.

* * *

Когда Жданов умер (1948), весь идеологический аппарат ЦК сосредоточился в руках одного Суслова, и рамки самого похода значительно расширились: от похода в области литературы и искусства ЦК переходит к походу во всех общественных науках, отчасти даже к походу в области специальных наук,— в языкознании (против учеников Марра), в физиологии (против учеников Павлова), в генетике (против классических школ в пользу Лысенко).

Однако самая главная «дискуссия», призванная составить как бы увертюру к новой кровавой драме — к очередной «Великой чистке»,— проводится закрыто под руководством Суслова и при заочном участии Сталина. ЦК созывает в ноябре 1951 года закрытое собрание всех руководящих теоретиков партии в политэкономии и предлагает им осудить книгу члена Политбюро председателя Госплана СССР Вознесенского, посвященную экономике СССР во второй мировой войне. Участники собрания знают, что они должны осудить книгу Вознесенского, но они не знают, за что. Зато всем хорошо известно другое — сам Сталин редактировал книгу Вознесенского. Вознесенский за нее получил Сталинскую премию первой степени и журнал «Большевик» (теперь «Коммунист») ее похвалил как самое выдающееся произведение верного ученика Сталина. Поэтому «дискуссия» носит абстрактный характер. Собрание ждет, как обычно в таких случаях, выступления члена Политбюро Вознесенского с раскаянием. Оно не знает, что Вознесенский не может выступить,— уже год, как Сталин его расстрелял.

Материалы этой «экономической дискуссии» не были опубликованы. Только два документа, касавшиеся ее, увидели свет через год — брошюра «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталина в октябре 1952 года и статья Суслова против Вознесенского и его друга Федосеева в декабре того же года. Суслов писал в «Правде», что журнал «Большевик», когда его главным редактором был Федосеев, «на протяжении нескольких лет... не разоблачил субъективной концепции в области политической экономии...»

Суслов напомнил Федосееву, что он был снят по постановлению ЦК со своей должности с объявлением выговора именно из-за рекламирования им Вознесенского. Суслов писал, что теперь Федосеев хвалит направленное против идей Вознесенского «классическое произведение Сталина» «Экономические проблемы социализма в СССР», не говоря ничего о своей прежней ошибочной защите Вознесенского. Статья кончалась роковым вопросом: «Не хитрит ли автор, восхваляя Сталина?» (Интересно, что тот же Федосеев милостью Суслова теперь член ЦК КПСС и директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

На статье Суслова явно чувствуется редакторская рука Сталина. К тому же между двумя статьями органическая связь — Сталин дает общие установки по разоблачению врагов его экономической политики (иначе говоря, Сталин выступал против того, что сейчас проводится как «экономическая реформа»), а Суслов заостряет вопрос о бдительности по отношению к врагам сталинской генеральной линии.

Очень важной вехой в биографии Суслова был последний съезд партии при жизни Сталина — XIX съезд (октябрь 1952 г.). На этом съезде Сталин мог убедиться, что в лице Суслова он имеет не только талантливого исполнителя, но и выдающегося интерпретатора его еще не сформулированной стратегии на будущее.

Свою речь на XIX съезде Суслов посвятил разоблачению врагов сталинской линии партии в идеологии. Пожалуй, это была самая квалифицированная речь на данную тему на съезде. Гроссмейстер партийной идеологии великолепно понял, что его главная задача — не творческое развитие марксистско-ленинской теории (это вздумал сделать наивный Вознесенский, за что и погиб), а, засвидетельствовав монополию Сталина на этот счет, обнародовать с трибуны съезда, что чистки — были, будут и есть — органический закон политического развития СССР. Причем Суслов намеренно избегает употреблять слово «чистка», но он доказывает, что чистка не выдумка Сталина (как многие втайне думали).

И в этом отношении Сталин ведет партию по ленинскому пути.

Суслов сказал: «Партия Ленина — Сталина вписала новые золотые страницы в летопись всей истории человечества — нашу партию и весь советский народ с несокрушимой волею и величайшею мудростью ведет вперед по ленинскому пути гений человечества, любимый вождь и учитель, товарищ Сталин»; Суслов разъяснил, что вся деятельность партии «и впредь должна быть направлена своим острием на беспощадную борьбу с реакционной буржуазной идеологией и ее проникновением в нашу науку, литературу и искусство... против лиц, раболепствующих перед буржуазной реакционной культурой и капиталистическим образом жизни, против националистических и космополитических извращений... против аполитичности в литературе, искусстве и науке» («Правда», 13.10.52).

Суслов закончил речь сообщением, что: «изданы 13 томов Сочинений Сталина, представляющие неиссякаемую сокровищницу творческой марксистско-ленинской мысли... Трудно назвать такую отрасль науки, культуры и искусства, такой участок идеологического фронта, где бы не ощущалась вдохновляющая и направляющая роль нашего великого вождя и учителя и благотворное влияние его гениальных идей».

Сталин редко ошибался в подборе своих ближайших помощников. Он их ценил не по тому, что они говорят о нем, а по тому, как и насколько данный помощник способен умножить его власть. Одна болтовня «о гении Сталина», не подкрепленная практическими действиями в пользу укрепления сталинской власти, не только была недостаточна, но порою даже опасна. Таких людей Сталин либо подозревал в «двурушничестве» с целью сделать карьеру, либо называл их «честными болтунами» и нещадно снимал с постов. Слушая речь Суслова на XIX съезде, Сталин хорошо знал, что Суслов не принадлежит к этим категориям. И благодарный Сталин вознаградил его: на этом съезде Суслов был впервые избран в члены Президиума ЦК и переизбран в Секретариат ЦК.

Можно полагать, что только два человека из состава этого Президиума ЦК были по необходимости посвящены Сталиным в его планы организации второй «Великой чистки» — начальник политической полиции Игнатьев и начальник идеологии Суслов.

Правда, есть основания считать, что они ему изменили еще при его жизни, выдав эти планы другим членам Президиума. Но пока они приступают к их выполнению: 13 января 1953 года все газеты сообщают об аресте группы врачей Кремля. Их обвиняют во вредительском лечении и умерщвлении членов Политбюро Жданова и Щербакова и в подготовке убийства маршалов Василевского и Говорова, адмирала Левченко, генерала Штеменко.

Во всей советской прессе и радио под руководством Суслова начинается самая широкая кампания по повышению «революционной бдительности» для разоблачения новых «врагов народа». Кампания ведется точь-в-точь по рецептам 1937 года. Приемы и методы те же. Даже первые аресты повторяют практику тридцатых годов. И тогда тоже, чтобы арестовать членов Политбюро и правительства, Сталин арестовал сначала кремлевских врачей (профессоров Плетнева и Левина), которых путем физических пыток вынуждали к показаниям против их высокопоставленных пациентов.

Так было и сейчас. Из доклада Хрущева на XX съезде мы уже знаем, что Сталин решил начать новую чистку с уничтожения старых членов Политбюро, опираясь на его «молодых», «малоопытных» членов. Среди последних главную роль, как сказано, Сталин отводил — по линии тайной полиции — Игнатьеву, а по линии идеологического обоснования новой чистки — Суслову. В разгар кампании Сталин умер (5 марта 1953 г.). Через день все «молодые» и «малоопытные» члены Президиума ЦК были изгнаны оттуда, в том числе Игнатьев и Суслов.

Но Президиум вознаграждает измену Суслова и Игнатьева. Так, Суслов остается в Секретариате ЦК, а Игнатьев (отдавший свой пост Берия) тоже вводится в его состав (между прочим, тогда же из Секретариата и из кандидатов Президиума ЦК были исключены двое других, «малоопытных» — Брежнев и Косыгин!).

Через года два Суслов вновь вводится в состав членов Президиума ЦК. Тогда никто не мог догадаться, что Хрущев предназначает ему ровно через год такую роль, которую в свете биографии Суслова нужно признать противоестественной. Суть роли — Хрущев разоблачит Сталина политически, Суслов должен обосновать это разоблачение теоретически.

Сегодня уже ясно, что инициатива разоблачения культа личности Сталина и формулировки новых теоретических положений в тактике и стратегии коммунизма принадлежали не всему «коллективному руководству» — Президиуму ЦК, а только «тройке» из его среды — Хрущеву, Микояну и Суслову.

XX съезду были представлены в этой связи два документа: Отчетный доклад ЦК и доклад «О культе личности». В отчетный доклад был включен целый раздел по ревизии старой тактики и стратегии ленинизма, а доклад

о культе личности не только разоблачал террористическую практику Сталина, но и обосновывал тезис об антимарксистской сущности всякого культа личности ссылками на Маркса, Энгельса, Ленина. В обоих докладах, таким образом, пересматривали не только то, что до сих пор было строжайшим табу, но преподносили еще новые идеи, которые находились в противоречии с ведущими догматами ленинизма.

Преподнести такие «еретические» документы такому догматическому собранию, как съезд КПСС, было весьма рискованно. Здесь требовалась смелость, не считающаяся с последствиями. Что такую смелость проявил Хрущев, не вызывает особого удивления, но удивление вызывает и все еще остается политико-психологической загадкой здесь роль Суслова.

Эта роль его совершенно не оценена. Шумный, вездесущий, «всезнающий» Хрущев заслонил его настолько, что Суслова начали по-прежнему величать неисправимым догматиком. Между тем автором ревизии ленинизма и теоретического обоснования разоблачения культа Сталина был именно Суслов. Волевой политик, но совершенно беспомощный в теории, Хрущев читал на XX съезде только то, что ему писал Суслов по части теории. Трагедия Хрущева собственно и обозначилась с тех пор, как он самовольно, а потому и неквалифицированно начал отходить от строгой схемы, заданной ему Сусловым. В вопросах сталинизма эта схема была хотя и не очень логичной, но целеустремленной: не было единого Сталина, а было два Сталина: один Сталин до 1934 года — ортодоксальный и верный ленинец как на практике, так и в теории; другой Сталин — после 1934 года, ошибающийся в теории и допускающий «извращения» на практике, но и этот Сталин не преступник, а ошибающийся ленинец. Поэтому Сталин может лежать рядом с Лениным в Мавзолее и город на Волге по-прежнему может называться Сталинградом.

Когда Хрущев на XXII съезде (1961) отошел от этой схемы и объявил Сталина грешником во все времена, Суслов записал ему это в минусы (что и доказывает брежневская частичная реабилитация Сталина). Пока Хрущев держался заданной схемы, Суслов не только его поддерживал, но и оказывал ему хорошую пропагандную поддержку. Многие, часто хаотические, реформы Хрущева, порою противоречащие духу самой системы, идеологическая лаборатория Суслова выдавала за дальнейшее развитие ленинизма. Однако роль Суслова после XX съезда, хотя и очень важная, не была все же решающей, пока не произошло событие, сделавшее его арбитром всего Президиума ЦК.

18 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС постановил снять Хрущева с поста первого секретаря ЦК. Но Суслов и Микоян, хорошо зная, что речь идет о судьбе всей «тройки» инициаторов разоблачения Сталина на XX съезде, решительно воспротивились такому постановлению. Вместе с Хрущевым они созвали экстренный Пленум ЦК (22—29 июня 1957), на котором с докладом о сущности разногласий между Хрущевым и группой Молотова выступил Суслов. «Нейтральный» арбитр Суслов так искусно повел дело, что легко доказал правоту Хрущева и заблуждения молотовцев. Старые заслуженные партийные деятели, которые работали рядом с Лениным, когда Хрущева и Суслова еще не было в партии (Молотов, Ворошилов, Каганович), целых восемь дней бились в безнадежных попытках доказать Пленуму ЦК, что Хрущев — сумбурный «волюнтарист» и опасный «субъективист», которого следует убрать (точь-в-точь те же самые обвинения, которые Суслов потом будет выдвигать против Хрущева во время свержения Хрущева 14 октября 1964 г.).

Члены Пленума хорошо знали, что победа группы Молотова может привести к пересмотру линии XX съезда. Но этого как раз никто не хотел. Пленум объявил большинство старого Президиума ЦК «антиленинской группой», исключил оттуда и из ЦК Молотова, Кагановича, Маленкова. Был создан новый Президиум ЦК, в котором хрущевцы составляли твердое большинство (чтобы скрыть масштаб государственного переворота, Ворошилов и Булганин были временно оставлены и в Президиуме, и на своих правительственных постах). Среди этих хрущевцев наиболее усердными считались Косыгин и Брежнев, ставшие тогда членами Президиума ЦК.

Из своего триумфа Хрущев сделал ложные выводы. Он думал, что отныне он может себе позволить то, что позволял себе Сталин. Он решил сосредоточить в своих руках всю власть — партийную, правительственную и даже военную (для него было введено необычное для мирного времени звание Верховного Главнокомандующего). Но хуже всего было то, что он решил вторгнуться как раз в ту область, где был совершенно беспомощным, даже смешным до карикатурности, — он решил играть в теоретика партии. Но так как он ни Маркса, ни Ленина не знал, то в обосновании своей очередной теории он часто ссылался на то, чему его учили в детстве,— на Священное Писание.

Бывали и другие ляпсусы. Он любил делать далеко не ортодоксальные «лирические отступления» от написанного для него аппаратом Суслова текста речи; эти отступления тут же передавались по радио и телевидению, но Суслов на другой день начисто вычеркивал всю эту «ересь» из печатного текста речи Хрущева в «Правде».

Вероятно, это была одна из причин того, что Хрущев, желая избавиться от цензуры Суслова и его идеологической монополии в ЦК, решил найти ему противовес. Так, совершенно неожиданно, маленький начальник отдела печати Министерства иностранных дел Ильичев был назначен секретарем ЦК КПСС по идеологии. Суслов оставался на своем посту, но поле его деятельности было ограничено связью с иностранными компартиями и — внутри страны — надзором за программами по марксизму-ленинизму в высших школах.

Между тем основа основ всей партийной идеологии и теории — новая Программа партии — тоже была разработана Сусловым. Нескромность Хрущева была так велика, что он не разрешил самому автору доложить ее XXII съезду. Написанный Сусловым и его аппаратом доклад об этой Программе прочел тот же Хрущев, хотя каждый знал, что это не его творчество...

Разумеется, не одни теоретические упражнения Хрущева, а вся совокупность его практических действий «волюнтариста» привели к заговору против него в ЦК. Заговор этот возглавил Суслов. Он же сделал на Пленуме ЦК 14 октября 1964 г. обвинительный доклад против Хрущева. Если он при этом не занял пост первого секретаря, а предложил Брежневу, то это было вполне в его духе. Суслов безличная личность, созданная для действий за кулисами. Любой из членов ЦК мог представлять высшую власть, но не каждый мог ее осуществлять. Суслов ее осуществлял, сам оставаясь за кулисами, не вызывая ненависти врагов и зависти соперников. Тем успешнее он действовал.

В руках Первого секретаря находится ЦК, но в руках второго секретаря в определенных ситуациях может находиться сам первый секретарь. Роль и функции второго секретаря ЦК совершенно недооценены в печати. При Ленине Сталин был вторым человеком в ЦК, но стал первым. При Сталине Маленков был вторым человеком, но стал первым. При Маленкове Хрущев был вторым человеком, но стал первым. При Хрущеве Брежнев был вторым человеком, но стал первым. При Брежневе Суслов второй человек, но такой второй, который пользуется большей властью, чем любой его предшественник на посту второго секретаря. Брежнев — Генеральный секретарь милостью Суслова и только до тех пор, пока Суслов этого хочет.

Дело в том, что аппаратом ЦК, а значит, и государством наряду с Первым, или Генеральным, секретарем юридически руководит второй секретарь. Но поскольку Первый секретарь бо́льшую часть времени занят «большой политикой» и ее репрезентацией, то второй секретарь — фактический хозяин власти. Если Первый секретарь выбывает из Москвы, ко второму секретарю автоматически переходит вся власть и фактически, и юридически. Поэтому переворот в октябре 1964 года, направленный против Хрущева, когда последний находился на Черноморском побережье Кавказа, был окончательным юридическим закреплением временного фактического положения Брежнева. Сделал это тот же Суслов. Теперь он мог бы это сделать с еще меньшим риском. Если он этого не делает, то только потому, что Брежнев не только его ставленник, но и его второе «я». Все тяжелые провалы режима можно относить на счет ставленника, все его достижения можно приписывать себе. Внимательный анализ событий в СССР со времени свержения Хрущева свидетельствует об этом. Вся большая внутренняя и внешняя политика КПСС идеологически отшлифована Сусловым. Он достаточно опытен, ловок и интеллигентен, чтобы не повторять ошибок Хрущева. «Коллективное руководство» не пустой звук для него, как для Хрущева. Он его не игнорирует, а эксплуатирует, пользуясь своим необыкновенным даром мастера власти сталинского, то есть высокого класса.

В любой идеократической партии всегда тон задает первый теоретик. Особенно это относится к КПСС. Ее ведущие политические лидеры всегда были и ее ведущими теоретиками. Хрущев был слишком примитивен для такой роли. Не выше него стоит в этом отношении и Брежнев, но у последнего то преимущество, что он знает, что он не теоретик, и поэтому, в отличие от Хрущева, и не претендует на «дальнейшее развитие марксизма-ленинизма».

Остальные члены Политбюро и Секретариата — люди того же калибра, что и Брежнев. Отсюда монопольное положение Суслова. Сталин сам был идеологом и теоретиком. Суслов лишь управлял идеологией при нем, а при Хрущеве он должен был делить это управление с Ильичевым, но теперь он сам и шеф-идеолог, и шеф-теоретик. Суслов — последняя инстанция в ЦК, которая определяет, что есть марксизм-ленинизм, и которая решает, как надо его дальше развивать. Ему одинаково подцензурны как школьные учебники, так и «реформы» Косыгина, ноты Громыко, указы Подгорного, приказы Гречко и, конечно, речи Брежнева.

Как шеф-идеолог Суслов начиная с 1948 г. главное лицо в ЦК по связи с заграничными коммунистическими партиями. Он представлял КПСС и в Коминформе. От имени ЦК КПСС он принял самое ближайшее участие в составлении известных документов международного коммунистического движения — документов международных коммунистических Совещаний 1957 и 1960 г.г. Он был руководителем делегации КПСС в переговорах с Коммунистической партией Китая по урегулированию спорных вопросов. Китайцы потребовали пересмотра известных решений XX, XXII съездов по вопросам тактики и стратегии коммунизма, в том числе и новой Программы партии; они потребовали также реабилитации Сталина...

В феврале 1964 г., за восемь месяцев до свержения Хрущева, Суслов доложил об итогах дискуссий с Пекином Пленуму ЦК КПСС. Он защищал названные выше решения обоих съездов партии и критиковал пекинскую позицию как антимарксистскую, антиленинскую и протроцкистскую. Правда, Хрущев и в споре с Пекином тоже пошел дальше предложенной Сусловым схемы. Суслов и новое «коллективное руководство» были готовы пойти навстречу Пекину,— пользуясь психологически выгодной ситуацией снятия Хрущева,— в исправлении ошибок последнего. Но переговоры с Чжоу Эньлаем в Москве в ноябре 1964 года не дали никаких результатов. Китайцы настаивали по-прежнему на полном пересмотре решений XX и XXII съездов. Согласие Москвы на такой шаг означало бы признание гегемонии Пекина в «социалистическом лагере» и мировом коммунизме. Лично для Суслова это означало бы политическое харакири.

Надо сказать, позиция Пекина не осталась без влияния на Кремль. Внутри страны она сказалась в частичной реабилитации Сталина и сталинизма, в усилении идеологической реакции, в росте полицейских репрессий. Во внешней политике она сказалась в том, что Кремль решил опровергать утверждения Пекина о «ревизионизме» и измене коммунизму фактами и действиями: там, где Пекин ограничивается платоническими угрозами и словесной войной, московские деньги и московское оружие действуют более эффективно. «Наша партия будет оказывать народам, борющимся за свою свободу и независимость, реальную всестороннюю помощь» («Правда», 30.3.66),— заявил Брежнев, и это были не пустые слова. Если взять только два пункта мирового коммунистического движения — Кубу и Вьетнам, Куба обходится Москве в 360 млн., а Вьетнам — даже в 1 млрд. долларов в год. Сколько стоит Москве мировое коммунистическое движение в целом, никто не знает. Во всяком случае, оно стоит ей куда больше, чем Пекину.

И этой внешней политикой КПСС фактически руководит Суслов. Эластичный во внешней политике и верный в этом отношении решениям XX и XXII съездов, Суслов подверг частичной ревизии решения тех же съездов о культе личности. Он вполне разумно решил, что критика Сталина есть критика не только прошлого, но и существующего режима. Ведь смерть Сталина не означала смены режима. Режим остался тот же, только исчез массовый террор, а поэтому исчез и психоз массового страха. При отсутствии этого страха, в условиях продолжающейся критики сталинских методов массовых репрессий в СССР выросло целое поколение антисталинской интеллектуальной молодежи... В официальной печати для характеристики этой молодежи появляется и термин «нигилист», который не может не вызвать у диктатуры страшных исторических воспоминаний.

Масштаб и глубина «неонигилистского» движения, вероятно, были настолько угрожающими, что руководители Кремля решили пожертвовать своей репутацией «антисталинистов». Они решили сделать грозное предупреждение всей стране: суд над Синявским и Даниэлем был этим предупреждением. За ним последовали негласные суды и высылки в Сибирь ряда молодых писателей Москвы и Ленинграда. Солженицына перестали печатать. Твардовского сняли с поста главного редактора «Нового мира». Вдохновитель и автор этой неосталинской политики в духовной жизни СССР — тоже Суслов.

В заключение хочу сделать одну оговорку. Может показаться, что я несколько преувеличил роль Суслова в Кремле. Но, по-моему, ввиду ограниченности информации я начертал лишь силуэт этого «выдающегося» члена «коллективного руководства». Как фанатик коммунизма, он не знает конкурента, а как мастер власти, он пережил и Сталина, и Хрущева. Согласно дворцовому протоколу Кремля, среди 11 членов Политбюро он занимает четвертое место после Брежнева, Косыгина, Подгорного. Но для протокола важны титулы юридической власти. Если бы существовал протокол фактической власти, то он начинался бы с Суслова.

1970 г.

Подготовка текста и публикация С. НИКОЛАЕВА.

В Березниковской строгорежимной женской колонии, где содержатся только особо опасные рецидивистки, мне назвали цифры, которые кажутся невероятными. На протяжении последних пяти лет число так называемых возвращенок стало резко сокращаться. Если в 1984 году рецидив составлял 52 процента, то в 1988-м — 16,4. Почти в три раза ниже общесоюзного показателя. Невероятно, но факт! Начальник спецчасти, симпатичная женщина, оглядев меня с ног до головы, сказала: «Одеть бы вас попроще. Не говорить, кто вы. Оформить кем-нибудь. Тогда бы вы все поняли до тонкостей».

Виталий ЕРЕМИН

БЕЛЫЕ КОСЫНКИ

О том, что делают женщины в неволе, мне уже порассказали. А вот что неволя делает с женщинами, это в самом деле не мешало бы понять. О колониях для несовершеннолетних — сотни публикаций, книги, кинофильмы. О мужских колониях тоже немало написано. О женских?.. Не знаю, почему так мало о женских. Может быть, наш брат журналист просто не рискует туда заглядывать. Один знакомый криминолог признавался, что всегда приезжал оттуда потрясенным, больным. А другой шутливо пугал: «Однажды какой-то мужик просто потерялся в женской колонии. Искали долго, но так и не нашли».

Догорал сентябрь. Гражданки в телогрейках и белых косынках грелись под последними теплыми лучами солнца. Почти каждая — либо с сигаретой, либо с самокруткой. Такого количества курящих женщин с восковыми лицами мне видеть не приходилось.

Первая осужденная, с которой пришлось перебросится словами, мечтательно произнесла: «Кабы невидимкой

да к вам в карман!» Ах, будь он неладен, этот карман! Больше шестидесяти процентов женщин сидят здесь за кражи личного имущества граждан. Большинство — карманницы.

Догорал сентябрь, а в зоне крутили популярную песенку «Музыка на-а-ас связала, тайною на-а-ашей стала...» Нет, молодежная мелодия никак не вязалась с лицами женщин, чьи жизни тоже догорали. Неудобно писать о возрасте, даже если речь идет об арестантках. Но как без этого покажешь, что такое женский «строгач»? В конце концов я придумал. По моей просьбе воспитательницы десяти отрядов составили списки своих подопечных: у кого какой арестантский стаж. Глянул и тихо ахнул. Больше 10 лет отбывают 163 женщины. Больше 15 лет — 134. Больше 20 лет — 177. Больше 25 лет — 39. Больше 35 лет — 13. Больше 40 лет — 8. Больше 45 лет — 3. А ведь всего в этой колонии шестнадцать отрядов...

Первое, что пришло в голову: сколько же они жили на свободе? Некоторые, наверное, только первые 14—15 лет. То ли сами, то ли с чьей-то помощью устроили себе пожизненное заключение. Тюрьмоведы утверждают, что после 10-летнего срока арестант деградирует необратимо и уже не может стать нормальным членом общества. Какова же степень деградации большинства сидящих здесь женщин? И за что они отбывают здесь срок?

«Впервые я украла, когда училась в третьем классе. Вытащила из сумки учительницы восемь рублей. Хотелось жвачки купить...»

«Я впервые зашла в зону, когда мне было 13 лет. Это было спецпрофтехучилище. За что? В школе мы алюминиевыми пульками стреляли. И я покалечила глаз одному пацану. Отсидела четыре года, ну, а дальше пошло-поехало...»

«Первый раз я украла в десять лет. Украла игрушку. Не было у меня игрушек, понимаете! Мать лишили материнства. Я сутками ходила голодная. Познакомилась с блатными. С ними было веселей. С ними, думаю, не пропаду!..»

«Меня мать стала подкладывать под мужчин, когда мне было 12 лет...»

Каждая из сотен бабушек, которые сидят по 25—30—40—45 лет, может рассказать о своем детстве что-либо подобное. Каждая когда-то была глупой девчонкой. Каждая не была рождена, чтобы воровать, бродяжничать, убивать. Если сохранить эту логику, то нетрудно прийти к выводу, что изначально ни одна из них не виновата в том, что находится здесь.

Помещение камерного типа — ПКТ. Иначе говоря, тюрьма внутри колонии. Здесь содержатся ярые нарушительницы режима.

С лязгом открывается металлическая дверь камеры. За ней еще одна металлическая дверь — решетчатая. Крохотное оконце с двумя рядами стекол почти не пропускает наружного света. (Три десятка лет назад в мужских американских тюрьмах применялся тот же прием. Нарушителя режима сажали в совершенно темный карцер. Чтобы узник, не зная, когда рассвет, когда закат, потерял всякий счет времени. Чтобы сутки казались ему вечностью.) Женщины в клетке. Так можно назвать то, что предстает перед глазами. Разговор шел через решетчатую дверь. Привожу его почти дословно.

— Вы не будете против, если я укажу вашу фамилию?

— А что от этого изменится, если она укажется? Я — Харлампиди Нелли Павловна. Была Нелли Павловна. А сейчас я никто. И звать меня никак. Такие дела.

— Как вам здесь живется?

— Человек ко всему привыкает.

— Вы хоть знаете, какая сейчас жизнь на свободе?

— Откудова? С 78-го года не выхожу. Знаю только, что мне лошадям стыдно будет в глаза смотреть: столько здесь овса съела.

— Мне сказали, что вы сидите с восемнадцати лет. А сколько всего времени были на свободе?

— Месяцев семь. Первый срок у меня за кражу. Пять лет. В лагере понравилось. Всегда во внимании у публики. На гитаре играла, на сцене пела. Молодая была. Я все на себя взяла, а подельницы мои в это время на свободе гуляли и даже письма не прислали. В лагере дали добавку в шесть лет. Нанесла легкие телесные повреждения. С общего режима перевели на строгий. А там были уже тяжкие телесные повреждения. Дали еще семь лет. Причем пять лет крытой.

— Из-за чего были драки?

— Первый раз мне спирт продали и меня же заложили. Второй раз почти то же самое. Я одной осужденной дала на сохранение теофедрин. А она говорит, что у нее якобы изъяли. Потом сказала, что пойдет в оперчасть. Тут я и взорвалась. Начала, как видите, с легких телесных повреждений, а кончила тяжкими последствиями. Я списанный человек. Посмотрите, я вся в наколках. Мне, чтобы жить на свободе, всю шкуру надо менять. Мне страшно выходить на свободу. Если я выйду, мне кажется, у меня сердце разорвется.

На какой стадии деградации находится та или иная прибывшая в колонию осужденная? Это устанавливают штатные психологи Антонина Тимофеевна Суфиева и Елена Николаевна Тихомирова. Они же занимаются психодиагностикой: определяют ЧХТ — черты характера и темперамента.

Предмет особой гордости администрации — специальное здание, где расположены кабинеты педагогического аутотренинга. Ряды кресел. На сиденьях наушники.

В кабинет входят двенадцать женщин, садятся в кресла, привычными движениями надевают наушники. Надеваю и я. Елена Николаевна — на пульте, среди магнитофонов и другой аппаратуры. Загорается экран, на котором будут чередоваться слайды с картинами природы. Идет музыкальное вступление — мелодия «Аве Мария».

— Я ненавижу свое прошлое,— слышу в наушниках голос психолога.— Оно растоптало мою личность. Я хочу забыть прошлое. Я хочу избавиться от него. Я хочу изменить свою жизнь. Я смогу сделать это! Мое будущее начинается здесь. Все зависит от меня самой!

— Елена Николаевна! Какая из меня птица? Кругом решетки!

Ну, что ж, не будем скрывать. Есть и такие женщины. Аутотренинг действует на них раздражающе. Никто не тащит их силком, не усаживает в кресла. Для таких (для всех) существует так называемый массовый вариант. За несколько минут до сна по местному радио транслируется какая-нибудь тема аутотренинга. Если (по техническим причинам) такие трансляции на деньдва прерываются, многие спрашивают: «А почему перестали усыплять?»

Не так-то просто было оборудовать кабинет аутотренинга, приобрести мебель, аппаратуру. Здесь многое сделала замполит колонии Елизавета Петровна Григорьева.

Но самое трудное, что пришлось преодолеть Григорьевой и обоим психологам,— это предубеждение отрядниц — отрядных воспитателей. «Понюхайте с наше зековские портянки,— говорили они.— Потом мы, может быть, поверим в действие вашего аутотренинга».

В чем-то они были, пожалуй, правы. Какое расслабление, когда нервы натянуты, как струны? Как можно забыть прошлое?

Каждый отряд похож на своего воспитателя, сказали мне в этой колонии. И, беседуя с молодыми, умными женщинами в погонах капитанов и майоров, можно было довольно легко понять, почему так резко сократился процент возвратов в колонию. Сработал индивидуальный подход...

— Ягодки мои,— любит пошутить отрядница Татьяна Васильевна Соломина.

— Волчьи,— шутят в ответ осужденные.

— Птички мои,— добавляет Соломина.

— Какаду,— добавляют осужденные.

Если начальница отряда явно или тайно презирает или ненавидит своих подопечных, она уже не воспитатель. «Ненавидишь — уходи!» — требует замполит Е. П. Григорьева. Это, наверное, еще один результат введения психодиагностики. Персонал (прямо скажем, далеко не весь) уже не испытывает к осужденным антагонизма. Смягчился тон общения — смягчились и сердца рецидивисток. Ощутив человеческое отношение, стали человечнее относиться к самим себе. Но не друг к другу!

Постепенно в колонии стал наблюдаться неслыханный крен. «Хотя они по-прежнему называют нас то ментами, то мамочками,— говорила Т. В. Соломина,— мы, воспитатели, в целом относимся к ним лучше, чем они друг к другу. Взаимная недоброжелательность, постоянная грызня, или, как они говорят, ругачка... И это очень нам мешает. Я уж им говорю: в одном котле кипите, неужели нельзя входить в положение друг друга?»

Из-за чего ругачки-то? Прежде всего из-за того, объяснили мне, что среди осужденных невероятно развилось стукачество. До такой степени, что угроза «я тебя сдам» звучит открыто. В колонии семь работников оперативно-режимной службы. (Втрое больше, чем, скажем, лет тридцать назад!) Им тоже надо отрабатывать свой хлеб. Один из главных показателей — работа с осведомителями. Вот они и работают.

Есть среди оперативно-режимных работников такие, на кого специфика должности наложила, прямо скажем, неприятный отпечаток. И все же в большинстве своем это такие же обыкновенные люди, как и воспитатели. Просто сам круг обязанностей вынуждает их быть другими, жесткими.

Характер работы обязывает присматривать друг за другом. Попробуй взглянуть на те или иные нарушения режима сквозь пальцы — могут тут же обвинить чуть ли не в нарушении присяги. Оперативно-режимный работник сам жертва установлений и специфики своей работы.

Бывалые заключенные и опытные работники колоний на редкость единодушны: самая страшная зона та, где все исполняется неукоснительно, где администрация ни на йоту не отступает от исправительно-трудового кодекса и разных внутриведомственных инструкций.

Несколько простых примеров. Осужденным женщинам полагается ходить только в кирзовых сапогах. В любую жару! Там, где это требование предъявляется без малейших поблажек, ноги у женщин преют, начинают гнить. Из-за одного только этого обстоятельства атмосфера в колонии — особенно летом — достигает температуры кипения. Режимник видит: ага, в тапочках в лагерный ларек потопала! Да как ты смеешь? Хорошо, если виновная прикусила язык, не ответила дерзко. Но чаще всего огрызается. Слово за слово. Глядишь, режимник фиксирует не столько нарушение формы одежды, сколько нанесенное лично ему оскорбление, неподчинение его требованиям. Неповиновение!

Сколько посаженных в штрафной изолятор, раскрутившихся на новый лагерный срок из-за одних только этих кирзачей?

Не меньше неприятностей и нервотрепки из-за косынок. Осужденная непременно должна быть в белой косынке. По той же норме как бы считается, что если она будет ходить с непокрытой головой, то это верный признак, что снова будет воровать или мошенничать.

Вообще-то мне полагалось бы рассказать подробнее о том, как в этой колонии осуществляются индивидуальный подход и педагогический аутотренинг, и тем самым показать, что мы тоже не лыком шиты. Можем, когда очень захотим, работать тонко, культурно и добиваться при этом поразительных результатов.

Я бы так и сделал, рассказал. Если бы нарождающаяся в муках зоновская педагогика сотрудничества на каждом шагу не сталкивалась с уже упомянутым «сотрудничеством», то есть стукачеством. Мне прямо сказали, что даже культурный оперативно-режимный работник, если он не хочет вылететь с должности или затормозиться на одном звании, вынужден владеть оперативной обстановкой в вверенном ему участке работы и не иначе, как с помощью осведомителей. Вот он и делает предложения то одной, то другой осужденной.

Режимники могут гордиться своей работой: их контроль стал тотальным. У них везде глаза и уши. Они знают если не все, то почти все. Но как это

бьет по воспитательной работе! Система всеобщего, причем открытого, доносительства создает обстановку тотальной взаимной подозрительности, постоянных «разборок», ругачек и драк.

Одна из сотрудниц колонии, попросив предварительно, чтобы я отключил диктофон, сказала:

— Если бы я попала в колонию, я бы с моим холерическим темпераментом и прямым характером не вылезала бы из штрафного изолятора. Я вижу, как живут осужденные, как они общаются...

Ни один человек не может оставаться нравственным, если вынужден ставить другого, находящегося в его власти человека в унизительное положение. Я уже не говорю о том, что нельзя исправить человека, ставя его в унизительное положение. Здесь хочу сказать о так называемых локалках.

Локалок не знал даже свирепый ГУЛАГ. Локалка — это сетка, которой обнесено каждое из общежитий, стоящих в зоне. Кому-то показалось мало четырехметрового забора вокруг зоны и нескольких рядов колючей проволоки, отделяющих осужденных от воли. Кому-то взбрело в голову создать неволю внутри неволи. Локалки — это клетки, удивительно напоминающие вольеры в зоопарке. Даже у работников ГУИДа иногда вырывается: «Что вы тут зверинец устроили?» «М-да,— вздыхал начальник колонии А. Н. Парфенов.— Уж лучше бы клумбы разбить вместо этих локалок».

Локалка, повторяю,— это клетка. Если человек, совершивший преступление, стал зверем на воле, в локалке он станет еще худшим зверем. Если в нем осталось что-то человеческое, локалка это человеческое добьет.

Косынки, кирзачи, локалки... Перечень подобных (нелепых, издевательских) ограничений можно продолжить. Но едва ли не самым худшим, антипедагогическим из них является ограничение на переписку.

Два письма в месяц! Почему не три? Почему не четыре? Почему именно два? Кто высчитал, что именно это число должно стать нормой? Кому показалось, что если осужденная мать или жена напишет пять писем, то станет от этого хуже?

А они и в самом деле становятся хуже. Механика простая. Они ищут нелегальные пути переправки писем за пределы зоны. И когда (не без участия осведомителей) попадаются на этом, от них требуют выдать того сотрудника колонии, который помог им нарушить норму переписки. Начинают требовать подлости по отношению к человеку, который сделал для них добро. И очень возмущаются, когда осужденная не идет на эту подлость. Рапорт. Штрафной изолятор.

Мне говорили: ограничение вызвано тем, что осужденные чаще поддерживают связь между своими сообщниками, а не с родственниками. Но тут же соглашались, что если кому-то из осужденных нужно связаться с другим, то она это сделает с помощью этапников или используя нелегальную переписку.

Один знаменитый режиссер проехал недавно по Пермской области, заглянул в деревенские магазины, потом в ларек женской колонии и сделал вывод, что женщинам в белых косынках живется лучше. Правда, он не указал, на какую сумму они могут отовариваться. Так я скажу: до тринадцати рублей... При условии, если нет нарушений режима...

Вот и в доктринальной модели — проекте Основ уголовно-исполнительного закона — вполне прогрессивные юристы-разработчики записали: «Осужденные получают питание, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность организма». А медики говорят: суточная калорийность сегодняшнего лагерного пайка составляет в среднем около 2500 калорий. Это норма для 7—11-летнего ребенка.

«Я люблю женщин, ихнюю красоту,— говорила мне осужденная, отбывшая не один десяток лет.— Люблю их нежность, женственность. Я ничего не могу с собой поделать. Я на мужчину смотрю совершенно спокойно. Он не вызывает у меня никаких эмоций. А на красивую женщину я смотрю с восторжением».

— Физиологию никуда не денешь,— говорила психолог А. Т. Суфиева.— Ведь это противоестественно: много лет жить без противоположного пола. Вредно и для здоровья, и для психики. Они женщины! Им хочется кого-то любить и быть любимыми.

У лесбиянок — на почве ревности — очень часты срывы. В это время их уже никуда не сдвинуть. Они становятся совершенно неуправляемыми. Но это редко когда учитывается. И режимникам, и воспитателям трудно войти в положение каждой. Есть реальная опасность, что подобная либеральность будет хладнокровно и цинично использована.

Режимников тоже можно понять. Иной год на почве гомосекса бывает до двадцати преступлений. Подчеркиваю: не нарушений режима, а преступлений! И за каждое преступление администрации приходится отвечать. Кому это надо? Никому. И потому считается за благо подобные преступления «профилактировать».

Раньше женщины почти застенчиво оправдывались: «А что нам остается делать? Мы все время здесь, в колонии. Не мы такие. Зоновская жизнь сделала нас такими!» Сегодня ответы приобрели почти наступательный характер. «А что тут страшного, если на воле уже не преследуется мужской гомосекс? Где закон против лесбиянства, покажите его!»

В некоторых женских колониях администрация устала бороться, махнула рукой: делайте, что хотите, только план давайте. И женщины дают!

В этой колонии интересна и служба по трудовому и бытовому устройству освобождающихся. Возглавляет ее старший инспектор (юрист по образованию) Вера Александровна Шварева. Хорошо зная, какой прием ждет ее подопечных в местах, откуда они были когда-то привезены, она действует заблаговременно. Собирает в клубе тех, кому освобождаться через несколько месяцев, и начинает разыгрывать с ними так называемые социодрамы. Это что-то вроде маленьких интермедий. Роли начальников паспортных столов, начальников отделов кадров, директоров общежитий, руководителей предприятий, ну и, разумеется, тех, кто к ним приходит со справкой об освобождении, исполняют сами освобождающиеся. Причем играют с большим вдохновением, знанием жизни и артистическим блеском.

«Откуда вы?» — вопрошает «начальник отдела кадров». «Я только что из космоса»,— невозмутимо отвечает посетительница. «Кто вы по профессии?» — продолжает начальник. «Заслуженная рецидивистка».

Но участницы социодрам редко позволяют себе подобный юмор. (Они-то знают, как дорого он может им стоить.) Они позволяют его себе только здесь, в «школе освобождающихся». И то, вероятно, исключительно ради желания позабавить приезжего журналиста. В основном же социодрамы разыгрывались в полном соответствии с правдой жизни. Начальники сомневались, куражились, отфутболивали просительниц. А те настаивали, просили, умоляли, плакали. Грустные это были спектакли. Другие освобождающиеся (те, кто сидел в зале) плакали...

Видно, очень ярко вспоминалось им, как умоляли они принять их на работу дворниками, уборщицами, нянечками, грузчиками, сторожами, но и этих вакансий не оказывалось, как только кадровики выясняли, кто пришел проситься на работу. ООР! Особо опасная рецидивистка!

Без заминок, с отличным знанием «текста» умоляли они прописать их в собственной квартире, право на которую они утратили спустя шесть месяцев после осуждения.

С особенным блеском разыгрывались сцены административного надзора. После двадцати часов в любой день могут нагрянуть либо участковый, либо группа дружинников. Иногда просто ради любопытства — посмотреть на особо опасную рецидивистку. Если освобожденная живет в общежитии, о том, что она ООР, сразу же становится известно всему общежитию. Если живет на квартире, хозяйка тут же предлагает подыскать себе другое жилье. Если освобожденная живет у «приличного мужчины», едва завязавшиеся отношения тут же рвутся. Если она живет у себя дома, то уверяет дочку или сына, что дружит только с дядями из милиции.

Административный надзор введен для контроля за поведением освободившихся особо опасных рецидивисток с целью помешать им совершать новые преступления. Но что он дает на самом деле?

«Среди нас много карманниц,— говорили мне осужденные.— Сами понимаете, мы обычно «работаем» только днем. После двадцати вечера магазины закрыты, транспорт полупустой. Но этого никто не хочет понять. Мы вынуждены сидеть под домашним арестом. И это очень давит на психику, унижает».

Мало ли что наговорят осужденные. И потому этот вопрос я поставил перед администрацией. Мешает ли надзор совершению новых преступлений? «Нет, не мешает,— однозначно отвечали мне.— Если они захотят, совершат в любое время суток. Главная цель административного надзора, на наш взгляд, все же не контроль, а стремление помочь адаптироваться на свободе. Лица, стоящие на адмнадзоре, должны получать помощь в прописке, трудоустройстве. Существует специальный приказ по МВД СССР, обязывающий органы милиции оказывать эту помощь. Но этот приказ повсеместно не выполняется.

Существует также статья 104 ИТК РСФСР, которая гласит: «Лица, освобождаемые от отбывания наказания, должны быть обеспечены работой, по возможности с учетом имеющейся у них специальности, исполнительными комитетами местных Советов не позднее 15-дневного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве . В необходимых случаях лицам, освобождаемым от наказания, предоставляется жилая площадь.

Предписания исполнительных комитетов местных Советов о трудоустройстве лиц, освобождаемых от наказания, обязательны для руководителей предприятий и организаций». Но и этот закон повсеместно нарушается. И потому адмнадзор выполняет на деле только одну функцию — держит освободившуюся женщину в состоянии крайнего нервного напряжения.

«Может быть, мы и опасные, но не особо»,— говорят сами осужденные женщины.

— О 24-й статье исправительно-трудового кодекса РСФСР, квалифицирующей понятие особо опасного рецидивиста, надо в барабан бить,— говорил мне А. Н. Парфенов.— Она лишает нас возможности вести воспитательную работу. Ведь у них, с 24-й статьей, нет никаких перспектив. Ни условно-досрочного освобождения. Ни помилования. Ни колонии-поселения. Ничего!

К сорока—пятидесяти годам (о более позднем возрасте вообще можно не говорить) у многих утрачиваются и без того слабые родственные связи. На свободе их никто не ждет. И они уже ничего не ждут для себя на свободе. В колонии им гарантирован прожиточный минимум. На воле за все надо бороться. А у них нет уже ни физических,

ни моральных сил. Женщины-преступницы деградируют быстрее мужчин. И если мужчина, какой бы срок он ни отбыл, еще сохраняет какие-то шансы на восстановление личности, то женщина, как правило, деградирует необратимо. Ее преступные наклонности принимают характер неизлечимого психического заболевания.

Для многих лечение уже безнадежно запоздало. Да и есть ли средства?! Сколько освобождающихся старух плачет у вахты: «Оставьте меня в колонии. Никуда я не поеду. Никому я не нужна!»

Представляю, какое впечатление сложилось у читателя: боже, кто там сидит, в этой строгорежимной! И вот, представьте себе, что происходит с этим, казалось бы, безнадежно испорченным человеческим материалом, стоит только начать проявлять хоть какой-то индивидуальный подход, хоть какое-то послабление, хоть какой-то здравый смысл и милосердие. Стоит только увидеть в осужденной человека. Цифры, которые мне назвали, я перепроверил. Все точно: процент возвратов в эту колонию сократился за последние пять лет в три с лишним раза.

Здесь самое время сказать, что многие лица в этой колонии потрясают не только страшной печатью низких страстей и неженских лишений. Многие лица излучают такую волю, решимость и незаурядность внутреннего содержания, что буквально просятся на полот-

но. Вглядевшись в эти лица, укрепляешься в мысли, что многим из этих женщин природа назначала другую роль, другую судьбу.

Если, листая уголовное дело, узнаешь, сколько зла и несчастий принес людям преступник, а познакомившись с ним, обнаруживаешь, что он умен, начитан, рассудителен, то поневоле задаешь себе вопрос: «А что же побудило его пойти на преступление?»

Безусловно, корни следует искать в индивидуальной психологии, в генетических наклонностях. Но не следует забывать, что эту психологию сформировала совокупность условий жизни общества, «теневая мораль» и что преступное поведение, как правило, является результатом ненормальной, изуродованной жизни.

Да, большинство осужденных совершило то, в чем их обвиняли. Но при этом не следует забывать, что они не виновны ни в чем, кроме того, что родились от таких-то родителей, в такое-то время, в таком-то обществе. И это суждение особенно относится к осужденным женщинам. Потому что, по моему глубокому убеждению, женщина самой природой не создана для преступной жизни.

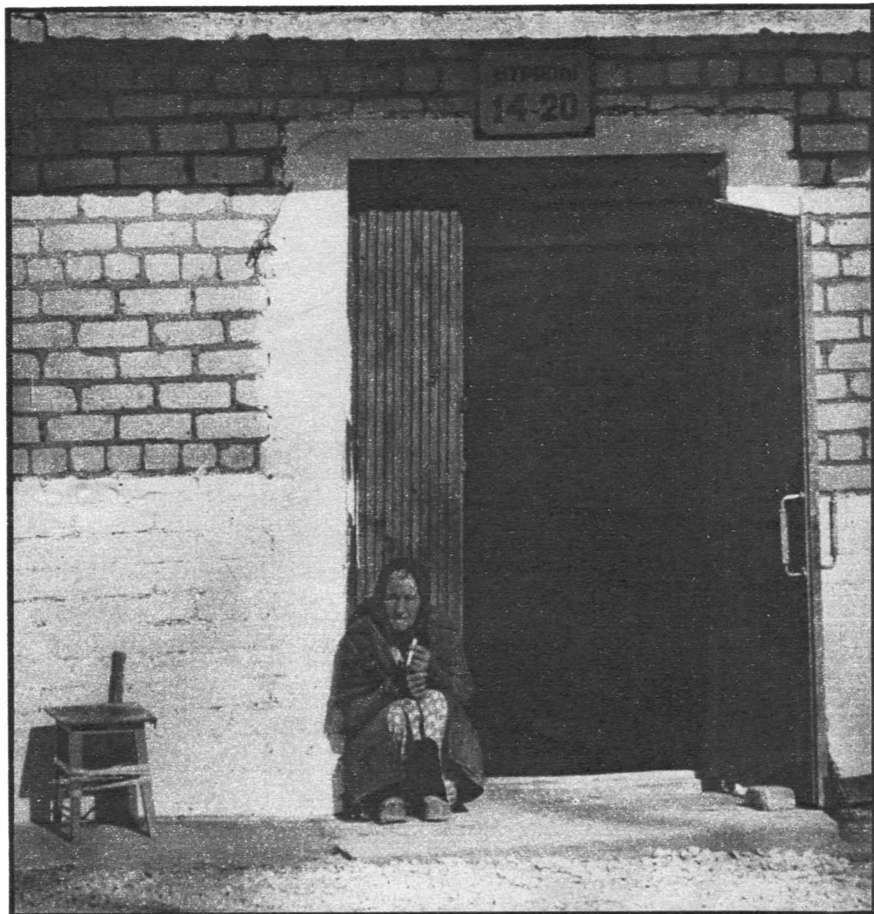
Если на то пошло, то вместе с осужденной женщиной нужно сажать в колонию ее беспутную мать. Ее неизвестного или самодурствующего отца. Сажать кризисы, в которых почти беспрерывно пребывало наше общество и которые лишают людей полноценной, здоровой жизни. Нужно сажать вместе с этой женщиной тех, кто не прописал ее по месту прежнего жительства. Кто не принял на работу. Кто в колонии беспочвенно подозревает ее в порочных наклонностях, провоцирует на грубость, подводит к «раскрутке»... И, наконец, сажать тех, кто на воле вопит о «беспределе гуманности», поощряя репрессивные методы перевоспитания.

Зацикленность на этих методах объясняется довольно просто. Нам кажется, что одного лишения свободы преступнику мало. Одно только лишение свободы не заставит его ни страдать, ни испытывать угрызения совести, ни стремиться стать лучше. Такая точка зрения вполне понятна, потому что принадлежит нам, гражданам страны, не знающим толком, что такое настоящая личная свобода. Не уважая и не ценя свою свободу, мы, естественно, не можем понять, что испытывает преступник, лишенный этой нашей свободы. Ведя жизнь, полную всевозможных унижений для честного, законопослушного гражданина, мы, естественно, не в состоянии понять, какому унижению подвергается достоинство осужденного. Похоже, что нам это даже неинтересно. Проект доктринальной модели опубликован только в закрытой прессе МВД и обсуждается почти исключительно работниками правоохранительных органов.

Нам почему-то кажется нормальным, что вместе с преступником наказываются его близкие, и в особенности дети, имеющие возможность видеться с отцом или матерью не чаще одного раза в год. Мы даже не задумываемся о том, к каким последствиям приводят подобные ограничения. Неужели кто-то всерьез считает, что благодаря подобной разлуке преступник быстрее осознает свою вину и станет лучше? Ладно, бог с ними, свиданиями, хотя и они важны, но считать каждое письмо, отправленное осужденным...

Не перестаю удивляться способности властей доводить до абсурда, обессмысливать самые лучшие свои намерения, добиваться результатов, противоположных ожидаемым, и взваливать вину за провалы на тех, кто, по сути дела, является жертвой медвежьего капкана нашей уголовно-исполнительной политики. Хотя понимаю, что удивляться нечему. Семьдесят лет насилия над человеческой природой и всевозможных социальных экспериментов с использованием инструментов подавления воли и достоинства не прошли бесследно. Мышление работников колоний и значительной части населения остается сегодня прежним, сформированным в годы сталинского террористического правления. Сказываются, вероятно, и какие-то чисто национальные наши особенности, хорошо сформулированные А. П. Чеховым: все новое и полезное народ ненавидит и презирает. Что же касается человека, преступившего закон, то единственное, чему мы все научились за долгие годы,— это ставить на нем крест и гнуть его в три дуги. А как иначе сделать его жизнь в неволе хуже той, что мы ведем на воле?

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Кабала святош

Начало на стр. 8.

стали растренированны, не думают о профессии. Все заняты скорейшим устройством реальных ближних целей. Для допинга, чтобы освежить театр, пришлось организовывать гастроли за границу. Грустно, что любой человек начинает разговор: а будут ли поездки, валюта? Полная бездуховность.

— Как случилось, что вы — герой-любовник, лауреат Сталинской премии, благополучнэйший советский Ромео — стали лидером авангардного театра?

— Не только Ромео. Кирилл Извеков, Олег Кошевой...

— Одно дело, когда Савелий Крамаров становится фрондером, а другое — когда герой-любовник. Что же это такое? Что мешало? Чего не хватало? Это очень важно. Чего не хватает благополучному? Ромео, Кошевой, увенчанный лаврами... вдруг «самый антисоветский театр» создаете. Так ведь говорили?

— Не специально. Мне казалось, именно так нужно ставить Брехта. Хозяйка варит — кажется, вкусно. Друзья едят — нахваливают. Приходят незваные, пробуют, морщатся — дерьмо. Странно, а люди ели — хвалили. Я никогда не занимался политикой. Господь с вами! И теперь не занимаюсь. Это они стараются нас политизировать и спекулировать нами.

— Возвращаться стоило?

— Мне три раза было сказано очень жестко. Вам тут не нравится — никто вас не держит. Вам путь на Запад открыт. Это Демичев говорил. А если вы о себе не думаете, хоть о ребенке подумайте, ведь с ним может что-нибудь случиться. Без угрожающих интонаций, совершенно спокойно.

Меня возили на проработки в каждый мой выходной с утра: или в райкоме, или в управлении, или в министерстве — каждую среду. Приказ Гришина — все. Приказано изничтожить — надо изничтожить. Являюсь. Начинается разговор: «Ну? Ну? Чего вы озираетесь, боитесь?» Я: «Нет, вы все время нукаете, вот я и гляжу, где тут — лошадь». Они свое: «Ваша деятельность — это антисоветская деятельность. Вы должны признать свои ошибки. Вы не можете руководить театром». В очередной раз они предложили: поставьте творение Брежнева. Пришла депеша. С курьером. С печатями. Вместо того, чтобы заниматься вашими безобразиями, вы бы лучше подумали, как осуществить великие произведения руководителя государства и т. д. Мы не ограничиваем вас в выборе: «Целина» или... Идет перечень его бессмертных творений.

Мы садимся (по-моему, с Можаевым): «С вниманием прочитав экстренное послание, напрягши весь запас умственных способностей...»

— Это же ерничество.

— «...Интересует вопрос: вы согласовали с автором возможность постановки, и доверяет ли автор мне осуществить это? Если не согласовали — значит, вы не умеете уважать даже авторского права...»

— Вы абсолютно человек этой системы.

— «...И как вы планируете эту работу: совместно с автором, или разрешение автора на инсценировку, или утверждение автором готового спектакля...»

— Вы понимали, что это наглый ответ?

— Я просто забавлялся.

— И никогда не срывались?

— Бывало. Когда доводили, у меня все замыкалось. Один раз это было у замминистра культуры РСФСР. Они закрывали «Павшие и живые». И пришел со мной туда Константин Симонов.

— Заступаться?

— Скорее выразить недоумение: почему такой спектакль закрывают, патриотический. О поэтах погибших и некоторых уцелевших. А один говорит с улыбкой: «Ну чего вы за него волнуетесь, ну подумаешь, ну поставит другой спектакль, ну что вы, Константин Михайлович, о чем тут говорить...» И тут чего-то со мной стряслось. «Улыбаешься, так твою перетак!» Добрался я до его лацканов, меня Симонов за руку оттаскивал. Орал я уже не помню что, как урка все равно, и Симонова отшвырнул: «Я знаю ваши экивоки, вы любитель туда-сюда мотать».

25 июля 1980 г. умер Высоцкий. Таганка решила: будет спектакль его памяти, спектакль из его песен. На следующий день после смерти — задумали. В 1981-м — поставили. 25 июля — в первую годовщину — несмотря на строжайший запрет — сыграли. Это сейчас: славь — не хочу: книги, диски, портреты, гала-концерты, Госпремия... А я помню — не забыть — блокированная площадь, кольцо из барьеров, сержантов, автобусов, запертый выход из метро. Будто не театр на площади, а 4-й чернобыльский блок. И каждого, кто туда, надо проверить, и хорошо бы — кто оттуда. Кто оттуда выходил, нес радиацию, для склероза смертельную. И склероз это понимал. И шапка на нем горела — десять тысяч кокард.

СТЕНОГРАММА ХУДСОВЕТА 21 июля 1981 г.

ЛЮБИМОВ Ю. П. — *Наши сегодняшние зрители, наши коллеги, товарищи из управления посмотрели работу театра, и я предоставляю им слово.*

САМОЙЛЕНКО В. М.— зам. нач. отдела театров и концертной работы Главного управления культуры.— *Мы считаем, что основная идея поэтического представления остается прежней: конфликт поэта с обществом, отсутствие гражданской позиции у поэта и данного вечера. Об этом мы говорили неоднократно, заявляем об этом и сейчас. Естественно, мы не рекомендуем это для показа. Поэтому дальше работать так, как вы считаете нужным, мы не рекомендуем. Вот то, что можно было сказать кратко. Мы считаем, что нет гражданственной позиции поэта.*

ФИЛАТОВ Л. А.— актер.— *А как расшифровать это понятие «гражданственная позиция», ее отсутствие в вечере? Мы, наоборот, считаем, что то, что мы выбрали из его творчества, как раз гражданственно.*

ГУБЕНКО Н. Н.— актер.— *Надо найти общий язык: как понимать гражданственность?*

САМОЙЛЕНКО В. М.— *Мы понимаем.*

ЛЮБИМОВ Ю. П.— *У вас превратное представление о мире художника. Вы люди некомпетентные, чтобы решать вопрос о крупном русском поэте. Говорить поэтому я буду на другом уровне. Более того, я напишу письмо и пошлю его в Политбюро...*

САМОЙЛЕНКО В. М.— *Только не надо угроз... Это наше общее мнение.*

ЛЮБИМОВ Ю.П.— *Вы уже успели, даже не дойдя до кабинета, составить мнение...*

ДЕЛЮСИН Л. П.— доктор исторических наук.— *Я могу сказать как фронтовик. Я считаю, что никакой односторонности в изображении военной тематики в поэтическом представлении нет. Как фронтовику, мне странно слышать такое. Нужно быть бесчувственным идолом, чтобы так понять то, что пропел Высоцкий. Если сказать о своем индивидуальном мнении, то я бы сказал, что спектакль очень гражданственен.*

БОВИН А. Е.— политический обозреватель «Известий».— *Я не могу говорить так эмоционально, как Лев Петрович,— я не занимаюсь искусством, я занимаюсь политикой. С этой точки зрения, мне кажется, нельзя согласить-*

Фото Виктора БАЖЕНОВА

ся с тем, что главная тема спектакля — это конфликт поэта с обществом. Мне как раз кажется, что его главная тема — соединенность судеб. Потому что судьба нашего общества драматична. Здесь были лагеря, война, культ личности, послевоенные сложности и т. д. И приблатненные песни — это тоже судьба нашего общества.

ГУБЕНКО Н. Н.*— Не делайте, ради Бога, той глупости, которую совершили в свое время по отношению к другим писателям. (Реплика с места: «С Есениным!») Если вы совершите это ужасное кощунство, то разрушите святую веру в идеалы, на которые в каждой своей речи указывает Леонид Ильич Брежнев, подчеркивая, что мы — общество настоящей Свободы, настоящей Демократии, в котором ничего не утаивается. Возьмите наши центральные газеты — «Правду», «Известия»: четверть страницы о спорте, страница о международном положении, а 2—3 страницы о наших собственных недостатках. Это голос нашей партии! Не подрывайте веру в нашу партию, в наш народ, с которым партия считает всегда своим первейшим долгом советоваться и считаться. Не разрушайте веры в искренность советского человека — иначе вы сделаете из Володи, из этого спектакля, еще один антисоветский пасквиль и будете действовать на руку нашим идеологическим врагам, которые сидят, как в окопах, и только и ждут момента, чтобы спектакль кастрировали, закрыли, чтобы появилась пища для новой идеологической провокации.*

ФИЛАТОВ Л. А. *(обращаясь к Самойленко) — В свои 28 лет вы считаете себя настолько умным, что не считаете нужным, приличным и интеллигентным послушать то, что говорят писатели, знатоки искусства...*

13 октября 1981 г.

ЛЮБИМОВ Ю. П.*— Ситуация очень плохая. Плохой она была и летом, в годовщину смерти Высоцкого. Делалось все это в непозволительных тонах, и вчера было продолжено. Театр делает попытку в меру своих сил осознать это удивительное духовное явление, а все мы знаем, что духовные ценности народа надо беречь, что это наше сокровище. Как же можно так обращаться с поэтом, с театром? Театр состоит из живых людей. Это ведь не мой театр. Мне можно объявлять выговоры, со мной можно разговаривать так безобразно, что я вынужден был заявить, что работать больше не буду. Я сделал это продуманно, серьезно, спокойно — не в состоянии аффектации. В таких условиях я работать больше не могу и не буду — так заявил я вчера. Послезавтра (завтра выходной) я соберу труппу театра и объявлю ей это. Начальству я заявил это официально. И не только им.. Это люди маленькие, невоспитанные и бестактные, абсолютно некомпетентные. Я довел это до сведения и высоких чинов, и теперь мы ждем решения. Но независимо от этого сегодня я на свой страх и риск провел репетицию.*

Почему я настроен так пессимистически? Потому что это будет означать не только запрет спектакля. За этим скрывается более серьезное и глубокое явление... Если бы дать этим людям сейчас волю, то они от Пушкина оставили бы тоненький цитатник; Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Сухово-Кобылина — всех троих издали бы на 10 страницах.

ГУБЕНКО Н. Н.*— Для нас этот спектакль — спектакль очищения. Мы приходим на этот спектакль, чтобы очистить себя от бытовой мерзости, которой обрастаем в каждодневной жизни. Мы имеем право сделать такой спектакль, потому что живем в государстве, где существует высокий эталон искренности и правды. Его дал нам Владимир Ильич Ленин и продолжает утверждать Леонид Ильич Брежнев.*

...Сейчас по разговору не понять, с кем имеешь дело. У всех на устах многопартийность, фракция, оппозиция; «Радио Свобода» не только слушают, но и сами по нему вещают; вчерашний секретарь обкома громит Политбюро — храбрый народ. А как вспомнишь — расхрабрились-то совсем недавно. Поэтому сейчас, в 1990-м, интересно послушать, что говорил человек в 1980-м. Что говорил и зачем.

«Главное управление культуры Мосгорисполкома

№ 326-а

2.XI.81 г.

О нарушении руководством Театра драмы и комедии на Таганке решения исполнительного комитета Моссовета № 14/5 от 24.03.70 г. «Об утверждении порядка формирования репертуара и приема новых постановок в театрах и концертных организациях ГУКа».

Несмотря на предупреждение Главка о персональной ответственности руководителей театра, 30 октября в Театре драмы и комедии вновь состоялись теле- и киносъемки репетиции, а 31 октября — публичный показ спектакля, посвященного памяти В. Высоцкого, не принятого и не разрешенного к исполнению ГУК, что является грубым нарушением решения исполкома Моссовета № 14/5 от 24 марта 1970 г.

За грубое нарушение установленного порядка приема и показа новых постановок ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Директору театра и главному режиссеру объявить строгий выговор.

2. Предупредить руководство театра, что в случае неподчинения приказу ГУК будет решен вопрос об их дальнейшей работе в театре.

3. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на начальника управления театров, музыкальных организаций и концертной работы (Селезнева В. П.).

Начальник ГУК — В. Ануров».

— Стоило возвращаться?

— Хорошо бы Феликса убрать — ведь раньше на площади фонтан был. Говорят, что фонтан цел, хранится где-то. Гораздо же лучше, если не будут пугать.

— Русские люди все политики. Будь вы руководителем страны, что вы предприняли бы?

— Стихотворение великое сразу вспоминается Мандельштама убиенного.

— Мы живем, под собою не чуя страны?..

— Да. Что ни день, то Указ — кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз. Что за законы, к которым все время нужны бесконечные указы, дополнения, уточнения, инструкции? И поэтому появляются опять сомнения. Отсюда и пятилетний, в общем, бег на месте.

— Стоило ли возвращаться?

...Я повторяю и повторяю этот вопрос. Дома за ужином; в кабинете Любимова перед телевизором, показывающим схватки Ельцина — Полозкова; по дороге на вечер Эдисона Денисова... Всякий раз Ю. П. отвечает по-иному: то печально (с рюмкой в руке), то с сарказмом (слушая съезд), то грубо ругаясь (утопая в грязи перед памятником Чайковскому).

— Когда я увидел, как меня порезала смелая передача «Взгляд»... А ведь я очень мягко сказал, что литовцы — христиане и не следовало бы объявлять им ультиматум в канун Пасхи. На то, кажется, и Президентский совет, чтобы вовремя посоветовать.

— Вероятно, не сам «Взгляд» вырезал...

— У нас никогда виноватого не сыщешь. Все по-прежнему. Та же система пропусков, грубость, подозрительность. Меня не пускали в телецентр с израильским паспортом — это для них не документ.

— Вы из принципа отправились в Останкино с израильским паспортом? Наслушались про «Тель-Авидение»?

— Советский дома лежит, а с этим я езжу по всему миру — в ОВИРе толкаться не надо, визу просить не надо, бесконечные просьбы писать и месяцами ответа ждать — не надо.

— Русский художник ездит по израильскому паспорту?

— Это не ко мне. Это вы спросите в Верховном Совете у товарища Лукьянова — когда он собирается закон о выезде принять. Другие страны требовали, чтоб я попросил политического убежища. Только Израиль, ничего не требуя, сам гражданство предложил. А Солженицын мне потом сказал: «Это вас Бог надоумил избрать Иерусалим».

...В 1982-м Любимов заканчивал «Бориса Годунова». Казалось бы, Пушкин, русская классика — что может быть лояльнее? Ведь не Брехт, не Можаев, не Высоцкий. В постановку вмешался Брежнев. Взял да и умер. И не поймешь — то ли свинью подложил, то ли на руку сыграл. Но это происшествие актуализировало спектакль до неприличия. На престол генсека взошел Андропов. Ответственные товарищи, пришед на приемку спектакля, услышали (не исключено, что впервые в жизни):

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Заткнув уши, втянув головы в плечи, министерские деятели в ужасе бежали из театра.

СТЕНОГРАММА ХУДСОВЕТА 7 декабря 1982 г.

КАПИЦА С. П.— профессор, доктор физико-математических наук.*— На меня спектакль произвел большое впечатление. Меня поразили его цельность и точность.*

МОЖАЕВ Б. А.— писатель.*— Главная мысль Пушкина в спектакле звучит, проходит красной нитью: «Да жалок тот, в ком совесть не чиста!»*

ШУБКИН В. Н.— профессор, доктор философских наук.*— Я отважусь сказать, что этому спектаклю суждена очень долгая жизнь.*

ШНИТКЕ А. Г.— композитор.*— Я испытал общее эмоциональное потрясение от этого спектакля.*

ЛОГИНОВ В. Т.— доктор исторических наук.*— То, что я увидел сегодня,— это было чудом, которого я ждал несколько лет. Я уверен, что завтра произойдет еще одно чудо. Впервые за все 10 лет я уверен, что Управление культуры Мосгорисполкома примет этот спектакль без замечаний.*

ЛЮБИМОВ Ю. П.*— Я всегда любил оптимистов... О работе над спектаклем «Борис Годунов». Работа была очень тяжелая. Вообще становится работать очень тяжело. Появились странные дела в театральном мире. Это и мои коллеги говорят, что почти нельзя стало работать. У меня много знакомых в разных областях. Позвонишь иной раз по телефону: «Как дела?» — «Слушай, ты можешь работать?», «Понимаешь, нельзя работать!» Эту фразу я все чаще и чаще слышу. Страшная фраза, она должна заставить задуматься людей. А в искусстве это еще страшнее.*

У нас был тяжелый труд, я это повторяю, радости не было никакой. И вот я слышу сегодня, что вы говорите, что на спектакле ощутили радость?! Это самый большой для меня комплимент. Почему? Как Гамлет пророчески восклицает: «Порвалась связь времен»! Художник всегда должен слышать время, всегда должен смотреть вперед. Когда мне товарищи, имеющие власть, начинают говорить такие реплики, как «Подумаем...», «Посмотрим...», «Неоднозначно...», я могу сказать, как сейчас дети говорят: «Мне эти их фразы до лампочки!» В эпоху всеобщей-то электрификации да я еще буду бояться неоднозначности, гореть вполнакала! Чего нам бояться? Мы каждодневно несем на себе тяжелый труд за очень скромное материальное вознаграждение, значит, нами движет другое, другие мотивы нашего поведения. Я говорю это серьезно официальным лицам, которые меня не слушают сейчас и разговаривают, я говорю, что пора официальным лицам научиться слушать тружеников честных и бескорыстных, пора это начать делать, иначе совсем будет сложно работать. К счастью, сейчас и установка идет такая, и мы скоро это все почувствуем.

А на эту пьесу А. С. Пушкина некоторым нашим руководящим работникам надо приходить специально, а театру надо специально выделить им места. И существующую бронь необходимо еще увеличить, чтобы они чаще ходили слушать нашего великого национального гения, который выражает, как никто другой, дух и суть своей нации. Художники чиновников могут многому научить. Зря чиновники не учатся у художников, ведь чиновникам же и будет от этого хуже, а художникам — все равно!

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ в Главном управлении культуры 10 декабря 1982 г.

ДРУЖИНИНА М. Г.— начальник репертуарного отдела Главного управления культуры.*— Актер театра обращается с пушкинским текстом к современному зрителю: что же вы молчите — кричите! А дальше, как известно, «народ безмолвствует». Чтобы избежать двусмысленности такого финала, нужно подумать о возможности его уточнения. А «Вечная память», которая исполняется? Кому «Вечная память»? Опять-таки возникает двойственное восприятие мысли театра. Вряд ли у бродячей труппы, которая разыгрывает спектакль, может быть в запасе тельняшка, в которой выходит Золотухин, или кожаное пальто, в котором играет Шуйский. Мне кажется, что эти современные атрибуты, которые переносят действие, которое происходит в спектакле, также в нашу современность...*

ЛЮБИМОВ Ю. П.*— Ох, тяжела ты, шапка главного режиссера!.. Простите, продолжайте.*

ДРУЖИНИНА М. Г.*— Эти моменты, мне кажется, нужно решить и договориться.*

ЛЮБИМОВ Ю. П.*— А вы разве хотели бы со мной ставить спектакль?*

КАРЯКИН Ю. Ф.— доктор филологических наук.*— Я шел на это заседание, как на праздник. Произошло чудо. Через сто пятьдесят лет произошло чудо, и мы его свидетели: наконец-то «Борис Годунов» возник на драматической сцене.*

ДРУЖИНИНА М. Г.*— Когда я говорила о двусмысленности восприятия, то я имела в виду то, что это безмолвие народное сейчас будет как бы в зрительном зале. Вряд ли правомерно считать это в наши дни возможным.*

ЛОГИНОВ В. Т.*— Принимается этот спектакль или не принимается?*

ИОНОВА Л. П.— ведущий инспектор Управления театров Министерства культуры СССР.*— Начальник управления скажет это в конце.*

ЛЮБИМОВ Ю. П.*— У вас со мной всегда сложности. Двадцать лет.*

ИОНОВА Л. П. *— Лично у меня с вами никогда не было сложностей.*

ЛЮБИМОВ Ю. П. *— Что, вы не знаете, сколько раз меня из театра выгоняли? Не делайте вида, что вы не знаете судьбы Театра на Таганке.*

ИОНОВА Л. П. *— Не нужно разжигать огонь.*

СЕЛЕЗНЕВ В. П.— заместитель начальника Главного управления культуры. *— В отношении тельняшки, галстука и кожанки каждый может толковать по-своему. А зачем этим заниматься, когда это не имеет отношения к деятелям того времени? Почему создается тема для разговора? Никакой необходимости для этого нет. То ли для того, чтобы еще больше зашифровать сложность этого спектакля, то ли наоборот. Это все связано и с народной массой, которая представлена, и народом, о котором идет речь, и шуткой о народной постановке этого спектакля. Возникает ироничность в отношении всего, что касается народности, с первых шагов, когда знакомишься с программкой. Что касается финала спектакля,— настолько уже отбивается и изолируется исполнитель от всего спектакля и настолько заземляется, что выходит в зрительный зал и отторгается, вырывается из контекста. Он в лучшем смысле этого слова провокационно обращается в зрительный зал: отчего вы молчите — кричите! И дальше идет пушкинский текст. Здесь возникает некоторое недоумение. Если даже допустить чисто художественную возможность такого приема, то обращением к сегодняшнему залу персонажа от театра — что, пропускается вся история от Бориса Годунова до сегодняшнего дня? Так и промолчал народ, так и прошли бесшумно эти годы? Здесь где-то и художественная сторона не вполне понятна. Не говорю уже о том, что она привносит сюда и идеологические моменты.*

КАРЯКИН Ю. Ф. *— Идеологические мотивы, вы меня простите,— это очень серьезная вещь. Вы это обоснуйте. Под идеологией здесь подразумевается что-то дурное. Объяснитесь, потому что этот намек некрасив. В чем вы видите идеологические пороки спектакля?*

СЕЛЕЗНЕВ В. П. *— Реплику, которую говорит Губенко, не надо подавать в провокационном порядке. Я говорю не об идеологических мотивах всего спектакля, я говорю о последнем выходе. Я помню все, что говорю, отдаю себе отчет. Происходит передача со стороны Бориса Годунова власти своему сыну, человеку в абсолютно современном костюме, но не скажу, чтобы с абсолютно русским лицом.*

АНИКСТ А. А.— доктор искусствоведения. *— Я не понял насчет того, что Борис Годунов передает власть своему сыну с нерусским лицом.*

СЕЛЕЗНЕВ В. П. *— Ну, он как бы татарин, цыган, что ли, сын его. Если идет намек на определенную национальную принадлежность Бориса, то как-то мы должны проследить это — случайность это или закономерность?*

КАРЯКИН Ю. Ф. *— Вы смеете говорить такое выдающемуся, талантливейшему человеку! У вас нет уважения ни к таланту, ни к искусству, ни к чему. Вы смеете говорить о народе. Вам в спектакле народ не понравился. А народ разный бывает. Народ — гений 1812 года, 1941 года, народ — хамло, пропивающее свою судьбу, народ, который вывезет эту судьбу. Вам это недоступно. Если бы вам написать хоть одну статейку на эту тему, у вас нигде бы ее не приняли по безграмотности вашего выступления. Это безграмотное и хамское выступление.*

ЛЮБИМОВ Ю. П. *— Самое грустное и безнадежное для меня — это то, что слова, которые говорил А. А. Аникст очень деликатно и внимательно к вам, слова, которые говорил писатель Б. А. Можаев, не были услышаны некоторыми представителями управления и ведомства, которому поручили заниматься нами. Вы не услышали ничего этого, вы продолжали администрировать.*

*Вы не захотели услышать здравых голосов, и вы продолжали заниматься критическим разбором и определять мою судьбу и судьбу этого спектакля. Ваше внимание привлекли два-три места, которые являются намеками на события, в то время недавние. Перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, что их можно было истолковать в таком смысле, что все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он вкладывает в уста исторических личностей, он должен заставить их говорить в соответствии с установленными характерами. Поэтому надлежит обратить внимание лишь на дух, в каком задумано все сочинение, и на то впечатление, которое оно должно производить *. Тов. Селезнев усмотрел какие-то скверности. У вас извращенное представление, может быть, благодаря нашей личной неприязни друг к другу. Карякин говорил в ваш адрес, может быть, резкие слова, но и вы тоже учили писателя Можаева, как писать «Живого». Вы дали нам девяносто замечаний и говорили, как нужно переписать это произведение. Министерство культуры РСФСР месяц водило нас за нос, а потом, издеваясь, закрыло спектакль. Вы давно издеваетесь надо мной и над театром, который я возглавляю. Я вам предлагаю окончить все это и отнестись к нам с уважением. Иначе добром для кого-нибудь из нас это не кончится. Взвесят на весах вас и меня и решат. С вами я работать не буду. Я это уже говорил и повторяю сейчас и здесь. Вы некомпетентны и бестактны.*

Басманов говорит: не пьяницу ли Карелу, который продал отечество, пошлешь против меня? Посмотрите произведение, которое написал гений русской литературы. Вы не прочитали как следует и еще учите меня, потому что вам пост дали. И зря это сделали.

Многие из вас не услышали, о чем вам с уважением говорили люди Советского государства — композиторы, писатели, философы, театроведы. Вы не захотели нас услышать. Думаю, что вы не слышите тех новых веяний, которые наступают. Надеюсь, что в скором времени вам дадут соответствующие инструкции, чтобы вы поняли, что так нельзя обращаться с искусством и его представителями.

Вы ничего не хотите понять и продолжаете так же жестоко, оскорбительно администрировать, что запрещено, партией запрещено. Вы дали мне выговор за спектакль «Высоцкий». Вы, тов. Селезнев, вошли в мой кабинет и правильно заметили, что он не мой, а государственный. Может быть, вас назначат главным режиссером Театра на Таганке?

Я смею считать себя лучшим специалистом в режиссуре и в работе с актерами, чем вы. Жизнь так показала, что это моя профессия, я умею это делать, я умею делать спектакли. И жизнь показала, что вы руководить нами не умеете.

Меня с работы снимали и из партии выгоняли за то, что я ставил «очернительное» произведение. И за «Высоцкого» меня таскали по инстанциям. Вы думаете, что я боюсь вас? Мне просто смешно. Так что по существу вопроса: то, что я считаю нужным, я сделаю.

Больше ничего я говорить не буду. Я работаю честно, всю жизнь так работаю. Поэтому меня и оставляли на работе, когда вы меня выгоняли. Не вам меня выгнать. А от вас мне ничего не надо. Зарплату, которую вы мне платите — 300 рублей,— я сдал государству в золоте на пятнадцать лет вперед. А что вы сделали для этого государства? Я сделал больше, чем вы, а вы позволяете себе в таком тоне со мной разговаривать.

Всего вам хорошего, будьте здоровы, до свидания.

— Стоило возвращаться?

— Я был потрясен, когда захлопали Сахарова. Я был глубоко оскорблен за Андрея Дмитриевича, когда его этак рукой просили забрать бумажки, отмахивались, как от мухи. Но что совершенно меня убило — встает вчера депутат и говорит, что вот, мол, нам подали автобусы, мы съездили на могилу Сахарова, очистились и вернулись в Кремль работать. Сперва довели до того света, потом ездят очищаться. Что за цинизм, что за дикость. А теперь они так же Травкина захлопали. Опять кем-то подготовленная обструкция. Видите (смотрим по ТВ Съезд депутатов РСФСР), на балконе сидят 400 так называемых гостей, которые ведут себя безобразно...

— Группа скандирования?

— У товарища Сталина называлась «группа ликования». Их начальник в сортире застрял — некому было сигнал дать, 40 минут непрерывной овации, люди в обморок падали...

...Любимов едет в Англию. Ставит там «Преступление и наказание». На банкете среди похвал и тостов чиновник из советского посольства шипит: «Преступление вы совершили. Теперь ждите наказания». Взбешенный Любимов дает интервью, в котором называет министра культуры СССР химиком (что соответствует профессии кандидата в члены Политбюро П. Н. Демичева). И остается лечиться в Англии.

К этому моменту все уже забыли, что несколько лет назад Анатолий Эфрос снял телефильм по пьесе Булгакова «Мольер», где заглавную роль — роль опального руководителя театра — сыграл (блистательно!) Любимов. Фильм лежал на полке.

«МОЛЬЕР. Я сегодня чуть не умер от страху. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно — что он меня давит! Идол!.. Укладывай все. Сыграю завтра в последний раз и побежим в Англию. Как глупо! На море дует ветер, язык чужой, и вообще дело не в Англии...»

Любимов пишет письмо «наверх», где условием возвращения ставит отмену запрета на спектакли «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов». Надежда (тщетная) на милость Андропова исчезает со смертью генсека. К власти приходит Черненко Константин Устинович.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ЛИШЕНИИ ГРАЖДАНСТВА СССР ЛЮБИМОВА Ю. П.

Учитывая, что ***ЛЮБИМОВ Ю. П.*** *систематически занимается враждебной Союзу ССР деятельностью, наносит своим поведением ущерб престижу СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:*

На основании статьи 18 Закона СССР от 1 декабря 1978... лишить гражданства СССР Любимова Юрия Петровича, 1917 года рождения, уроженца гор. Ярославля, проживающего в Италии.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР ***К. ЧЕРНЕНКО.***

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР ***Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.***

Москва, Кремль. 11 июля 1984 г.

«МОЛЬЕР. Меня раздражают, за мной гоняются! И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище. Стало быть, все будут в ограде, а я около за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это! Всю жизнь вы меня травите...»

— Стоило возвращаться?

— Вернулся, а у вас тут исход. Вернулся один, а бегут десятки тысяч. От страха, от безнадежности, лжи — не знаю. Четыре года врали о Чернобыле — все чисто, все безопасно. За это время сотни тысяч уже заплатили здоровьем и еще заплатят смертями, бесплодием, детьми-уродами. Жертв — как на войне. И никто не виноват. И те же, кто врал, теперь «принимают меры». Они же врут, чтоб паек не потерять, чтоб сладко есть. И никто им не сказал: вы людоеды, подите вон со своих постов. Ведь это ложь не брежневская, о которой и слушать надоело, это ложь сегодняшняя. Опять властители обманывают народ. Ничего не меняется. Люди закупали остатки всего после доклада Рыжкова. У нас всегда бросаются на прилавки грудью, как Матросов на амбразуру. Жрать нечего, а куда танки деть — не знаем. Председатель Совмина раз в жизни сделал хорошее дело: загнал танки, никому не нужные,— так чуть не плакал потом.

— Вас заставляли ставить спектакли к съезду, к юбилею?

— Конечно. Говорили: если хотите работать — ставьте «Мать».

«МОЛЬЕР. Извольте... я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал?.. Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер?.. Но ведь из-за чего? Из-за «Тартюфа». Из-за этого унижался... Ненавижу королевскую тиранию!.. Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь?

— Я поставил «Мать». Они издевались, заставляли по 5—6—10 раз сдавать, запрещали, «Кузькин» («Живой».— **А. М.**) 21 год валялся, а ведь это не книга. Без конца заставляли вхолостую работать, при пустом зале для них играть, как — удельные князья. Это же очень унизительно. Но в то же время я испытывал гордость за актеров — они, зная, что запретят, играли абсолютно свободно и ничего не смягчали. Работали для искусства, для себя.

— Неужели до Фурцевой не доходило...

— До нее Зыкина доходила, когда они вместе закладывали, парились... Она ничего не поняла даже в «10 днях...», расспрашивала Жана Вилара: чего вы им интересуетесь? чего это так хлопают? чего они там увидели? Ей нравились кремлевские концерты во Дворце съездов — свои вкусы, взгляды, пайки, дачи... Они же к искусству не имеют отношения. Вообще искусство никому не нужно. Правителей оно всегда раздражает, не только коммунистов, но и фашистов, и феодалов. Китайские династии до нашей эры с музыкой боролись.

— «Кузькин» не Кант, не Гегель. Что тут не понять?

— Фурцева сказала: «Иностранцам и ездить-шпионить никуда не надо — они тут увидят, что у нас творится». А ее помощник: «Даже если это и было — этого не было, потому что нам это не надо».

— Она ж русская женщина — неужели не брало за душу?

— Она приличней Демичева была. Могла сама позвонить: «Ну что вы там с этим евреем (Якобсоном покойным)? Зачем он вам понадобился?!» Они его не хотели пустить в Италию со мной спектакль ставить. Говорю: вам он тут не нравится, все на него доносы пишут, вот и пустите его выполнять партийное задание на благо Родины. К тому ж и Берлингуэр Брежнева просил. «Да берите вы вашего еврея и уезжайте быстрей!» Мы и уехали. Он хоть перед смертью Италию увидел.

— Юрий Петрович, хотите, я вам «Молодую гвардию» почитаю?

— Роман? Но я же всю эту муру играл.

— Нет, журнал. Вас тут Куняев в диссиденты записал. *«Сейчас судьба диссидентов семидесятых годов всячески героизируется, журналы наши заполнены подборками стихов Галича-Гинзбурга, Коржавина-Манделя, Бродского, Алешковского, страницами из Аксенова и Войновича, воспоминаниями о В. Некрасове, раздаются голоса о привлечении к ответственности различных чиновников, из-за которых вынуждены были остаться за границей Тарковский, Ростропович, Михалков-Кончаловский, Корчной, Неизвестный, Любимов. О них на глазах слагаются легенды, к их устам услужливыми телекомментаторами подносятся микрофоны, о них снимаются фильмы, и мы слышим: «Ах, невозможно было творить: зажим, репрессии; пришлось уехать, но мы все равно останемся деятелями русской культуры». Их судьбы то и дело сравниваются с судьбами Бунина и Шаляпина, Рахманинова и Набокова. Я думаю, что надо бы разобраться поглубже во всем этом потоке оценок и комментариев, потому что причины и цели «третьей», или, как ее еще называют, «еврейской», эмиграции были, как говорится, неоднозначными...»*

— Я знаю — они меня и в евреи записали. Любимов — значит, Либерман. И Солженицына в свое время в Солженицеры записали. Таганку звали еврей-

*** «Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове... Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных... Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано все сочинение, на то впечатление, которое оно должно произвести».**

Из письма Пушкина Бенкендорфу. 16.04.1830. По-французски.

ским театром. Можаеву, Абрамову говорили: «Куда ты идешь, это же еврейский театр!» У меня много евреев артистов. Когда «Гамлета» послали на БИТЕФ в Югославию, то всех евреев не пустили. Смехова, Высоцкого... Сказали: «Введете новых». 16 человек не пускают, зато едет из КГБ куратор, которому фактически все подчиняются (он оформлялся как член коллектива). Я проснулся ночью и решил: не надо никого вводить и ехать, вдруг я не возьму первое место, они и скажут: «Вот вам Таганка вшивая, ничего и взять не могла».

Утром я иду к замминистра Попову. «Вам оказано... это ответственное задание... БИТЕФу 10 лет...» Я посмотрел, подождал, пока он окончит ораторствовать. Доложите своему шефу, что никого я вводить не буду, если хотите — вводите сами, вот вы прекрасно сыграете роль Полония, Демичев-министр — короля, ну а Гамлета выбирайте сами, вам виднее. Всего вам доброго. И вышел из кабинета. И никого не вводил. И все поехали. И «Гран-при» взяли.

— Стоило возвращаться?

— Ловлю себя на мысли, что уже не нужен этому театру. Еще «оттуда» писал Демидовой: это будет возвращение на пепелище. В одну реку нельзя войти дважды. К сожалению моему глубокому. Это мы видим и в масштабах страны... Я родился в 1917-м, 30 сентября,— успел до революции. Прожил тут всю жизнь, пока очередной мудрец из странного органа — Политбюро, не приходя в сознание, лишил меня того, чего невозможно лишить.

— Всегда ли вы держались такого образа мыслей? Испытывали ли вы иллюзии? Были ли обольщены режимом, идеей?

— Верил — нет. Одурманен — был. Мы с братом смели говорить отцу: «Правильно, папа, вас сажали. Вы отсталый тип».

— Павлики Морозовы.

— Нет, мы не доносили. Но представьте: бесконечная пропаганда — как мы растем, как «широко шагаем» — на улице, в школе, везде. А папа говорил: когда кончится это безобразие?

— Стоило возвращаться?

— 6 лет мне было. Школа. Я там учился с нулевого класса. Рядом церковь. В Кропоткинском переулке. Учительница: «Дети, давайте проголосуем: нам мешает эта церковь. Поднимите руки». И подняли. Я не поднял. На следующий день вызвали маму.

И вот теперь то же — с моим сыном. Приехал он из-за границы. Надо учиться. Показали ему школу. Понравилось? Нет. Почему? А почему висит один мужчина везде? Этот мужчина создал все. Он вам все создал, да? У вас повсюду так воняет туалетом, грязно. И почему-то все кричат, никто не слушает друг друга. Я у вас не хочу учиться.

Эта страна всех развратила. Под лозунгами труда и трудящихся тут никто не работает и презирают труд.

— А вы почему любите?

— Семейное. У меня дед трудился всю жизнь, отец тоже. Он увидел это безобразие сразу... 70 лет тянулось. И Николай Робертович Эрдман тоже ошибся. Уж такой умный человек. Сперва он печально говорил: «Ну я, к-конечно, ничего не увижу, но в-вы, Юра, может, что-нибудь и увидите». Потом, через несколько лет: «Юра, я д-должен вас огорчить, вы т-тоже ничего не увидите». Теперь я должен огорчить Президента: он тоже ничего не увидит.

— Спасибо. До свидания.

— Погодите. А почему у вас не платят даже эти вшивые рубли?

— За интервью?

— Да. На Западе за такое интервью заплатили бы минимум пару тысяч долларов, что по курсу здешнему — 40.000 рублей.

— Это не по курсу. Это по рынку.

— И я мог бы тут же их пожертвовать детям.

— Когда «Огонек» станет финансово независимым, мы сможем платить.

— «Покуда травка подрастет, лошадка с голоду помрет»,— помните Гамлета?

— Спасибо, Юрий Петрович, я ушел.

— Прекрасно.

...Мы пишем и пишем о том, что надо вернуть изгнанникам гражданство, надо извиниться. Но сделать это, вероятно, должны не журналы, а правительство. Однако оно уже года три как пропускает это мимо ушей. Видимо, занято.

Но пока мы говорим о возвращении изгнанников, а правительство о них молчит, из страны уезжают — нет, бегут сотни тысяч. И никто ничего не делает, чтобы их остановить. Разве что Верховный Совет в какой-то степени сдерживает исход, не принимая закона о выезде. А что будет, когда примет? Ведь в тот же день могут хлынуть миллионы. С той же «неожиданностью», как хлынули к прилавкам по команде Рыжкова.

И что — опять назовем миллионы граждан предателями Родины? Как назвали этой уголовной кличкой миллионы солдат, попавших в плен по той же причине — по бездарности неграмотного правительства?

А беглецы эти будут не худшие из сынов России, как не были худшими ее солдаты. Ведь покинут дом не придурки, не калеки, не старики, не больные, не чиновники — эти-то все останутся нам. Уйдут крепкие, деловые, грамотные, инициативные, честолюбивые и трудолюбивые — другим там и не пробиться, райские кущи их там не ждут, на море дует ветер, язык чужой... и вообще дело не в Англии...

Кажется, вот-вот услышим начальственное: ничего, введете новых. Введем, конечно, никуда не денемся. Но хорошо ли будут делать дело люди, срочно введенные на роли ученых, врачей, изобретателей? Что будет с нами, если инструкторы, инспекторы, пропагандисты станут стоматологами, скрипачами, доярками — это ведь не Полония играть...

Я говорю со старым вспыльчивым человеком, повидавшим всякое и хлебнувшим всего — и у Берии «плясал», и с «коктейлем Молотова» (бутылка с зажигательной смесью) немецкие танки встречал, и с генсеками ссорился. Мучаю его неприятными вопросами, а он мучает меня, уходя — по его словам — от ответов, как боксер от ударов. И он прав. Ибо сколько можно притворяться, что спрашиваешь, и заставлять человека притворяться, будто он отвечает. Все всем известно, и надоело говорить, надоело прикидываться.

Театр в раздрызге, эйфория по поводу возвращения Мастера прошла, актеры не в форме, Мастеру не удается их сплотить. Жаль. Но что поделать — и страна в раздрызге, и общественная эйфория, увы, прошла, и мы все не в форме, и Президенту остается только мечтать о желанной консолидации.

Любимов поставил два десятка знаменитых спектаклей, он театральная эпоха, но он сделал бы в десять раз больше, если б не сдавал спектакли тупым, лживым, подлым шкурникам по 5—6—10 раз. Голландский фермер один кормит 113 человек. Наш — кое-как четверых. Голландец — вольный, наш — подконвойный. А разве художнику надо меньше свободы, чем пахарю?

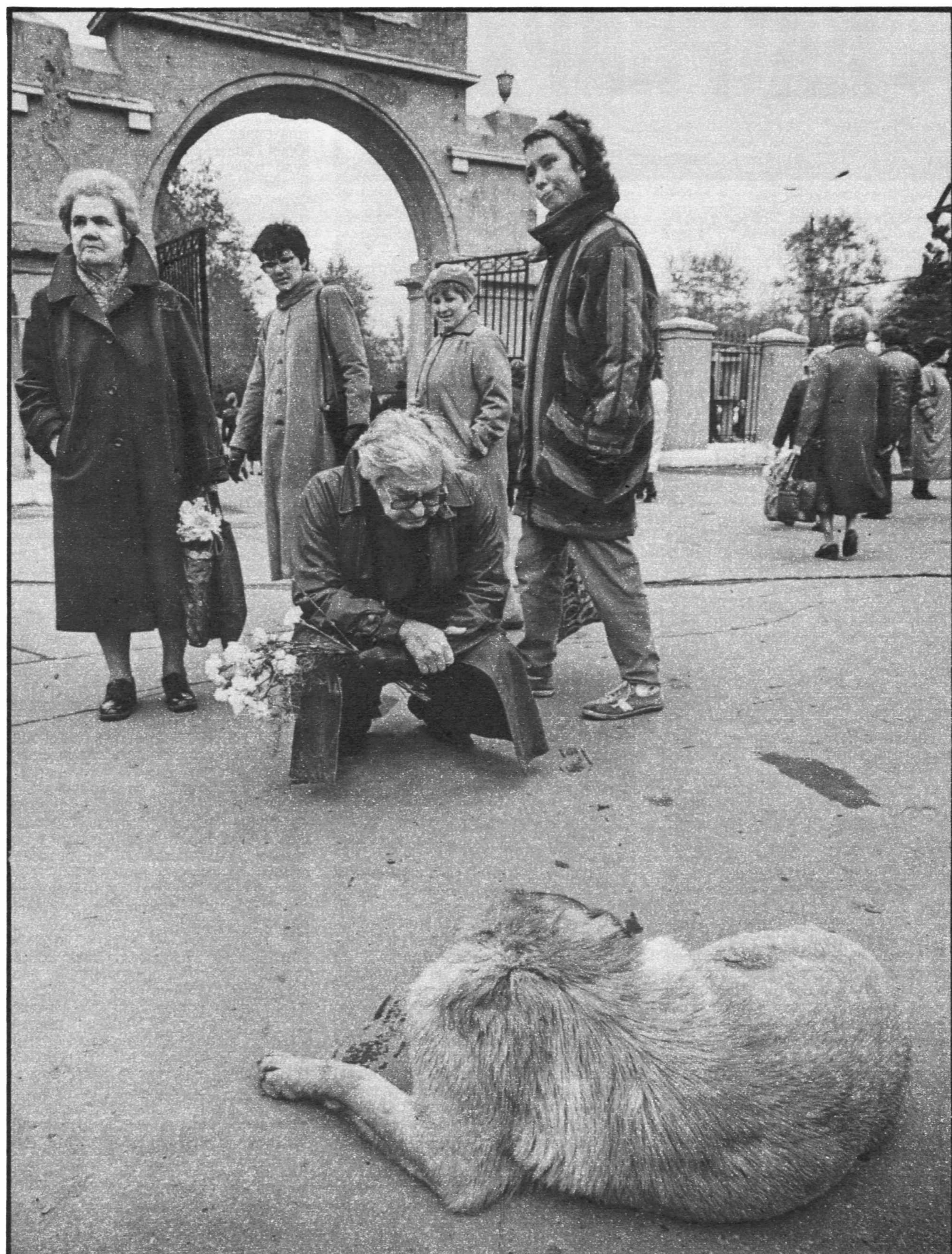
P. S. В приведенных выше стенограммах фигурируют чиновники от культуры: тт. Ионова, Селезнев, Дружинина, Самойленко. Конечно, они были только исполнителями, винтиками. Конечно, приказ закрыть спектакль исходил сверху. Но без послушных винтиков и на все согласных гаечек ничего не завинтишь, не закрутишь. Идет время, винтики и гаечки растут в диаметре, а потом — глядь — это уже ключ и отвертка — надежный инструмент.

В. Селезнев — заместитель директора В/О «Союзконцерт».

М. Дружинина — главный эксперт по театральному искусству СТД СССР.

В. Самойленко, побывав 1-м заместителем председателя Центрального правления Всесоюзного музыкального общества, теперь пишет диссертацию: он — аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедра социалистической культуры, стипендия — 450 руб.

Фото Юрия ***ФЕКЛИСТОВА***

СУДЬБА ПАТРИАРХА

Александр НЕЖНЫЙ

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

(«Откровение святого Иоанна Богослова»; 20, XII).

УСПЕНСКИЙ СОБОР

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Пимен (по первому монашескому имени — Платон, а в миру — Сергей Михайлович Извеков) умер 3 мая в 3 часа пополудни в своей резиденции, на Арбате, в Чистом переулке, где он прожил без года два десятка лет — с тех пор, как в семьдесят первом стал главой Русской православной церкви.

Минувшей осенью я видел его в Успенском соборе Московского Кремля в дни празднования четырехсотлетия учреждения патриаршества в России. По этому случаю в соборе — впервые с 1918 года — разрешена была служба. Патриарха внесли в кресле на амвон (в минуты сильного волнения у него отказывали ноги), и, пока шли летия и молебен, он сидел почти недвижимо, и на пожелтевшем, одутловатом его лице видно было больно поразившее меня выражение глубочайшего одиночества.

Белый ли куколь — знак высшей духовной власти — отъединял его от всех? Болезнь? Или некая сокровенная мысль, тяжкая, как итог всей его долгой жизни,— мысль, которая здесь, в Успенском соборе, жгла ему сердце? Сам факт церковной службы в Успенском соборе, чудное звучание потрясающих слов: «Ты еси Бог, сошедый во ад и узы окованных разрешивый, сам и души раб твоих упокой», пламя возжженных в первый раз за семьдесят лет свечей, и вместе с тем донельзя взволнованные музейные работники, стремящиеся заслонить иконы от уст тех, кто почитал за счастье к ним приложиться,— все это если и вызывало слезы умиления и радости, то с несомненной примесью какой-то горькой отравы. Безмерно унизительным — и прежде всего для Патриарха — было благоволение высшего «светского руководства страны», нисколько не сомневавшегося в своем праве хозяина, бесспорно владеющего всем без исключения достоянием Отечества и, с сознанием этого права в качестве демократического подарка к празднику, разрешившего богослужение в Успенском соборе.

НЕ ВРАГ, НО И НЕ ДРУГ

От такого подарка, думал я, следовало бы с достойной твердостью отказаться, но священноначалие Русской православной церкви за семьдесят лет жизни настолько свыклось со своим подчиненным, зависимым, униженным положением, что даже не помышляло поднять голос против слов и дел власти, какой бы ущерб достоинству и положению Церкви они ни причиняли. Судить не нам; и я, в частности,— какой я судья Патриархам! Но вместе с тем было бы преступным малодушием уклониться хотя бы от попытки понять, отчего все это случилось с ними. Только ли потому, что они были слабые, думающие исключительно о собственном благополучии и покое люди? И только ли вполне человеческие недостатки понудили их к безмолвной покорности, а также к тому, что во сто крат хуже,— к прославлению власти и ее меняющихся кумиров? Однако даже в судьбе Святейшего Патриарха Тихона есть как бы перелом, обозначенный изменением его отношения к большевикам. Пусть это изменение было вырвано у него угрозами окончательного уничтожения Церкви, пусть в кругу близких он объяснял: «Я написал..., что я отныне — не враг Советской власти, но я не писал, что я друг Советской власти» — пусть! Но нам все-таки придется признать, что уже в 1923 году в повестке дня появился вопрос о компромиссе как главном условии существования церковной организации. (Я намеренно умалчиваю о так называемом «Завещательном послании» Патриарха Тихона, которое было напечатано в «Известиях» неделю спустя после его кончины и в котором глава Церкви прямо объявлял себя сторонником и даже другом Советской власти. Слишком много темных пятен в этой истории, и окончательное суждение о подлинности «Послания» можно вынести, лишь познакомившись с архивом Лубянки.)

Вообще говоря, поскольку компромисс есть понятие главным образом политическое, то возникает некоторая, что ли, неловкость, когда оно прикладывается к духовной сфере. Как, в самом деле, уступать хотя бы часть своей совести? Своих коренных убеждений? Своей веры в Воплощенное Слово? Или, к примеру, патриаршим указом вводить в богослужение поминовение «властей», определенно стремящихся сокрушить Церковь? Мучительное, раздирающее, кровоточащее противоречие, способное до конца дней лишить душу покоя! Все и вся обвинят того, кто решится на подобные соглашения: церковный календарь с его передающейся из поколения в поколения памятью о мучениках, жизнью заплативших за свое исповедание; судьбы тех, кто своим подвижничеством, своей жертвенной гибелью на кресте веры и любви осветил темный тупик российской истории.

КАТАКОМБЫ ИЛИ КОМПРОМИСС?

Острие этого вопроса пронзает семь десятилетий советской истории. В той или иной форме он вставал перед совестью целых поколений, и если б сегодня Россия не могла указать на имена епископа Максима Жижиленко, Андрея Платонова, Александра Солженицына, Юрия Галанскова, Андрея Сахарова, то худо пришлось бы всем нам, живым и мертвым, на грядущем Страшном Суде. Слабому человеку даже в самом глубоком и постыдном его падении дается последнее, мучительное утешение в мысли о том, что были, есть и будут люди, свободно вымолвившие слово, которое примерзло к его гортани, не отрекшиеся от веры, которую он предал, и отстоявшие честь, которую он покорно положил под ноги негодяям. В стране, где три величайших зверя: богоборчество, идеология и насилие — выкормили новое существо — без религии, личной нравственности и национального содержания,— в этой стране не удалось тем не менее искоренить святость, в эпоху физического и духовного истребления народа выразившую себя противостоянием злу, жертвенностью и мученичеством за правду.

Вместе с тем глубочайший и не ведомый никому прежде трагизм положения Патриарха Тихона заключался в том, что впервые в истории против Церкви выступила сила, стремящаяся оторвать человека от Бога, создать свою систему ценностей, упразднив мораль, милосердие и добро, и для достижения этих целей готовая абсолютно на все. В «Известиях ЦК КПСС» (№ 4, 1990 г.) опубликовано строго секретное письмо В. И. Ленина В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года по поводу изъятия церковных ценностей и необходимости решительно подавить сопротивление духовенства.

Оно поразительно по жестокости.

Советскому государству нужно золото Церкви. Предлог — помощь голодающим; на самом же деле ценности в основном предполагается использовать совсем по другому назначению: государственная работа, хозяйственное строительство, укрепление международного положения. Но голод («отчаянный голод») весьма кстати: широкие крестьянские массы будут либо сочувствовать изъятию, предпринятому якобы для их спасения, либо окажутся не в состоянии поддержать духовенство. С учетом этого В. И. Ленин уверен: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью». План таков: глашатай государственной политики — тов. Калинин (тов. Троцкий во всем этом как бы совершенно не участвует); **устные** инструкции исполнителям; **устная** же директива судебным властям «чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был поведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров». Патриарха Тихона «целесообразно... не трогать», но ГПУ следить за ним неусыпно; о результатах Дзержинский и Уншлихт пусть еженедельно докладывают Политбюро. И наконец: «На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

В зловещем свете этого письма последовательное уничтожение религии в СССР получает исчерпывающее объяснение.

Из нашего совсем не прекрасного, но хотя бы не залитого кровью **далека** с отчаянно-горьким чувством прослеживаем мы стремление Патриарха Тихона во что бы то ни стало отыскать середину и провести церковный корабль между Сциллой «Живой церкви» с ее угодливостью перед властью и Харибдой ничем не ограниченного насилия, грозящего неволей и смертью Православной Церкви и ее народу. Там, впереди, надеялся, должно быть, он, был Новый Град — и ради него, будто пудовые вериги, Патриарх принял на свои плечи гнет компромисса. Он отказался от катакомб, но до последнего дня ощущал себя как бы распятым на кресте; он хотел сохранить — не себя, не собственное благополучие, не свою жизнь, ценой которой во всякую минуту готов был спасти других,— хотел сохранить Церковь, но с болью чувствовал, что его жертва может оказаться напрасной; он, конечно же, сознавал, что нет ничего более несовместимого, чем провозглашенный в России коммунизм и прирожденный человеческому духу порыв к Небу,— но втайне, вероятно, все-таки надеялся, что рано или поздно Россия переболеет увлекшим ее на Голгофу соблазном земного рая и с покаянием вымолит у Господа последнее и окончательное отпущение своих грехов.

Арест, Лубянка, газеты, согласно изображающие его преступником и многозначительно сообщающие, что он *пока еще жив*, обновленческие епископы, сломленные ГПУ и подписавшие указ о лишении его сана и монашества, гибель келейника Якова Сергеевича Полозова, заслонившего собой Патриарха от пули убийц (Патриарх кинулся вслед за ними с криком: «Вернитесь, вернитесь! Вы человека убили!»),— последние годы жизни сплошь оказались для него великим испытанием. И вырванные у него властью уступки надо рассматривать в их неразрывном переплетении не только с драматическими событиями судьбы Патриарха, но и с происходившей переменой исторических цветов России, день ото дня становившейся все более красной,— в том числе и от проливаемой в ней крови.

Правда, в отличие от своих преемников он умел поставить пределы притязаниям власти и находил в себе твердость ответить тем, кто приносил ему ее новые требования: «Я этого не могу».

Когда таких пределов нет, то всякий компромисс становится похож на ледяную гору, по которой обессилевший человек неудержимо катится вниз.

СОБЛАЗН

Из Успенского собора Патриарха Пимена на кресле перенесли к длинной черной машине. Это был ЗИЛ — автомобиль, предназначенный исключительно для партийно-государственных деятелей из самого высокого эшелона власти.

У собора толпились люди, привлеченные давно позабытым в Кремле зрелищем: Патриарх после богослужения покидает первый по значению храм русского православия. Я подумал, что форма торжества лишь прикрывает унизительную двусмысленность положения главы Церкви. Народ без всякого религиозного восторга, а лишь с жадно-сумрачным любопытством разглядывающий как бы застывшее под белым куколем лицо Первосвятителя; служители музея, с видимым облегчением закрывающие кованые двери собора; и в сопровождении «мерседеса» ГАИ отплывающий с площади роскошный черный лимузин, который вместе с кремлевскими больницами и санаториями, орденами Трудового Красного Знамени и постоянным милицейским постом у ворот Патриархии куда надежней и крепче удерживал Патриарха в неволе, чем когда-то даже камера внутренней тюрьмы на Лубянке...

Перестреляв и пересажав подавляющее большинство архиереев Русской православной церкви, товарищ Сталин в сорок третьем году перед приездом делегации союзной державы во главе с настоятелем Кентерберийского собора велел доставить к себе трех живых митрополитов. Он выслушал их просьбы и, со своей стороны, нисколько не сомневаясь, что кадры есть кадры и они решают все, предложил церковному руководству уютный особняк в хорошем месте — бывшую резиденцию германского посла в Чистом переулке, а также щедрую помощь правительства в решении непростых вопросов питания и транспорта. Для патриаршего местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского), четырежды сидевшего, уклонявшегося в обновленчество и приносившего затем покаяния Патриарху Тихону, провозгласившего в двадцать седьмом году преданность власти не только по долгу, но и по совести (что не спасло, однако, Церковь от разгрома, а священнослужителей — от террора), написавшего в сорок втором предисловие к книге «Правда о религии в России» (где правдой [illegible] ложь),— для него свидание с Вождем явилось несомненным торжеством и неопровержимым доказательством глубокой и терпеливой мудрости компромисса. И сколь бы ни была страшна цена прожитых под рукой рябого недоучки лет, какая бы исполинская гекатомба трупов ни высилась позади, как бы поруган и унижен ни был Храм — все это уже не имело существенного значения. Побеждающий в великой битве коммунистический вождь наверняка сбросит опостылевшую и теперь уже ненужную ему маску и провозгласит себя тем, кто он и есть по сути: самодержавным монархом, Александром Македонским, повелителем половины земного шара, а трепещущую от ужаса и любви Советскую Россию — своей империей.

Богослов, человек, покоривший искушенную петербургскую интеллигенцию, поборник соборных начал православной жизни, монах — неужто он не сознавал, **кто** благодетельствует Церкви? Неужто смотрел на **него** затуманенным от восторженной преданности взглядом Константина Симонова? Неужто не отдавал себе отчета, что нет ничего ужасней, чем милость палача?

Мучительно выговаривается тяжелое слово: соблазн.

Но было бы, наверное, несколько упрощенно олицетворять его исключительно с отдельными личностями, какое бы высокое положение в церковной иерархии ни занимали они. Конечно, соблазн есть прямое следствие компромисса, которому сильная воля не положила непреходимый предел. Быстро вниз несут с ледяной горы сани... Но прежде всего соблазн заключен в исторически неверном разрешении темы Церкви и Царства, в стремлении Церкви заключить союз с государством, объединиться с ним, быть заодно — вместо того, чтобы свободно, как, например, в Киевской Руси, поверять его действия вечным образом Христа. «Сергианство» — явление не только и не столько советское, но и московское, хотя, разумеется, в своем последнем воплощении оно производит наиболее тягостное впечатление.

В представлении фундаменталистов в историческом православии нет изъянов, и всякая, даже самая добросовестная, попытка поразмышлять о судьбе Патриарха кажется им недопустимой. Но меня ободряет своим заветом глубоко православный человек и величайший христианский писатель Федор Михайлович Достоевский: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего». Так вот: здесь правда заключается в том, что в судьбах четырех Патриархов происходит как бы снижение, усыхание, умаление их человеческого и первосвятительского величия; трагизм брошенного государству вызова теряет общенациональное, общенравственное значение, переходя в глубоко личное переживание несоответствия должного и сущего; внутреннее отрицание антихристианской власти, невысказанное, перегорает в глубочайшую безнадежность; и глава Церкви, вытесненный исключительно в алтарь, лишенный всякой возможности честного общественного служения, окруженный подставными фигурами, изо дня в день пьет подслащенную отраву унижений — само собой, из позолоченной чаши.

Компромисс и соблазн оборачиваются неутихающей мýкой; две с половиной тысячи греко-католических храмов, с благодарностью принятых из рук власти в сорок шестом году,— нынешними церковными нестроениями; подмена действительных выборов Патриарха хорошо поставленным спектаклем открытого единодушного голосования за одного кандидата — острейшей проблемой доверия к высшей церковной власти*.

ДВА ВАЛЕНТИНА

Одно из последних заседаний Священного Синода при Патриархе Пимене было посвящено событиям во Владимирской [illegible] стным хотя бы по передачам «Пятого колеса». Архиепископ Владимирский и Суздальский Валентин (Мищук) своим указом перевел архимандрита Валентина (Русанцова), настоятеля Цареконстантиновского храма в Суздале, на другой приход, в город Покров. Архимандрит прослужил в Суздале семнадцать беспорочных лет, восстановил три храма, его любят верующие, с искренним уважением относятся горожане, избравшие священника своим депутатом (прошел безоговорочно в первом же туре, хотя предвыборные страсти в Суздале горели в полный накал),— православный народ, отчаявшись умолить правящего архиерея, а затем и Синод, встал стеной: верните нам нашего батюшку! Никакого желания перебираться в Покров не проявил и сам архимандрит.

* В сорок четвертом году епископ Лука (Войно-Ясенецкий) предложил избрать Патриарха тайным голосованием из нескольких кандидатов, но ни у кого из архиереев поддержки не получил и в остраstку не был даже зван на Поместный собор, который и провозгласил «аксиос!» митрополиту Алексию (Симанскому). В семьдесят первом было то же самое: единственный кандидат — и никаких тайн при голосовании. Эта типично советская процедура — несомненная насмешка над соборностью как основой церковной жизни. Кроме того, она выхолащивает мистическую суть предшествующей избранию молитвы: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» — ибо Святой Дух не имеет отношения к назначению Патриарха.

И пошло-поехало: крестные ходы в Суздале (приехав туда, я пристроился рядом с бабушкой крохотного росточка в старом зимнем пальто с виднеющимся из-под него подолом синего в цветочках платья; она едва удерживала в руках транспарант с надписью: «Архиепископу, называющему свою паству «черны», место на свалке истории» и жаловалась сама себе: «Мучают, мучают... Президента скорее выбрали», нестройно пели «Царю небесный...»), депутации верующих в гор- и облисполкомы, к архиерею, в Москву, телеграммы чуть ли не в ООН, «Пятое колесо», показавшее нам очередной митинг, с трибуны которого прихожане требовали оставить архимандрита в покое и согласно обличали «высшие сферы церковной власти», и беседу архиепископа Валентина с Беллой Курковой: он ей голосом доброго пастыря толковал про незыблемость канонов «со времен апостольских, невзирая ни на какие государственные власти, на перемены политические» (совершенно хладнокровно, надо признать, выдавая желаемое за действительное), а она пыталась привлечь его внимание к народному чувству, неизвестно зачем прибавляя при этом: «Я хоть человек неверующий, но крещеный, у меня мама верующая», статья в «Московском церковном вестнике», прозрачно намекающая, что за Валентином-архимандритом стоят какие-то темные силы, но зато Валентин-архиепископ чист, как жертвенный агнец...

Все это выглядело бы, наверное, даже и смешно, если бы не было так грустно. И взятая сама по себе суздальская история на фоне прочно скрепленной иерархическими обручами и спаянной канонами Церкви воспринималась бы скорее всего неким недоразумением, промашкой, анекдотом, если бы этот фон не представлял собой сегодня в немалой степени всего лишь декорацию, а события в древнем русском городе не оказались бы, к несчастью, точным показателем глубоко поразивших церковное тело недугов.

Никто не мог дать внятного объяснения причины, побудившей правящего архиерея издать указ о переводе архимандрита из Суздаля в Покров. Один умный человек во Владимире сказал мне, что до сути я тут никогда не докопаюсь, и, похоже, был прав.

Суть дела заключалась тут, однако, вовсе не в каких-то тайнах епархиального двора, не в коренном несходстве [illegible] Валентинов и даже не в руководящей руке уполномоченного Совета по делам религий А. И. Шибаева, в совсем недавнем прошлом — заместителя начальника УКГБ Владимирской области, крупного специалиста по работе с Церковью*,— а в том печально-общем, что можно встретить в церковной жизни и Владимира, и Киева, и самой первопрестольной... Ну, например: зачем, спрашивается, архимандриту писать отчеты своему начальству об иностранных гостях, посетивших суздальский храм: кто что сказал, кто чем интересовался? Само собой, еще вчера в эти и другие подобные доклады пусть одним глазом, но непременно заглядывала наша госбезопасность; быть может, заглядывает и теперь, хотя по нынешним временам ей нет ни малейшего прока в откровениях какого-либо западноевропейского идеалиста.

Люди (в том числе и в Церкви) меняются, и нет ничего страшного, что архимандрит решил, наконец, избавиться от опостылевшей обязанности. Архиепископу же, судя по всему, даже страшно помыслить, что можно и нужно жить иначе и что вовсе не обязательно пересыпать нафталином прежние нравы. «На господ,— указывал старший саном Валентин другому,— на всех нужно писать отчеты. Мы не маленькие дети!» И мне объяснял: «Я в Загорске приемами занимался, тоже отчеты писал. От нас требуют, мы требуем».

* Из КГБ он ушел на заслуженный отдых, но разве можно было допустить, чтобы такой опыт пропал втуне!

Есть люди, у которых восприятие и понимание действительности искажено безусловным примером их собственной жизни. Я писал отчеты — пиши и ты; я в пять лет, не прекословя священноначалию, поменял четыре епархии — не перечь и ты; я ни на шаг не отступал от послушания — повинуйся и ты, поскольку сверху виднее. Вот, пожалуй, и все доводы архиепископа Валентина; и все они, будто жучком-древоедом, изъедены какой-то глубокой внутренней фальшью.

Эта фальшь — неудобоносимое иго наших дней.

Даже самые высокие слова могут вызывать мучительную неловкость, будучи произнесены не только без уважения к их священному смыслу, но и без подтверждения личным подвигом, жертвой, страданием или хотя бы безупречной нравственной чистотой. Привычно-служебное использование как бы перерубает их сакральные связи и, низводя в плоскость обыденного, превращает раскаленные угли в остывшие головешки. В полумраке, прежде окружавшем церковную жизнь, многим священникам и архиереям было куда спокойней, чем нынче. Глубоко и тревожно задумавшееся теперь о своей судьбе общество шагнуло к церковному порогу с уймой разнообразнейших вопросов, на которые, как выяснилось, дать истинно христианские ответы не в состоянии даже и епископ. Вот вопрос: зачем отрывать священника от прихода, которому он отдал треть своей жизни, где сплотил верующих и где, как я уже сказал, его чтят, ценят и любят? Церковная целесообразность, звучат в ответ слова, монашеское послушание, иерархия, в которой меньший благословляется большим, апостольские правила... Господь кроток и смирен сердцем, что должно быть примером для всех верующих. В Церкви всегда возможно раскаяние.

Но избыток елея все труднее выдавать за истинно христианское чувство. И ссылками на безусловную власть апостольских правил, послушания и церковной дисциплины все трудней становится прикрывать извращение основ, на которых стояла и стоит Церковь. Ибо в Иерусалимской церкви все существенные вопросы апостолы решали вместе с народом (апостолы! — чьи полномочия, имеющие источником самого Иисуса Христа, наверное же, были несколько весомей полномочий архиепископа Валентина и даже Священного Синода). Ибо двенадцатого апостола — вместо удавившегося Иуды — избрало все братство (причем из двух кандидатов). Ибо первых диаконов «из среды себя» (Деян., 6,3) опять-таки выбрал в Иерусалиме сам народ.

Да, иерархия необходима; но ее краеугольный камень и главная опора — народ Божий, верующие, миряне, обладающие присущей им харизмой и своим словом подтверждающие верность всего, что совершается в Церкви. Власть епископа велика; однако она не может существовать, не учитывая воли народа и не стремясь к согласию с ней*.

После всего сказанного я готов к обличениям в собственный адрес: вот он я; давайте, православные. Иные из них, надо сказать, бранят меня как бы вообще, как типичное и гадкое для них явление «левой» прессы, ничего не смыслящей в церковной жизни, но с наглостью о ней рассуждающей. При этом братья и сестры приводят неизвестно откуда взятые цитаты, называя их авторов и своих, стало быть, противников «нежно» пишущими о Церкви журналистами» или «легкими на подъем нежными журналистами». (См. для примера «Литературную Россию» от 1. 6. с. г.

* В пятом веке Святой Лев Великий, папа Римский, писал: «Никто да не поставляется против воли и желания народа, чтобы народ, пережив принуждение, не возненавидел и не стал презирать нежелаемого епископа».

или «Московский церковный вестник» № 10, 1990 г.) Таким образом, моя фамилия используется совсем уже в нарицательном смысле. С одной стороны, это даже и лестно, но с другой — нельзя не посочувствовать людям, обладающим столь убогим воображением. Но есть камни, запущенные непосредственно в меня. В еженедельнике Детского фонда имени В. И. Ленина «Семья» в ответ на мою статью «Возвращение блудного сына» («Огонек» № 15, 1990 г.) некто О. Александров грянул свою, в которой недрогнувшей рукой пририсовал мне лживое лицо какого-то политиканствующего прилипалы, посягнувшего на Русскую православную церковь, а главное — на священную, будто индийская корова, особу члена правления Детского фонда митрополита Мефодия (Немцова). О. Александров — это псевдоним, маска, за которой автор спрятал собственное природное имя, не желая выставлять напоказ своей симпатии к богатым и семейным князьям Церкви. Псевдоним! Ведь это стыдно...

В одном монастыре я наблюдал както раз встречу архиерея. Все волновались; но особенно волновалась дурочка лет, наверное, шестнадцати, то и дело выбегавшая куда-то за Святые врата, возвращавшаяся и убегавшая снова. Ударил колокол. «Едет!» — закричала дурочка, и на лице ее засияла такая чистая, такая неподдельная радость, что я не знал, плакать мне или смеяться.

Вопрос в том, станем ли мы восторженно кричать: «Едет!» — или сначала потрудимся узнать, кто именно прибывает к нам в архиерейской митре.

Будем ли умиляться благостным картинам церковной жизни или осознаем, что наша Церковь больна так же, как наше общество, и что путь к духовному возрождению существует только один: покаяние.

ГЛАС НАРОДА — БОЖИЙ ГЛАС

Когда Синод пытался вникнуть в истоки суздальских событий, то главной их причиной высокопреосвященные митрополиты и архиепископы сочли трудный характер архимандрита Валентина. Отсюда и благие советы, которые, к примеру, изобильно расточал митрополит Киевский Филарет (Денисенко),— о необходимости монашеского послушания, раскаяния и заботы о спасении. Оптинский старец Амвросий в таких случаях говаривал: «Не хвались горох, что ты лучше бобов: размокнешь — сам лопнешь». Конечно, архимандрит Валентин для правящего архиерея не подарок. Да ведь один Бог без греха, и суздальский настоятель эту истину опровергать не дерзает.

Но как бы ни был он в глазах некоторых членов Синода безнадежно плох, суть дела вовсе не в нем. Суть дела — в окаменевшей за годы и десятилетия народного безмолвия привычке не считаться с мнением и чувствами верующих — привычке, свойственной, к моему горькому изумлению, не только представителям власти.

Цареконстантиновская церковь — одна из семи с лишним десятков, некогда украшавших Суздаль,— построена в 1707 году посадскими людьми. Потомки этих посадских людей окружили меня в притворе храма, и сейчас, много дней спустя, вспоминая их голоса и лица, я понимаю, что мне довелось услышать голос безмерно настрадавшейся России, моей родины, и увидеть ее измученное, прекрасное лицо. Мы — русские, мы — христиане, раздавалось под сводами храма, почему владыка к нам так относится? Почему не хочет посмотреть народу в глаза? Мы восемь часов стояли возле Патриархии, в Чистом переулке, и нас не приняли.... Несправедливость исходит от высшего духовенства! Кому мы будем верить?! Нам и без того лгали семьдесят лет, нас обводили вокруг пальца... Вы думаете, мы не знаем, что и здесь, в Церкви, нужен осведомитель? Зачем нам это? Какие мы преступники, чтобы из нас вытягивать? Из нас все выжали, так дайте же нам дышать свободно! Душу нам дайте расковать! Истосковалась душа человеческая, и в храме ищет отдыха, успокоения и чистоты. Так не мешайте ей! Оставьте нас и нашего священника в покое!

И тогда, и теперь горло мне сжало.

Иногда я думаю, что нынешняя наша смутная пора при всех своих тяготах все же гораздо благоприятней для молодых людей, чем удушливая эпоха, выпавшая на долю моего поколения, и несравненно милосердней, чем кровавая стезя, по которой прошли сверстники Патриарха Пимена. В 1927 году, когда Церковь, казалось, была обречена и когда всякий, связавший с ней судьбу, по доброй воле выбирал себе крест и Голгофу, в пу́стыни Параклит неподалеку от Сергиева Посада черную рясу надел на себя семнадцатилетний Сергей Извеков, принявший при пострижении в рясофор первое монашеское имя — Платон. Рассказывают, что уже в те времена (или несколько позже) один старец уверенно пророк ему будущее патриаршество; рассказывают также, что однажды, на два дня отлучившись в Москву, молодой монах по возвращении в Параклит застал его опустевшим и разгромленным; передают, что после этого его укрыла некая монахиня и в ее превратившемся в катакомбу жилище он зарабатывал на хлеб, помогая ей стёгать одеяла.

Опубликованная после кончины Патриарха официальная биография почти ничего не говорит нам об этом отрезке его жизненного пути; ничего не сообщают разного рода статьи, как в «Правде», так и в «Церковном вестнике» (замечательно, что полярность этих изданий не помешала им на сей раз выступить удивительно согласно и вместо почившего Патриарха изобразить совсем другого человека); и никто не обмолвился ни единым словом, что Патриарх Пимен в конце тридцатых годов был студентом ИФЛИ, посещал семинар поэзии и писал стихи. (Быть может, будущие добросовестные биографы Патриарха познакомят нас с творчеством монаха-поэта; во всяком случае, известно, что его религиозное и поэтическое вдохновение выразилось в замечательных по чувству акафистах Божьей Матери и преподобному Серафиму Саровскому.) Потом была война (старшина, младший лейтенант; ранение), и, если не ошибаюсь, в сорок четвертом — Муром, Благовещенский собор, настоятелем которого он стал. Дальнейший его путь уже на виду: Одесса, Ростов-на-Дону, наместник двух монастырей: Псково-Печорского, а затем Троице-Сергиевой лавры, епископ Дмитровский, архиепископ Тульский, митрополит Крутицкий и Коломенский, Патриарх.

Внешне его судьба изображена достаточно четко; но во внутреннем, сокровенном ее содержании есть, мне кажется, много такого, что доставляло Патриарху глубокое и непрекращающееся страдание. Ведь если решение семнадцатилетнего юноши принять монашество было выбором чистого, верующего, мужественного сердца, если оно было единственной возможностью утолить жажду иной жизни и если постоянное общение с Богом было прочувствовано как основа и главная радость бытия, то сколько, наверное, потрясений пришлось пережить Патриарху, сколько боли загнать в глубь себя, чтобы в конце концов так раздвоить свою душу, что верующая, молитвенная, рыдающая ее часть вполне соседствовала в ней рядом с другой: остывшей, равнодушной и ожесточившейся.

Он был свидетелем методических истязаний, которыми поочередно убивали Церковь председатели Совета по делам религий Карпов и Куроедов и которые вынужден был терпеть Патриарх Алексий; он был очевидцем его тщетных попыток убедить Н. С. Хрущева снять с горла Церкви наброшенную и все туже затягивающуюся петлю или хотя бы ослабить ее удушающий перехват; он знал, как готовились и появлялись на свет проклятые грамоты, после которых исчезали монастыри, стихал колокольный звон, запустевали и разрушались храмы и великая печаль входила в народное сердце. Будучи митрополитом Крутицким и Коломенским, он отозвался о бесстрашно высказанной священниками Николаем Эшлиманом и Глебом Якуниным правде о положении Русской церкви как о попытке **прошибить стену лбом**; будучи Патриархом, он оставил без ответа горькие слова обращенного к нему великопостного письма Александра Исаевича Солженицына: «Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архипастырей Русской церкви земная власть выше небесной, земная ответственность — страшнее ответственности перед Богом»; и, обладая властью первосвятителя Русской православной церкви, он не осмелился возвысить свой голос против решений Совета по делам религий или против бесцеремонного вмешательства государственной безопасности в церковные дела.

Но всякий раз после поездок в Совет или после визитов в Чистый переулок гостей из особого ведомства он долго молился в каком-нибудь из московских храмов.

В последние годы он становился все более замкнутым и молчаливым; избегал разговоров возле телефонных аппаратов и лишь изредка — чаще всего на прогулке — мог высказаться по злобе дня или обратиться к воспоминаниям о давно минувших днях.

Опыт его долгой жизни выработал в нем, по-видимому, глубочайшую уверенность в том, что ничего тут переменить нельзя. И он как будто бы не ошибся. Новый председатель Совета по делам религий Ю. Н. Христорадиов сразу же заставил Патриарха испытать еще одно унижение: отказавшись принять во внимание, что глава Русской церкви стар и болен, он велел вызвать его для официального представления в свой кабинет.

Патриарха Пимена доставили в кресле; председатель прочел по бумажке заранее заготовленную речь; Патриарх молча кивнул, и его унесли.

КОНЧИНА

На третье мая было назначено заседание Священного Синода. В этот день, с утра, Патриарх Пимен причастился Святых Тайн; ему помогли одеться и сесть за стол, чтобы он мог принять и благословить уже собравшихся в соседней комнате членов Синода. «Ваше Святейшество, — спросили его, — выпьете чайку?» Патриарх слабо махнул рукой.

Внезапно он вздохнул несколько раз глубоко и сильно, его глаза остекленели, и голова поникла.

Думая о нем и молясь о прощении его грехов вольных и невольных, мы не можем не сознавать, что кончина Патриарха Пимена как бы подводит черту под страшной эпохой направленного против Церкви государственного террора. И угроза раскола, нависшая сегодня над Русской православной церковью, обусловлена не только семьюдесятью годами ее существования внутри враждебной ей общественно-политической системы, не только бесконечными компромиссами, подорвавшими ее нравственную стойкость, но и причинами, кроющимися в самой церковной организации.

В самом деле, не может быть духовно здоровой Церковь, если ее епископы не будут считаться с волей народа. Синод, оценивая суздальские события, больше всего, мне кажется, опасался возникновения соблазнительного примера неподчинения правящему архиерею, но взамен получил **тихий взрыв**, в итоге которого весь приход во главе с архимандритом Валентином откололся от Русской православной церкви и перешел в юрисдикцию Русской церкви за рубежом. Причем ныне это не представляет собой какого-то несчастного исключения. Вслед за клириками и мирянами Цареконстантиновского храма в Русскую зарубежную церковь ушли несколько священнослужителей Омско-Тарской епархии, убежденные, что «политикой соглашательства с разрушителями святого православия в недавнем прошлом наши иерархи ничего не приобрели: Церковь держится не политикой, а кровью мучеников за веру...». Прихожане Успенского храма в Кременчуге тщетно пытаются вернуть любимого народом священника, иеромонаха Аввакума (Давиденко), без всяких оснований отстраненного от служения епископом Полтавским и Кременчугским Саввой; тщетно пытаются они донести свою боль до Патриаршего Экзарха, митрополита Киевского Филарета; и тщетно предостерегают: «Проснитесь, иерархи! Скоро труба громогласная затрубит, и погибнут все дачи, коттеджи и машины. Не ждите раскола Церкви!»

Не может быть истинно свободной Церкви, если у ее священнослужителей сохранится желание во что бы то ни стало угождать партийно-советскому начальству. Только в бредовом сне (какими все чаще мучает нас наша действительность) могло появиться послание, с которым обратился к настоятелям Котовского благочиния Одесско-Херсонской епархии благочинный округа, протоиерей Александр Мельник. Преданный правящей партии, протоиерей велел внушить верующим, что голосовать на выборах в Верховный Совет Украины следует исключительно за секретаря Одесского обкома Компартии Украины Р. Боделана. «Зачеркнуть других кандидатов, а оставить Боделана Р. Б.,— разжевывал о. Александр, а потом и вовсе клал в рот: — Призвать можно с амвона и на требах, когда бываем». И если бы он один был на всю Русскую православную церковь со своей прочной привязанностью к уполномоченному (бывшему работнику обкома партии), к районному и областному начальству — и со своей ненавистью к проклятой интеллигенции, укоряющей его, протоиерея, забвением Христовых заповедей!

Не может быть подлинно христианской Церковь, если ее служители будут отравлены ядом шовинизма. Увы, есть и эта болезнь в теле Русской церкви, и ее коснулось это дикое наваждение, этот отвратительный соблазн и предательство Иисуса Христа. В старой России православный священник спасал евреев от погромов и пытался образумить толпу евангельским словом и святым крестом * — неужто в нашей, возвращающейся к своим истокам России священник станет внушать прихожанам зловещую мысль о еврейском заговоре, сея в сердцах ненависть и подбивая к насилию и крови?!

Но, слава Богу, не только этим определяется наследство, оставленное Патриархом Пименом. В конце концов в тысячелетнем христианском пути России последние семьдесят лет составляют всего лишь сравнительно короткий отрезок. Там, позади него,— свыше девяти веков исторической работы, подвиги святости, вершины культуры и поднимающаяся надо всем вечно живая и животворящая Любовь. Она и спасла нас от непоправимого уродства. И если мы еще люди — то лишь благодаря Ей.

И обращаясь к новоизбранному Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию (Ридигеру), я хотел бы сказать: «Ваше Святейшество! Вам предстоят труды чрезвычайной важности и ответственности — труды по очищению и оздоровлению Церкви. Время компромиссов и унижений прошло, кануло в Лету, и от всех нас зависит, чтобы оно никогда более не вернулось. Но не следует нам забывать его горьких и страшных уроков. Настало время свободного христианского делания».

---

* Святой Иоанн Кронштадтский писал в связи со страшным кишиневским погромом 1903 года: «Русский народ! Братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделались варварами — громилами и разбойниками людей, живущих с вами в одном отечестве?»

В день празднования Всех Святых в Богоявленском Патриаршем соборе состоялось возведение на Патриарший престол (интронизация) избранного накануне Поместным собором Русской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Фото Павла **КРИВЦОВА**

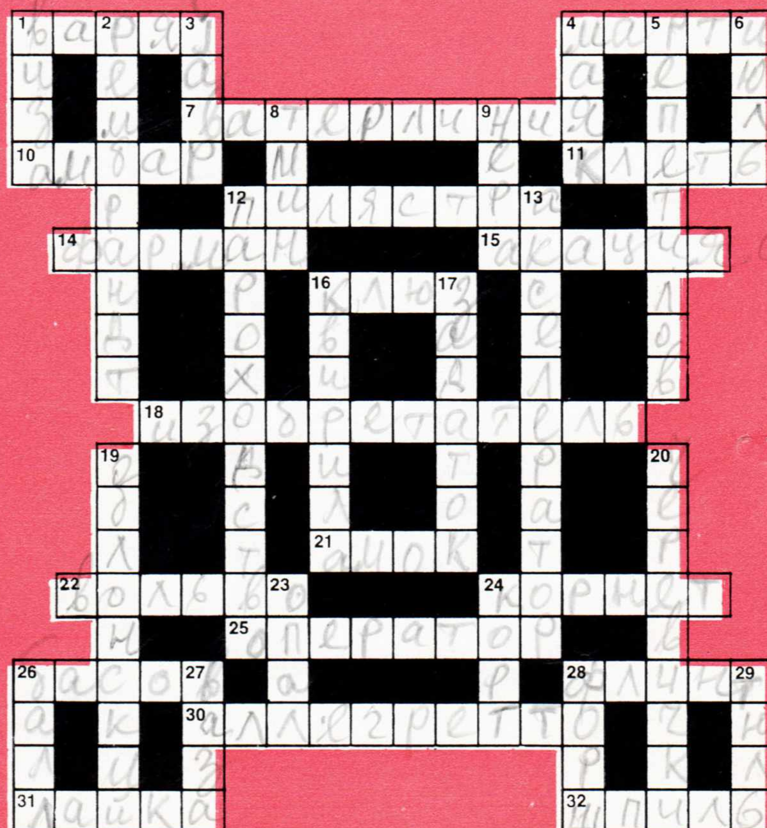
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Русская народная песня. 4. Национальный герой Кубы, писатель. 7. Черта вдоль борта судна, обозначающая его нормальную осадку. 10. Зернохранилище. 11. Основная часть прокатного стана. 12. Четырехгранная полуколонна на поверхности стены. 14. Французский авиаконструктор, летчик, один из пионеров авиации. 15. Древесное растение семейства бобовых. 16. Отверстие в палубе судна для якорной цепи. 18. Создатель нового. 21. Новелла С. Цвейга. 22. Марка автомобилей шведской фирмы. 24. Музыкальный духовой инструмент. 25. Специалист, управляющий с пульта работой ЭВМ. 26. Физик, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 28. Город на севере США. 30. Темп в музыке. 31. Охотничья, ездовая собака. 32. Вертикальное остроконечное завершение здания.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Разрешение на въезд, выезд или проезд через страну. 2. Голландский живописец XVII века. 3. Порт во Франции. 4. Башня с сигнальными огнями. 5. Действующее лицо в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 6. Месяц календарного года. 8. Травянистое растение, плоды которого употребляются как пряность. 9. Приток Индигирки. 12. Предприятие водного транспорта. 13. Регулятор количества горючей смеси в двигателе внутреннего сгорания. 16. Река в Грузии. 17. Денежная сумма, выдаваемая в счет причитающихся платежей. 19. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 20. Опера П. И. Чайковского. 23. Драгоценный камень. 24. Спортивная площадка для игры в теннис. 26. Цифровая оценка успехов. 27. Изящный сосуд для фруктов, цветов. 28. Советская писательница, автор трилогии «Радищев». 29. Тонкая сетчатая ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 26

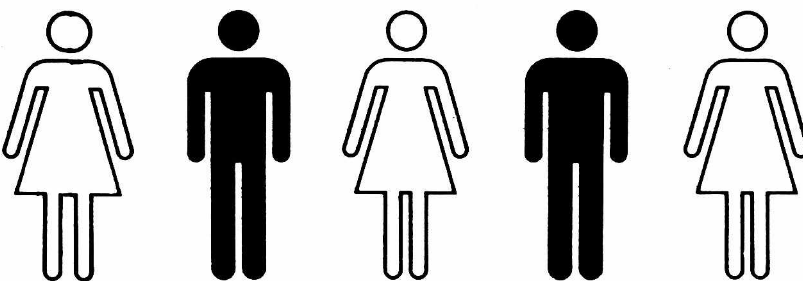
По горизонтали: 4. Лейтенант. 7. Зарема. 8. Рефрен. 9. Дивизия. 12. Труппа. 13. Осмий. 16. Корбут. 18. Тагор. 19. Алтын. 20. Твардовский. 21. Витас. 23. Строй. 25. Алазея. 26. Штрих. 28. «Синица». 31. «Рогнеда». 32. Бронза. 33. «Мальва». 34. Баскетбол.

По вертикали: 1. Декада. 2. Героизм. 3. Снаряд. 5. Гамбург. 6. Вельбот. 10. Спортсмен. 11. Можайский. 12. Титовка. 14. Студент. 15. Иравади. 17. Тунайча. 22. Траверс. 24. Ртищево. 27. Рентген. 29. Гранат. 30. Камзол.

УСПЕХ НАШИХ КОНТАКТОВ — УСПЕХ ВАШЕГО ДЕЛА!

Информационно-коммерческое агентство «Москва» (государственная хозрасчетная организация Московского кадрового центра при Главном управлении по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома) приглашает вас к сотрудничеству!

Для работников кадровых служб, руководителей институтов, факультетов, курсов повышения квалификации, школ менеджеров, директоров совместных предприятий мы предлагаем первое отечественное периодическое издание — информационный бюллетень «Кадры». На страницах нашего издания — передовой отечественный и зарубежный опыт, методика отбора и обучения персонала всех уровней, проблемы занятости, трудовых конфликтов и их разрешение, а также реклама фирм и организаций, обеспечивающих работу с кадрами. Периодичность бюллетеня «Кадры» — 6 номеров в год, стоимость — 180 рублей, годовой объем — 30 листов.

Заявки на бюллетень 1991 года высылайте на бланке организации вместе с копией платежного поручения по адресу: 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 8, строение 2, ИКА «Москва», редакция «Кадры». Наш расчетный счет: Российский коммерческий банк, ИКА «Москва», р/с 161117, МФО 201791 МГУ Госбанка г. Москвы. Телекс: 411700 OPUS.

40 коп. Индекс 70663